63.3(25з)
О-39

Вл. И. Огородников,
профессор Иркутского Университета.

ОЧЕРК
ИСТОРИИ СИБИРИ
до начала XIX стол.

ЧАСТЬ I.

ВВЕДЕНИЕ.

ИСТОРИЯ ДО-РУССКОЙ СИБИРИ.

ИРКУТСК.
Типография Штаба Военного Округа
1920.

Вл. И. Огородников,
профессор Иркутского Университета.

ОЧЕРК
ИСТОРИИ СИБИРИ
до начала XIX стол.

ЧАСТЬ I.

ВВЕДЕНИЕ.
ИСТОРИЯ ДО-РУССКОЙ СИБИРИ.

Ханты-Мансийская государственная окружная библиотека
РФ

ИРКУТСК
Типография Штаба Военного Округа
1920.

- 070786 -

60

Оглавление I части.

От автора . . . . . 01—03
Погрешности и опечатки . . . . . 04.
Введение . . . . . 1—92
1. Задачи изучения сибирской истории . 1— 8.
2. Обзор источников сибирской истории . 8— 44.
3. Очерк сибирской историографии . . 45— 91.
Пособия . . . . . 91— 92.
I. Природа страны . . . . . 93—115.
1, Положение и границы . . . . . 93— 96.
2. Поверхность страны . . . . . 96—100.
3. Климат . . . . . 100—102.
4. Внутренние воды . . . . . 102—109.
5. Растительность и животный мир . . 109—114.
Пособия . . . . . 115.
II. Древнейшее население Сибири 116—189.
1. Сибирь в доисторические времена и на заре истории . . . . . 118—130.
2. События в средней Азии . . . . . 130—146.
3. Древнейшее население Сибири . . . 146—185.
а) древнеазийцы 146—151; б) финно-угры и самоеды 151—157; в) динлины и хакасы 157—179; г) тунгусы и якуты 179—185.
Источники и пособия . . . . . 185—189.
III. Сибирь накануне русского владычества . . . . . 190—289
1. Западная Сибирь . . . . . 190—234.
а) финно-угры и самоеды 190—217; б) Сибирское ханство 217—234.

2. Южная Сибирь . . . . . 234—262.
а) енисейские кыргызы 234—249; б) кыргыз-казаки 249—252; в) буряты 252—262.
3. Восточная Сибирь . . . . . 262—281.
а) тунгусско-маньчжурские племена 262—270; б) якуты 270—277; в) древнеазийцы 277—281.
4. Заключение . . . . . 281—285
Источники и пособия . . . . . 285—289

Приложение: Карта Сибири (на особом листе).

ОТ АВТОРА.

В основу настоящего Очерка положены мои чтения по истории Сибири в Государственном Иркутском Университете в 1918—1919 акад. году. При составлении чтений и Очерка мне пришлось иметь дело с трудностями троякого рода—с неудовлетворительным состоянием печатных источников и неразработанностью многих вопросов сибирской истории, с отсутствием научного построения истории Сибири, особенно дорусской, и необходимостью создавать его при современных условиях жизни, так мало благоприятных для ученой работы. Насколько мне удалось справиться со всеми этими трудностями, предоставляю судить читателям. Во всяком случае прошу смотреть на мой труд, как на одну из немногих попыток научного обследования основных вопросов краевой истории и снисходительно относиться к способу ее выполнения.

Первоначально я намеревался издать целиком весь „Очерк истории Сибири“; однако крайние трудности, с которыми сопряжено

в настоящее время книгопечатание, побу-
дили меня выпустить в свет пока только
I-ую часть труда, отложив издание II-ой
до наступления более благоприятных обс-
стоятельств. Эта II-ая часть посвящена
завоеванию и заселению русскими Сибири,
положению в ней русского и инородческого
населения, областному управлению и изобра-
жению быта и нравов сибирского общества
в XVI—XVIII в. в. При выходе ее в свет в
конце книги будет приложен общий указа-
тель личных имен и географических назва-
ний, а также по возможности 2—3 исто-
рических карты Сибири. Последние я пред-
полагал приложить к выпускаемой теперь
I-ой части Очерка, но крайняя дороговизна
изготовления их и боязнь удорожить этим
и без того высокую стоимость книги заста-
вили меня ограничиться одной только фи-
зико-географической картой Сибири.

Завершая в настоящее время первую часть
работы, я считаю приятным долгом выра-
зить свою глубокую признательность Госу-
дарственному Иркутскому Университету за
оказанную им временную материальную под-
держку при напечатании книги, г. г М. П
Овчинникову, доценту Б. Э. Петри, С. Н
Лаптеву, А. А. Половинкину и проф. П. Г
Любомирову—за их указания и сообщенные
мне сведения во время составления настоя-
щего Очерка, заведующему Иркутской Го-
родской Публичной Библиотекой Н. С. Ро-

манову—за его неизменную готовность доставлять нужные для занятий книги и брошюры, а также всем тем, кто так или иначе способствовал выходу в свет моей книги.

Проф. Вл. Огородников.

Иркутск, 20 сент. 1919 г.

Важнейшие из замеченных погрешностей и опечаток.

Страница.	Строка.	Напечатано:	Следует читать:
2	13 св.	финские	финно-угорские
16	2 св.	напечатанных	напечатаны
17	4 св.	Тобольске, Чите,	Тобольске, Томске, Чите,
18	1 сн.	1903 г.	1913 г.
56	16 св.	с учными	с научными
64	15 сн.	Уроженец Забайкальской области,	Уроженец Иркутской губернии,
85	16 св.	следующее:	следующие:
88	11 св.	история	историография
101	13 сн.	Верхоленск	Верхоянск
146	10 св.	В XIV ст.	В XIV—XV ст.
208	9 сн.	извнутри	изнутри
223	4 св.	XV в.	XVI в.
249	12 сн.	*г) кыргыз-казаки.*	*б) кыргыз-казаки.*
252	13 сн.	*д) буряты.*	*в) буряты.*

Просьба исправить их до пользования книгою

ВВЕДЕНИЕ

1. Задачи изучения сибирской истории.

Научное значение местной истории заключается в изучении развития известного народа и в определении влияния его на другие народы; приэтом чем большим своеобразием отличается данное развитие и чем явственнее оно вскрывает движущие силы исторической жизни, тем больший интерес для науки представляет местная история. С такой точки зрения история Сибири является особенно любопытной областью исторического знания, ибо эта страна отличается и значительным своеобразием местной жизни и известной показательностью своего исторического процесса.

Своеобразие исторической жизни Сибири вскрывается уже из самого природного положения края Сибирь—страна с устойчивыми географическими границами: с севера и востока ее омывают моря, с запада и юга окружают горы и пустынные плоскогория. Климатические и почвенные условия в Сибири иные, нежели в Европе; растительный и жи-

вотный мир отличается некоторыми особенностями, каких не знает коренная Россия. Таким образом, природное положение страны указывает на ее отдельность и особность, а это в свою очередь предполагает своеобразный уклад жизни сибирского населения. И историческая действительность вполне оправдывает это предположение.

Русскому владычеству в Сибири предшествовала многовековая история туземной Сибири. Страну с незапамятных времен населяли народы индо-европейские, древнеазийские (палеазиаты), финские, турецкие и монгольские. В настоящее время эта древняя история остается совершенно неизученной, а между тем с нею неразрывно связан вопрос об исторических судьбах упомянутых народов, из которых многие и до сих пор живут в Сибири. Из такого положения нас может вывести только научная самостоятельность сибирской истории и ее всестороннее изучение.

Появление русских в Сибири произвело значительные перемены и в географическом распределении, и в общем положении сибирских народностей, повлияв приэтом и на изменение племенного типа самих пришельцев. Подобное любопытное явление уже и раньше имело место в истории русских славян. Историческое развитие русского племени в восточной Европе полно захватывающего интереса В царство девственно-могучей природы, в страну первоначальных финских насельни-

ков края появляются русские славяне и с первых же шагов начинают борьбу за собственное существование. Вобщем эта борьба носила повидимому довольно мирный характер: вот почему ни письменные памятники, ни народные предания русского племени не помнят, чтобы между финнами и пришельцами велась упорная повсеместная борьба. Русские пришли в финский край не крупными массами, а небольшими отрядами, которые, подобно струйкам, медленно и едва заметно просачивались между финскими поселениями. Так, шаг за шагом, усилиями многих поколений на протяжении 4—5 веков, пришельцы овладели огромным краем и за это время, путем приспособления русских к условиям местной жизни и усвоения ими обрусевших финских народцев, образовалось великорусское племя. Устраивая собственную жизнь на новых местах, великоруссы создали для себя и особый уклад хозяйственной жизни, и своеобразный строй государственно-общественных отношений.

Если мы теперь обратим свои взоры на восток; в беспредельные пространства Сибири, с ее еще более девственной природой и необычайно пестрым по составу населением, то увидим, что русская народность нашла здесь совсем иную жизненную обстановку, чем в Европе. Природа страны, то безконечно суровая на севере, то умеренная и даже мягкая в южной полосе, потребовала от рус-

ских пришельцев необычайной стойкости, несокрушимой энергии и упорства, но вместе с тем и исключительной приспособляемости в борьбе за существование. Словом, от русских пришельцев в Сибири потребовались такие качества, каких не было у большинства их восточно-европейских братьев. При всем том Сибирь на первых же порах по завоевании ее русскими заняла несколько исключительное положение в Московском государстве. Правительство смотрело на новоприобретенную сбширную область с точки зрения того обильного дохода, какой она давала казне. Вот почему государственная власть раньше всего стала заботиться об умножении сибирской доходности и лишь после этого принялась за упорядочение нового края—устройство в нем управления, развитие хозяйственной жизни и вообще за установление в Сибири основ гражданского общежития. Однако все эти заботы московского правительства наталкивались на одно существенное затруднение—слишком быстрое расширение в Сибири русских владений. Дело в том, что новые земли открывались и приобретались не столько по почину центральной власти, сколько вследствие предприимчивости местных русских людей—казаков и промышленников, которые отыскивали новые землицы из присущего им удальства или же продвигались вперед одержимые алчностью.

Во время этого продвижения по Сибири

русские землепроходцы сталкивались со множеством туземных племен и народцев, и многие из них оказывали пришельцам упорное сопротивление. В результате такого столкновения одни из туземцев были истреблены неумолимою рукою пришельца, другие совершенно утратили свой прежний облик и слились с русскими, а третьи, хотя и уцелели и сохранили свою национальность, но в своей крайней дикости и некультурности вынуждены были влачить жалкое существование. Правительство нередко одобряло такую деятельность русских людей: ведь они, отыскивая новые земли, тем самым расширяли пределы государства и обогащали казну; но пришельцы попутно притесняли и всячески угнетали инородцев, которые нередко отвечали на это восстаниями.

Таким образом сибирские земли становились русскими областями но, вследствие удаленности их от центра, правительство не имело возможности следить за сибирским управлением, которое в XVII и XVIII вв. поэтому представляло собою не что иное, как грабительское самоуправство воевод и губернаторов. Та же отдаленность Сибири уже очень скоро привела правительство к мысли сделать ее местом ссылки. В XVI и XVII вв. сюда ссылали главным образом опальных бояр и царедворцев, а также и простых людей, взамену смертной казни; со времени Петра В. Сибирь начали отправлять множество ссыль-

ных на житье и в каторжные работы, а в XIX в. Сибирь стала уже обычным местом уголовной и административной ссылки. Одновременно в Сибирь направлялась и русская колонизация, но она шла крайне неравномерно: захватывая огромныя пространства, она заним.ла главным образом речные долины, причем носила ярко-выраженный завоевательный и фискально-промышленный характер. Недостаток женщин уже рано привел русских пришельцев к необходимости брать себе в жены инородок, но такое смешение с туземцами на первых же порах повлияло на изменение русского племенного типа. С другой стороны, и инородцы, входя в непосредственное соприкосновение с русскими и перенимая их веру и образ жизни, скоро сами обрусевали, причем сохраняли в этом новом состоянии много своего старого, племенного. Так в русском населении Сибири мало-помалу сложился особый, чисто-сибирский физический и бытовой характер, несколько отличающийся от великорусского типа восточной Европы.

Мы видели выше, что нечто подобное происходило и при расселении русских славян по восточно-европейской равнине, с тем однако отличием, что там не было такого пестрого сочетания народностей, как в Сибири, причем самое расселение русских происходило повидимому в более мирных условиях и что вообще процесс завладения финским

краем, за отсутствием исторических данных, представляется нам малоизвестным даже в основных своих чертах. Наоборот, в Сибири этот процесс происходит на глазах истории, сохранившей для нас много любопытных памятников: завладение Сибирью в сущности продолжается и в настоящее время. так что сама современность дает нам в этом отношении творимую историю. Научная ценность такого изучения сибирской истории не подлежит ни малейшему сомнению ибо оно, касаясь прошлого многих азиатских народов и бросая яркий свет на начальные страницы истории великорусского племени. тем самым представляет ценный вклад и во всемирную историю

Таковы основания, побуждающие нас к самостоятельному изучению сибирской истории.

Между тем история эта почти совершенно забыта современными исследователями, да и вообще за последние десятилетия Сибирь редко обращала на себя внимание историков. Наши ученые вспоминали о ней лишь тогда, когда их исторические исследования так или иначе соприкасались с историей Сибири. Но и в этом случае они обычно обращались к сочинениям Миллера, Фишера или Словцова и у них заимствовали все нужные им сведения Некоторые исследователи. правда. не считали возможным довольствоваться названными трудами, ибо по целому ряду специальных вопросов не находили здесь никаких

указаний,—и все-же они не брались за самостоятельную разработку сибирской истории, а ограничивались одними сетованиями на отсутствие исторических исследований о Сибири. Однако было бы несправедливо винить русский ученый мир в отсутствии у него желания разрабатывать сибирскую историю. Желание это не раз проявлялось, но постоянно наталкивалось на полное почти отсутствие подготовительных научных работ, на печальное состояние печатных источников и неразработанность архивных материалов для сибирской истории.

2. *Обзор источников сибирской истории.*

Сведения о древнейших обитателях Сибири историческая наука почерпает из данных археологических раскопок.

Памятники глубокой древности рассеяны по всему обширному пространству Сибири. Более же всего их встречается по долинам рр Иртыша, Оби. Енисея и их верхних притоков, а в Забайкалье—по рр. Селенге, Чикою, Аргуни и Амуру, т. е. как раз именно в тех местах, которые уже при покорении Сибири русскими были наиболее населены.

Памятники сибирской древности становятся известны русским только со времени завоевания и заселения ими Сибири. Уже первые русские насельники края обратили внимание на древние курганы или „чудские могилы" в

Западной Сибири и начали обследование их с корыстными целями. Из их среды и появились так называемые курганщики, которые сделали своим постоянным занятием ограбление могил курганов, отчего назывались также могильщиками бугровщиками или кладоискателями. Тогдашние власти считали расхищение курганов преступлением и нередко наказывали за это курганщиков. Бывало, на таких „промышленников“ нападали хищнические шайки калмыков и киргизов, бродившие по сибирским степям с целью грабежа и убийства. Несмотря на все эти опасности, связанные с отправлением промысла, некоторые курганщики обращали его в средство существования и приобретали в нем такую сноровку, что по одному наружному виду курганов определяли их относительную древность и содержание в них драгоценных металлов. Так как многие из курганов были значительны по своим размерам, а некоторые к тому же покрыты тяжеловесными камнями (во 100 - 200 пуд.), то курганщики соединялись в артели (до 200—300 чел.) и таким образом занимались „бугрованием“. Одна из таких артелей, состоявшая из 150 человек, в XVIII в. по среднему течению Иртыша нашла курган и извлекла из него до 50 фун. золота в разных поделках. Конечно, далеко не все сибирские курганы были так богаты; однако могильного золота и серебра было столько в обращении, что в Красноярске, главном

рынке курганных драгоценностей в XVIII в., могильное золото продавалось по 50—90 коп. золотник. Эти драгоценности в то время составляли важный предмет торговли на Ирбитской ярмарке, где охотно покупались русскими и инородцами и распространялись за Урал.

Подобная же участь постигла и те памятники сибирской древности, из которых можно было извлечь хоть какую-нибудь пользу. Остатки древних сооружений, каменные „бабы“ и намогильные камни, нередко покрытые любопытнейшими надписями и изображениями („писаницы“), до последнего времени употреблялись либо на жернова, либо в качестве простого материала для постройки новых зданий, конечно без всякого соображения о научном значении истребляемых памятников старины.

Таким образом, уже в XVI—XVIII вв наиболее древние, богатые и любопытные в историко-археологическом отношении курганы были разрыты и разграблены, а вещи, находившиеся в них, расплавлены или разбиты и разошлись по разным рукам. Это сплошное расхищение курганов и истребление других памятников сибирской старины уничтожило, к сожалению, большую часть культурных произведений древнейших обитателей Сибири, зато довольно рано обратило на эти древности внимание ученых. Так, уже *Николай Витзен* (1640—1717) упоминает в разных

местах своего сочинения „Северо восточная Татария и проч.“ (Noord en Oost-Tartarye, Amsterdam 1692) о сибирских древностях, сообщая в нем древние надписи на скалах и приводя ряд таблиц с изображением разных металлических украшений. найденных в старинных могилах Сибири.

Впервые сибирские древности были обследованы ученым естествоиспытателем д-ром *Д.-Г. Мессершмидтом* (1685—1735), который в 1720 г., по поручению Петра Вел., отправился в Сибирь с научною целью. Через семь лет он вывез отсюда в Петроград большое собрание древностей и составил атлас рисунков. содержащий на 36 таблицах изображения каменных изваяний. снимки с надписей и с разных виденных им сибирских древностей. После Мессершмидта все ученые путешественники по Сибири стали обращать внимание на культурные произведения древних обитателей этого края. Они собирали попадавшиеся им древности (из камня и металла), а иногда производили раскопки курганов и обследование остатков древних сооружений. Так. в сочинениях *Ф. Н. Страленберга* (1730 г). *Г.-Ф Миллера* (1732– 1764 гг.), *И.-Г. Гмелина* (1751 г.), *П.-С. Палласа* (1771—1776 гг.), *И Г Георги* (1772—1774 гг.), *И. Сивера* (1796 г.; и других ученых, путешествовавших по Сибири, встречается множество ценных замечаний по этому пред-

мету[1]. К сожалению, составленные ими коллекции сибирских древностей (костей человека и животных, каменных и металлических орудий, глинянных изделий, предметов утвари, украшений и проч.) в свое время не были собраны в одно место и теперь они считаются навсегда утраченными для науки.

Но ученые, посетившие Сибирь, занимались не только собиранием и изучением местных древностей, но и выработкой самых методов археологических исследований. В этом отношении выдающимися произведениями русской археологической литературы являются две инструкции, составленные в 1730-х гг. для собирания и описания сибирских древностей.

Одна из них принадлежит известному русскому историку и политическому деятелю *В. Н. Татищеву* и составляет часть его „Предложения о сочинении истории и географии российской". В нем помещено 198 руководящих вопросов, на которые должны были отвечать губернаторы, воеводы и прочие управители. Шесть вопросов из этого „Предложения" (103—107 и 191) касались местных древностей и требовали сведений об остатках древних сооружений, каменных бабах, надписях, о произведениях старинного искусства, утвари и проч. Представленное в

---

[1] Все эти замечания, разбросанные по редким теперь печатным и рукописным сочинениям Мессершмидта, Страленберга, Миллера и Гмелина, напечатаны, в переводе на русский язык, в приложении к I т. „Сибирских древностей" В. В. Радлова, изд. Им. Археологической Комиссией (Спб., вып. I—1888, II—1891, III—1894).

Академию Наук, „Предложение“ Татищева было утверждено и от имени правительства разослано по сибирским правителям и канцеляриям для руководства. Через несколько лет из сибирских присутственных мест начали поступать в Академию Наук подробные ответы на вопросы „Предложения“, но, сложенные в академическом архиве, они так и не подверглись научной разработке[1].

Вторая инструкция принадлежит не менее известному историку *Г.-Ф. Миллеру* и, подобно первой, составляет тоже часть (§ 5) его общей инструкции для географического и исторического описания Сибири, написанной для руководства И.-Э. Фишера Инструкция для собирания и описания сибирских древностей заключает в себе 100 статей и содержит подробнейшие наставления и указания для исследования старинных укреплений и остатков древних сооружений, каменных баб, рукописей, надписей и изображений, каменных и металлических орудий, оружия, домашней утвари и проч. Особенно подробные указания инструкция Миллера дает о курганах-могилах, их внешнем виде и форме и о различных способах курганного погребения (ст. 27—68). Миллер долго работал над своей инструкцией. В ней он, по собственному признанию, „написал все до последних мелочей точно так, как будто ему самому

---

[1] „Предложение“ В. Н. Татищева напечатано в сочинении Н. А. Попова—В. Н Татищевъ и его время, М. 1861, стр. 663—696.

нужно было представить перечень всех совершонных им до тех пор работ; в особенности же он указал на все, что еще следовало сделать по таким предметам, которые ему самому не представлялся случай выполнить". Несмотря на то, что Фишер не сумел, как мы увидим ниже, не только воспользоваться этой инструкцией, но и вообще извлечь пользу из своего сибирского путешествия, она должна быть отнесена к числу замечательнейших произведений русской археологической литературы[1].

Деятельность ученых путешественников по собиранию и научному обследованию предметов сибирской древности обратила на себя внимание образованных сибиряков. Уже с конца XVIII ст. сибирские чиновники и промышленники принялись за составление собственных собраний местных древностей, из коих некоторые представляли большую научную ценность. Но так как тогдашнее сибирское общество еще не понимало всего значения предметов древности, на которые смотрело, как на забаву, то все такие частные собрания, по смерти их владельцев, обычно разбирались по рукам их родственников и знакомых или же просто погибали от небрежного к ним отношения.

Наиболее замечательными из исследовате-

[1] Инструкция Г.-Ф. Миллера была написана по-немецки. В переводе на русский язык она напечатана в приложении к 3 выпуску I тома „Сибирских древностей" В. В. Радлова, стр. 106—114.

лей сибирских древностей в первой половине XIX в. были горный инженер *Г. И. Спасский* и финляндский ученый *А. Кастрен*.

Во время своего многолетнего пребывания в Сибири Спасский ревностно собирал как самые памятники древности, так и сведения о них, приобретал точные их изображения и результаты собственных изысканий и исследований других в этой области помещал в статьях, печатавшихся в издаваемом им журнале „Сибирскій Вѣстникъ“ (за 1818-1819 гг.), в отделе „Сибирскія древности“.

Но, особенно много для исследования сибирских древностей сделал А. Кастрен. В 1845—48 гг. по поручению российской Академии Наук он путешествовал по Сибири для изученія финно-самоедских народов главным образом в племенном и языковом отношениях. Однако уже в самом начале своих исследований Кастрен должен был обратиться к собиранию и обследованию сибирских древностей, как невещественных (верования и предания инородцев), так и вещественных (курганы и надписи). Особенно долго и тщательно он занимался изучением многочисленных могил и надписей в Минусинском округе и отчасти в Забайкалье, причем исследователь надеялся, что ему удалось определить с достаточной верностью происхождение большей части этих древностей и тем пояснить доисторический быт южной и западной Сибири. Все собранные А. Кастреном многочи-

сленные сведения о сибирских древностях напечатанных в его „Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845—1849“ (S Petersb 1856) и „Ethnologishe Vorlesungen über die altaischen Völker nebst samojedischen Märchen und tatarischen Heldensachen“ (S. Petersb. 1857).

Вообще, до половины XIX в. собирание и обследование сибирских древностей происходило большею частью по почину отдельных лиц; причем деятельность их, не объединенная никаким общим планом, распространялась преимущественно на юго-западную и западную Сибирь. С учреждением в Иркутске Сибирского Отдела И. Русск Географического Общества в 1851 г. наступила пора и для исследования древностей восточной Сибири. Поставив себе задачи географические и естественно-исторические, Отдел никогда не упускал из виду и сибирских древностей: он поддерживал своих членов (гг. Павлуцкого, Давыдова, кн. Кострова, Юренского, Черского, Полякова, Витковского, Агапитова и др.) в их изысканиях о восточно-сибирских древностях и вообще сосредоточил вокруг себя все археологические исследования о Сибири. В первые же годы своего существования Сибирский Отдел, трудами своих членов и благодаря находкам посторонних лиц, сумел составить небольшое собрание сибирских древностей, которое впоследствии превратилось в интереснейший археологический музей. Подобный же музей, по почину г. Мартьянова, в

1877 г. открылся в Минусинске, а позднее археологические музеи и небольшие собрания древностей учреждаются и в других сибирских городах (Енисейске, Красноярске, Тобольске, Чите, Хабаровске и др.).

Одновременно с Сибирским Отделом археологические изыскания в Сибири производила и Археологическая Комиссия в Петрограде. В 1850-х гг. она поручила В. В. Радлову произвести раскопки в юго западной Сибири. Выполняя это поручение, Радлов в две поездки (1862—63 гг. и 1865—66 гг.) раскопал большое количество курганов в Абаканской, Киргизской и Барабинской степях и на Алтае, открыл в них многочисленные памятники медного и железного века и обследовал при этом множество курганных погребений. Раскопки В. В. Радлова пользуются большим вниманием археологов, как по обилию исследованных им курганов, так и ввиду строгой методичности, с какою велись самые раскопки. Его работы в этом направлении продолжали в Минусинском крае гг. Адрианов, Кузнецов и Савенков, которые в 1880-х гг. нашли здесь немало предметов медного века.

Вообще медные и железные находки делались сибирскими археологами сравнительно часто. Значительно меньше внимания они обращали на изделия из камня и кости. Объясняется это тем, что сибирские археологи интересовались больше памятниками эпох, ближайших ко временам историческим,

07786

Ханты-Мансийская государственная окружная библиотека

РФ

кроме того, для отыскания орудий каменного века необходимо производить специальные исследования и раскопки, а между тем поиски каменного века в Сибири начались только в 1870-х гг. Поэтому некоторые русские археологи пришли было к заключению, что в Сибири совсем не встречается орудий каменного века.

Однако, раскопки, начавшиеся в 1870-х гг. и продолжающиеся до настоящего времени, совершенно опровергли это ошибочное утверждение.

Уже в 1872 г. И. Д. Черский близ Иркутска нашел остатки каменного века, которые он, судя по среде и характеру находки, отнес к палеолиту. С этого времени раскопки в Сибири следуют одни за другими и приносят с собою ряд памятников палеолитического и неолитического века, причем первых до сих пор найдено значительно меньше, чем вторых. Находки сибирского палеолита были сделаны в 1892 г. около Красноярска (И. Т. Савенковым), в 1896 г. около Томска (проф. Н. Ф. Кащенко) и в 1893—1896 гг. близ Иркутска (М. П. Овчинниковым). Что же касается памятников неолитического века, то они занимают в Сибири пока гораздо более обширную территорию, которая, начинаясь на юге (раскопки разных лиц на Амуре и в Забайкалье И. Д. Черского в Тунке в 1874 г., Б. Э. Петри на западном берегу Байкала в в 1903 г.), охватывает всю среднюю полосу

Сибири (раскопки Н. И. Витковского по верхнему и среднему течению Ангары в 1882 г., С. К. Кузнецова в Томске в 1887 и 1889 гг., И. С. Полякова близ Кургана в 1879 г. и И. Я. Словцова в Тюмени в 1883 г.).

Таким образом вопрос о сибирских древностях находится еще на начальных ступенях своего развития: необходимо пока простое накопление фактов и обстоятельное их описание, равно как проверка, сравнение и группировка добытого раскопками материала, ибо время для окончательных выводов и обобщений еще не наступило.

Среди вещественных памятников сибирской древности особенного внимания заслуживают писаные скалы или *писаницы*, т. е. начертания на камне изображений людей, животных и письменных знаков. Писаницы находятся во многих местах Сибири—на Алтае (по р. Бухтарме), по р. Томи, в Енисейской губернии, на Байкале и проч.; встречаются они и в Монголии. В большинстве случаев писаницы-картины изображают сцены из охотничьей жизни, давая этим понятие об образе жизни дикарей и о первых попытках их увековечивать события изображениями.

Но для историков несравненно большее значение имеют писаницы с начертанием письменных знаков. Они встречаются в Сибири на верхнем Енисее то начертанные красками, то вы-

сеченные на скалах и каменных плитах Боль
шинство писанных красками письмен по ис
следовании оказалось позднейшего происхож
дения; причем эти надписи составлены на
монгольском и китайском языках. Но среди
письмен нашлись и такие, которые были вы
ражены на каком-то неизвестном языке и
ключ к пониманию которых был повидимому
утрачен.

Первое известие об этих надписях доставил
в Европу еще в XVIII ст. спутник Мессер
шмидта, во время его путешествия по Сиби
ри, Страленберг. С тех пор количество от
крытых надписей значительно увеличилось
(до 15), но самые письмена попрежнему оста
вались неразгаданными. Одни исследовател
(Аб. Ремюза, Н. И. Попов и др.) находили в
них сходство с северными рунами, другие (А
Кастрен) узнавали среди них буквы греческие
и латинские, некоторые (Байер и Тихзен) отыс
кивали сходство между енисейскими надп
писями и кельтскими или готскими письме
нами; но находились и такие ученые, кото
рые видели в них письменность хазарскую
(Клапрот), арабскую (Тетерман) и даже древ
не-японскую (Кемпбель). Тем не менее все
эти попытки вникнуть в смысл таинственных
надписей окончились полной неудачей, хотя
ученый мир попрежнему продолжал занимать
ся ими. В 1880-х гг. финские археологи, с
г. Аспелином во главе, предприняли на Ени
сей несколько ученых экспедиций и плодом

их трудов в 1889 г. появилось первое научное издание енисейских надписей, под заглавием „Inscriptions de l'Iénisséi recueillies et publiées par la Societé finlandaise d'archéologie. Helsingfors".

Издание енисейских надписей произвело сильное впечатление на ученых языковедов и археологов; но новые открытия, на этот раз в Монголии, еще более поразили ученый мир, так как обнаружили существование здесь не менее замечательных памятников культуры, родственной енисейской.

Летом 1889 г. известный сибирский писатель Н. М. Ядринцев, по поручению Восточно-Сибирского Отдела Рус. Географ. Общества, предпринял питешествие в северную Монголию, и здесь в долине р. Орхона (притока р. Селенги), в окрестностях древних городов Каракорума и Хара-Балгасуна (в 60 верстах к северу от буддийского монастыря Эрдени-Цзу), открыл остатки каких-то сооружений, ввиде ряда каменных грубо вытесанных фигур животных. При внимательном осмотре среди них был найден большой обелиск, разбитый на три куска и покрытый с трех сторон енисейскими надписями, а с четвертой — китайскими письменами. Впоследствии выяснилось, что это—памятник в честь восточно-турецкого хана Бильге. В полуверсте от описанного места Н. М. Ядринцев нашел остатки подобных же сооружений и неповрежденный обелиск, одна сторона которо-

го была занята китайской надписью, а три заполнены енисейскими письменами. Это был, как потом узнали, памятник в честь брата Бильге-хана, Кюль-Тегина.

Узнав об удивительном открытии Ядринцева, Финнско-Угорское Общество в Гельсингфорсе в следующем же году снарядило на Орхон ученую экспедицию, с г. Гейкелем во главе, которая сняла с надписей фотографии, а в 1892 г. появилось уже и издание их, под заглавием „Inscriptions de l'Orkhon recueillies par l'expédition finnoise 1890 et publiées par la Société finno-ougrienne. Helsingfors". В том же 1891 г. орхонские надписи были обследованы особой экспедицией, снаряженной российской Академией Наук, с В. В. Радловым во главе. С надписей были сделаны оттиски на коленкоре, а в 1892—1896 гг. работы этой экспедиции были обнародованы, под названием „Труды Орхонской экспедиціи, Атласъ древностей Монголіи", и вышли под наблюдением В. В. Радлова.

Сначала исследователи предполагали, что китайские надписи на обоих памятниках по содержанию тожественны с находящимися на них же енисейско-орхонскими, и хотя это потом не подтвердилось, тем не менее разбор китайских надписей много помог прочтению загадочных енисейско-орхонских письмен. Этот разбор прежде всего установил, что один из памятников воздвигнут в честь восточно-турецкого государя и союзника китайского бог-

дохана, Бикя кэхана (т. е Бильге-хана), а другой сооружен 1 авг. 732 г. по Р. Х. в честь брата его Кюй-Тегина (т. е. Кюль-Тегина). Кроме того, китайские надписи сообщили и некоторые общие сведения о восточно-турецком государстве в Монголии.

Уже одних этих указаний было достаточно, чтобы поставить прочтение загадочных надписей на правильный путь Было ясно. что языком енисейско-орхонских надписей должен быть древне-турецкий. Однако текст их был значительно пространнее китайского; требовалось найти ключ к их пониманию. За дело расшифровки орхонско-турецких надписей взялся профессор Копенгагенского университета Вильгельм Томсен. и в 1893 г. блестяще выполнил его, поставив этим свое имя в один ряд с именами Шампольона и Гротефенда.

Познакомившись с историческими данными о восточных турках по китайским и отчасти византийским источникам. проф. Томсен приступил после этого к разбору самых надписей. Внимательно всматриваясь в начертания многочисленных письменных знаков, он предположил, что загадочное письмо повидимому нельзя считать обыкновенным алфавитом с определенным звуком для каждого отдельного знака и что оно должно быть или слоговым письмом или по крайней мере таким, в котором знаки для выражения одного и того же звука разнообразятся, смотря по различным условиям, в каких этот звук находится.

Затем проф. Томсен задался вопросом, имеются ли особые знаки для обозначения гласных звуков и, если имеются, то каковы они. При решении этого вопроса он исходил из того соображения, что, если встречается сочетание знаков *хух*, т. е если один и тот же знак находится перед другим знаком и после него, то весьма вероятно, что *у* обозначает гласный звук, а два *х*—согласные, и наоборот. Тщательно изучая подобные сочетания знаков проф Томсен в конце концов нашел три знака, которые, по его убеждению, должны изображать гласные звуки. При этом он предположительно отожествил эти знаки с определенными звуками—*у* (и *о*). *и* и *е*. Как оказалось впоследствии, он ошибся только в определении последнего звука; знак, принятый им за *е*, в действительности обозначал звуки *ӧ* и *ӱ*.

Для дальнейших успехов проф. Томсену нужно было найти значение некоторых слов, особенно собственных имен, встречающихся в китайских надписях С самого же начала его внимание сосредоточилось на двух словах. Одно из них встречается чрезвычайно часто как в орхонских, так и в енисейских надписях, приэтом обычно в начале каждого нового отдела надписи. Проф. Томсен предположил, что слово это обозначает хаńский титул—*тэнгри* (т. е. небо, бог), общий всем монгольским и турецким языкам, тем более, что оно оканчивается таким знаком, который еще

раньше был отожествлен им с звуком *и*. Второе слово очень часто встречается в памятнике в честь Кюль-Тегина и отсутствует в памятнике Бильге хана. После долгих колебаний проф. Томсен признал, что это единственное слово, под которым может скрываться имя самого Кюль-тегина; таким образом, оставалось только отожествить знаки этого слова с определенными звуками. Эти два слова открыли проф. Томсену значение крайне часто встречающегося слова, которое он, при помощи преопсложительно известных ему знаков, прочел как *тюрк*, что устраняло последние сомнения в принадлежности орхонских надписей восточно-турецкому народу Так, идя от одного допущения к другому, проф. Томсен постепенно нашел, что в древне-турецкой письменности употреблялось 38 знаков, причем одни из них служили для обозначения простых звуков, другие—для двойных.

Как только проф. Томсен в 1893 г. напечатал о результатах своего удивительного открытия, русский ученый-турковед, проф. В. В. Радлов, еще раньше интересовавшийся енисейско орхонскими надписями, немедленно же принялся за перевод надписей и уже в начале 1894 г напечатал его особои брошюрой (Die alttürkische Denkmäler der Mongolei. I. Das Denkmal zu Ehren des Prinzen Kül-Tegin). Любопытно отметить, что этим переводом пользовался и сам проф. Томсен, когда

в 1896 г. готовил собственный перевод орхонских надписей [1])

Разгадка орхонских надписей позволила В. В. Радлову прочитать и енисейские, причем оказалось, что енисейская письменность древнее орхонской и что она принадлежала хакасам, отуреченному народу, жившему некогда по верхнему течению рр. Оби и Енисея.

Таким образом, гениальное открытие проф. Томсена приподняло завесу с прошлого некоторых народов, некогда обитавших в средней Азии и южной Сибири. Орхонские надписи сообщили нам бесценные сведения об их географическом размещении и некоторых чертах их государственно-общественного быта, необычайно обогатив этим древнюю сибирскую историю.

Круг письменных источников по истории Сибири открывается летописями и историческими описаниями китайцев Эти произведения являются весьма важными памятниками, так как Китай издавна имел связи с народами, некогда обитавшими в южной Сибири.

Составление летописей (ганг·му) в Китае почти всегда велось по почину и при ближайшем наблюдении правительства: оно поручало своим чиновникам вести запись событий внутренней и иностранной жизни, после чего передавало ее государственному истори·

[1]) Транскрипция и новейший перевод всех орхонских надписей даны П. М. Мелиоранским в его труде „Памятникъ въ честь Кюль-Тегина", (Записки Вост. Отд. И. Рус. Археологич. Общ., т. XII. Спб. 1899, етр. 60—79).

ческому обществу; последнее составляло по ней летописи, в которых события излагались в строго-хронологическом порядке. Собственно же история (шу) появляется у китайцев в последнем столетии пред Р. Х., и начало ее связывается с именем *Сы-ма-Цяня*, председателя исторического общества, отца китайской истории. Его труд называется Ши-цзи, т. е. Исторические записки, и, обнимая период с древнейших времен до 89 г. до Р. Х., содержит в себе описание событий, расположенных по династиям Иноземным народам Сы-ма-Цянь посвящает 6 глав своего сочинения (из общего числа 130), причем в трех из них он говорит о южных и северных народах, а в трех других—о хуннах, тибетских и западных народах. Сочинение Сы-ма-Цяня представляло, с точки зрения китайцев, совершенный образец историографии. Между тем вся работа его заключалась лишь в подборе более ранних исторических текстов и материалов и в установлении между ними чисто внешней связи. Несмотря на это, труд Сы ма Цяня имеет большое значение для истории, так как он сохранил в извлечениях ценнейши еисторические источники относящиеся к глубокой древности (до X в. до Р. Х.).

Сы-ма-Цянь имел множество продолжателей, из которых наиболее видное место в китайской историографии занимают два писателя—*Бань-гу*, в 85 г. по Р. Х. написавший Цань-хань шу, т. е Историю старшей Ханьской

династии (206 г. до Р. Х.—24 г. по Р. Х.) и *Сы-ма-Гуан* (1009—1086), составивший первую прагматическую историю Китая, Цзи-чжи-тун-цзянь (V в. до Р. Х.—X в. по Р. Х.). Продолжатели Сы-ма-Цяня уже к XVII в. по Р. Х написали до 23 исторических сочинений, которые вместе со своим образцом, составили сборник под общим названием—Нянь-сы ши, т. е 24 истории. Расположение исторического материала по династиям и способ обработки его в этих историях (за исключением сочинения Сы-ма-Гуана) те же, что и в труде Сы-ма-Цяня; приэтом все позднейшие китайские историки сообщают в своих произведениях множество сведений о народах средней Азии и южной Сибири.

На европейские языки китайских историков стали переводить еще в XVIII ст. (Дегинь и Виделу). В прошлом же веке, когда за дело перевода взялся ряд знатоков-китаеведов (Клапрот. Ремюза, о Иакинф, С. Жульен, Васильев, Уоттерс, Джайльс. Хирт, Шаванн и нек. др.), произведения большинства китайских историков прочно вошли в европейский научный оборот. На русский язык извлечения из китайских историков переведены между прочимъ ученым монахом о. Иакинфом (Бичуриным) в книге „Исторія (или Собраніе свѣдѣній) о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи въ древнія времена" (ч ч. I—III. Спб. 1851). которая является незаменимым руководством для всякого занимающегося истори-

ческими судьбами средней Азии и южной Сибири.

И в летописях, и в исторических описаниях китайцев заключается драгоценный, хотя и не всегда достоверный, материал относительно древнейшего населения Сибири. Важным пособием для понимания и истолкования этого материала могут служить как данные археологических раскопок, так точно арабские и персидские письменные памятники.

Арабские источники включают описания путешествий арабских средневековых купцов и путешественников по Китаю и средней Азии (напр., купца Сулеймана в IX в. и Абу-Саида в X в.). Из персидских писателей наибольшее значение имеет историк XIII—XIV вв. *Рашид-Эддин.* Его труд- „Сборник летописей" представляет множество сведений о племенах и народах, обитавших в эпоху появления Чингиз-Хана в северо-западной Монголии и южной Сибири, и потому может служить немаловажным пособием для восполнения пробелов у китайских историков. Однако при чтении сочинения Рашид-Эддина встречается немало затруднений для понимания искаженных писателем собственных имен и географических названий; поэтому для восстановления их и для истолкования темных мест в „Сборнике летописей" исследователям нередко приходится обращаться снова к китайским историкам. Сочинение Рашид-Эддина переведено

на русский язык И. Н. Березиным (Спб., ч. I—1853, ч. II—1888).

Сведения о событиях поздней сибирской истории XIV -XVI вв. сообщают нам главным образом русские летописи (Начальная, II и IV Новгородские, Никоновская и нек др.). В XVII в исторические известия о Сибири начинают записываться уже в самой Сибири; так начинается собственно сибирское летописание, оставившее нам ряд отдельных летописей. Важнейшими из них современная наука признает следующие четыре—Строгановскую, Саввы Есипова, Семена Ремезова и Ильи Черепанова.

Начало сибирскогэ летописания относят к 20-м годам XVII в. и связывают с именем первого тобольского архиепископа Киприана. В 1623 или 1624 г. архиеп. Киприан, по сообщению летописи С. Есипова, „возпомяну атамана Ермака Тимоѳѣева сына съ дружиною, и повелѣ разспросити Ермаковскихъ козаковъ, како они пріидоша въ Сибирь и гдѣ съ погаными были бои, и кого гдѣ убили погани на брани. Козаки же принесоша къ нему писаніе сіе, како пріидоша въ Сибирь и гдѣ у нихъ съ погаными были бои, и гдѣ козаковъ и ково именно у нихъ убиша“. На основании этого „писанія“ казаков архиеп. Киприан повелел вписать имена убитых в синодик тобольской соборной церкви св. Софии и поминать их в неделю православия. Мы ничего не знаем о дальнейшей судьбе

„писания“ казаков. Весьма возможно, что архиеп. Киприан воспользовался им для составления собственной летописи. По крайней мере, Есиповская летопись сообщает, что составитель ее „имѣюще помощь, и изправляше лѣпописи сія, еже бо взятіе Сибири и о побѣдѣ“. В другом месте Есипов, говоря об источниках своей летописи, заявляет, что одни известия он получил от современников, очевидцев событий, „иное же написахъ *съ писанія прежде мене списавшаго нѣчто, и стьсняемо нѣчто бы рѣчью*, азъ же разпространихъ“. Таким образом, уже в 30-х гг. XVII в (время, когда писал Есипов) были какие-то краткие летописи или летописные заметки о завоевании Сибири, легшие в основу позднейших летописей (Строгановской, Есипова и Ремезова), но они не дошли до нас Возможно, что происхождение их и находится в связи с литературной деятельностью архиеп Киприана, но в настоящее время древнейшими сибирскими летописями все-таки приходится признать Строгановскую и Есиповскую

Составитель Строгановской летописи неизвестен; но, судя по тому, что он был хорошо знаком с домашним архивом Строгановых и относился к ним с большим уважением, можно предположить, что он был близок к Строгановым. Составление им летописи Н. М. Карамзин и известный любитель сибирской старины Г. И. Спасский относят ко времени около 1600 года, последний — на том основа-

нии, что из царей летопись упоминает только Ивана IV и Федора Ивановича, а из сибирских городов — только построенные в XVI в. (Тобольск и Верхотурье). По объему содержания Строгановская летопись сравнительно невелика. Сообщив о том, как Строгановы утвердились в Прикамье и как они вели борьбу с окрестными инородцами, летописец рассказывает о призвании ими с Волги Ермака с дружиною и об его двухлетнем пребывании у них. Только после этого летопись сообщает об отправке Ермака за Урал, завоевании им Сибири, о первых сибирских воеводах и о построении в крае русских городков и острогов в царствование Федора Ивановича. Среди источников, какими располагал составитель Строгановской летописи, на первом месте следует поставить царские грамоты Строгановым, найденные им в их домашнем архиве. Из этого источника летописец заимствовал сведения о землях, пожалованных Строгановым в Прикамье, о призвании ими Ермака и об отправлении его в сибирский поход. Другие известия летописец почерпал, вероятно, как из расспросов современников, так и из кратких летописных записей, о существовании которых свидетельствует летопись Есипова. Г. Ф. Миллер не знал Строгановской летописи. В первый раз она была издана Г. И Спасским, под названием „Лѣтопись Сибирская" (Спб. 182), затем в неполном виде напечатана П. И. Небольсиным в приложении к сочинению его

„Покореніе Сибири" (Спб. 1849) и в 1907 г. в трех редакциях (основной, распространенной и сокращенной) переиздана Археографической Комиссией в сборнике „Сибирскія лѣтописи" (Спб.) по девяти спискам[1].

Составителем второй из названных выше летописей был дьяк тобольского архиепископа, Савва Есипов[2]. Но его труд, разделенный на 40 глав, даже нельзя назвать собственно летописью, т. е. простым погодным изложением событий без всякой внутренней связи: ибо он представляет собою совершенно цельное произведение проникнутое одной основной мыслью и написанное с определенною целью. Есипов хотел рассказать, каким образом Сибирь, подчиненная бусурманскому царю и поклонявшаяся идолам, перешла под власть православного царя и просветилась христианскою верою. Поэтому, начав свою повесть с описания Сибири и ее судеб до Ермака, летописец, совершенно не упоминая о Строгановых, рассказывает о походе казаков и смерти их вождя, после чего все завоевания русских в Сибири были утрачены; только с приходом сюда московских воевод татары были снова побеждены и русские прочно утвердились в новом крае: они построили города, смирили инород-

[1] *Основная* редакция по спискам—Строгановскому, Толстовскому, Погодинскому и Публичной Библиотеки: *распространенная* —по Толстовскому и Археограф. Комиссии, и *сокращенная*—по Афанасьевскому, Румянцевскому и Фроловскому.

[2] В ученой литературе С. Есипов известен также под фамилиями „Осипова" и „Ефимова".

цев и начали распространять христианство: так что „солнце евангельское землю Сибирскую осія и псаломскій громъ огласи". При составлении своего труда Есипов, по собственному заявлению, пользовался каким-то кратким „писаніемъ прежде его списавшаго нѣчто", которое он дополнял затем неизвестным „татарскимъ лѣтописцемъ" и сообщениями современников-очевидцев, причем он окончил свою летопись 1-го (по другому списку—5-го) сентября 1636 г. Изложение Есипова отличается напыщенностью и фразерством. Известиями его пользовался уже Г. Ф. Миллер, хотя и не всегда доверял его показаниям. Летопись Есипова в первый раз была издана Спасским на страницах „Сибирскаго Вѣстника" за 1824 г. (ч. I) (также отдельно—Спб. 1824), потом по другому списку переиздана Небольсиным (в сочинении его „Покореніе Сибири" 1849 г.) и в 1907 г. в трех редакциях (основной, распространенной и сокращенной) издана Археографической Комиссией в упомянутом уже сборнике „Сибирскія Лѣтописи" по 23 спискам[1].

Вопрос о сравнительной древности и достоверности Строгановской и Есиповской летописей уже давно занимал наших историков.

[1] *Основная* редакция по спискам—Сычевскому, Аввакумовскому, Словцовскому, двум Толстовским, Коркуновскому, Погодинскому, Археограф. Комиссии и Дмитриевскому; *распространенная*—по сп. Ундольского, двум Публичн. Библиотеки, Ивановскому, Погодинскому, Викторовскому, Карамзинскому и Академическому, и *сокращенная*—по Абрамовскому, Румянцевскому Погодинскому, Бузуновскому, Головинскому и Щ.

Одни из них (Н. М. Карамзин, Н. Г. Устрялов, С. М. Соловьев, Л. Н. Майков, а в последнее время А. А. Дмитриев) признают наибольшую древность и достоверность за Строгановской летописью, тогда как другие (М. П. Погодин, П. И. Небольсин и позднее С. А. Адрианов) более доверяют Есиповской. Мы видели выше, какими именно источниками пользовались составители обеих летописей и на этом основании должны были бы отдать предпочтение первой из них. Но так как содержание их еще до сих пор не подвергнуто тщательной критической проверке, то, воздерживаясь пока от окончательного суждения о них, мы будем пользоваться обеими летописями, тем более, что, дополняя одна другую, они сообщают множество любопытных сведений о первых временах русского владычества в Сибири..

Позднее Строгановской и Есиповской летописей появилась летопись Кунгурская или Тобольский летописец. Она составлена в самом конце XVII в. тобольским боярским сыном Семеном Ремезовым. Составитель принадлежал к числу образованнейших людей своего времени и занимался географией и картографией Сибири. Так, в первые годы XVIII в. он составил чертежную книгу или географическое описание Сибири, затем сводную карту всей Сибири и ряд карт юго-западных сибирских степей, Печорского поморья и распределения в Сибири инородческих племен.

Летопись Ремезова была открыта Миллеро[illegible] в Тобольске, почему и названа им „Тоболь[illegible]ским летописцем". Она значительно отличает[illegible]ся от Строгановской и Есиповской летописе[illegible] как более подробным изложением сибирски[illegible] событий (они доведены до смерти Кучума [illegible] 1598 г.), так и несколько иным освещение[illegible] их сравнительно с двумя уже названными ле[illegible]тописями. Эти особенности, как и все вообщ[illegible] содержание рассматриваемой летописи застав[illegible]ляют предполагать, что, кроме Есиповской, а[illegible] может быть, и Строгановской летописей, Ре[illegible]мезов пользовался еще какими-то источника[illegible]ми, неизвестными другим сибирским летопис[illegible]цам. Помимо того, сведения, заимствованны[illegible] отсюда, он дополнял разными устными преда[illegible]ниями об Ермаке и его подвигах, ходившим[illegible] еще в конце XVII в. среди русского и инород[illegible]ческого населения Сибири. В тех случаях[illegible] когда сообщения всех этих источников про[illegible]тиворечили друг другу, Ремезов прибегал [illegible] довольно своеобразному приему: он выписы[illegible]вал противоречивые известия одно за други[illegible] и таким образом вносил в свою летопись повто[illegible]рения и большую спутанность. Особенность[illegible] Кунгурской летописи является ее более под[illegible]робная сравнительно с другими летописями [illegible] более точная (относительно чисел и месяцев[illegible] но не годов) хронология. Г. Ф. Миллер, [illegible] позднее Д. И. Иловайский придавали это[illegible] летописи большое значение, тогда как Н. М. Карамзин и С. М. Соловьев были весьма

невысокого мнения о ней. Летопись Ремезова издана Археографической Комиссией дважды: в первый раз—по списку Мировича в 1880 г.. под заглавием „Краткая Сибирская Лѣтопись (Кунгурская)“ (Спб), с приложением 157 рисунков XVII в , фототипически воспроизведенных и объясняющих текст летописи[1]; вторично—по тому же списку и рукописи Миллера, в 1907 г. в сборнике „Сибирскія Лѣтописи“.

Еще более поздним представителем сибирского летописания является летописный сборник составленный в половине XVIII в. тобольским ямщиком Ильей Черепановым. Первое известие об этом сборнике сообщено было проф Фальком. путешествовавшим по Сибири в 1769 г. „В Тобольске,—рассказывает он.—познакомился я с ученым ямщиком Козьмою Черепановым, умным и достаточным человеком. Он не только порядочный был архитектор, но знал часть математики, механики и даже истории. Библиотека его состояла из 400 книг. Брат же его Илья Черепанов сочинил сибирскую летопись и, занимаясь ею, не покидал своего ямского ремесла“. Разные списки труда Черепанова (их насчитывалось до шести) были у Карамзина, Г. И. Спасского и П. А. Словцова. Состав сборника оказывается довольно разнообразным. Значительная часть его представляет собою подробное

---

[1] Рисунки эти между прочим представляют несомненное значение для раннего сибирского искусства.

переложение, а иногда дословное извлечение из I т. „Описанія Сибирскаго Царства“ Г. Ф. Миллера, именно тех страниц этого труда, которые основаны на сибирских летописях. Кроме Миллера, Черепанов заимствовал некоторые сведения из летописей Ремезова и Есипова, из „нѣкоторой сибирской исторіи“ Степенной книги, какого-то хронографа и других источников. Начиная с 1619 г. Черепанов остается без главного своего руководителя: Миллера, труд которого, как известно, заканчивается на 1618 г.; о продолжении же его истории, напечатанном в „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ“ Академии Наук, составитель летописи повидимому ничего не знал. С этого времени повествование Черепанова подчиняется только одному хронологическому порядку изложения. Известия этой части сборника сосредоточиваются главным образом около Тобольска, причем одни из них имеют чисто местный интерес (сообщения о дождях, засухах, пожарах, постройках), а другие относятся к Тобольску, как к главному административному центру Сибири. Все эти известия изложены на основании современных им записей, быть может сделанных самим Черепановым. Во всяком случае вторая половина летописного сборника Черепанова, по своему содержанию, имеет вполне самостоятельное значение и представляет большой исторический интерес. Наиболее важные известия из этой второй половины сборника напечатаны ак.

Л. Н. Майковым в VII вып. „Лѣтописи занятій Археографической Комиссіи“ (Спб. 1884, отд. IV, стр. 52—68); вся же летопись целиком в печати еще не появлялась.

Кроме только что рассмотренных четырех памятников сибирского летописания, любопытные сведения по истории Сибири заключаются также и в ряде других сибирских летописей. Одни из них напечатаны по разным сборникам и журналам, громадное же большинство этих памятников хранится в рукописном виде в столичных и провинциальных архивах и библіотеках, а равным образом у частных лиц, и известно только по названиям[1]. Вообще сибирские летописи еще ждут своего исследователя, которому прежде всего придется собрать все известные списки разных летописей, сличить их, выбрать из них наиболее старые и исправные, выяснить взаимные отношения отдельных летописей и, наконец, издать. Выполнение этой сложной и ответственной задачи естественнее всего было взять на себя не отдельным лицам, а такому ученому учеждению, как Археографическая Комиссия (учрежд. в 1834 г.), которая, как известно, еще с 1846 г. приняласъ за систематическое издание „Полнаго Собранія Рус-

[1] Обозрение сорока известных сибирских летописей с отметкими о месте нахожденія подлинниковъ и списковъ, а также о времени и месте изданія (если летопись напечатана) сделано в „Указателѣ сибирскихъ лѣтописямъ“ Е. Е. Кузнецова, напечатанномъ в „Тобольскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ за 1894 г., №№ 1, 2, 5, 6, 9, 10, 20, 21 и 26.

скихъ Лѣтописей". Действительно, в 1871 г. Археографическая Комиссия решила приняться за издание сибирских летописей для чего ею был намечен следующий план: сначала предполагалось издать полные сибирские летописи (Строгановскую и Есиповскую) и их сокращения, потом ряд кратких летописей и завершить издание Тобольским летописцем или Летописью Ремезова. Выполнение этого плана было поручено сначала проф П. В. Павлову, а за отказом его издание было передано ак. Л. Н. Майкову, который и отпечатал текст сибирских летописей. Подбор, сличение и изучение доставленных в Комиссию летописных списков заставили ак. Майкова изменить первоначально намеченный план издания. Вместо отпечатания сначала полных сибирских летописей, а потом их сокращений, редактор установил в Строгановской и Есиповской летописях три редакции: основную или древнейшую и две позднейшего происхождения—распространенную и сокращенную. Все эти три редакции представлены значительным количеством списков: так, Строгановская летопись—девятью списками (4 для основной редакции, 2 для распространенной и 3 для сокращенной), а Есиповская—23 списками (9 для основной ред., 8 для распростр. и 6 для сокращенной). Ввиду этого обе летописи были изданы Л. Н. Майковым по трем редакциям, причем в основу каждой из них положен 1 или 2 древнейших и наиболее

исправных списка, а остальные привлечены для разночтений. За смертью в 1900 г. ак. П. Н. Майкова, не успевшего довести издание до конца, дело это было поручено члену Комиссии В. В. Майкову, который в 1907 г. и выпустил, наконец, издание, под названием „Сибирскія Лѣтописи" (Спб.).

Несколько более сделано для издания других основных источников по истории Сибири—*актов* и *грамот*, сотнями тысяч хранящихся в столичных и провинциальных архивах и частных собраниях. По приблизительному подсчету известного библиографа В. И. Межова (см. Сибирская Библіографія, т. I, Спб. 1891), к началу 1890-х гг. всего было издано их до 6000 документов. Сибирские акты и грамоты разбросаны по разным изданиям Археографической Комиссии[1], Полному Собранию Законов Рос. Имп., в Собрании государственных грамот и договоров[2], Докладах и приговорах, сос. в Пр. Сенате и в иных многочисленных сборниках и изданиях[3]. Все эти памятники собраны случайно, без

[1] Акты Историческіе (т. т. I—V, Спб. 1841—1842), Дополненія к нимъ (т. т. I—XII, Спб. 1846—1869), Русская Историческая Библіотека (т. II—Спб. 1875, т. VIII—Спб. 1884), Памятники Сибирской исторіи XVIII вѣка (Спб., кн. I—1882, кн. II—1885) и нек. др.

[2] Т. т. I—V, Москва 1813—1828.

[3] Напр., „Матеріалы для исторіи Сибири", собранные по сибирским архивам Г. Н. Потаниным и изданные Общ. ист. и др. рос. в 1867 г., „Древнія церковныя грамоты Восточнаго Сибирскаго края (1653—1726)", собр. архим. Мелетием (Каз. 1875), „Матеріалы для исторіи сѣверо-восточной Сибири в XVIII в., сообщ. С. Шашковым (Серафимовичем) в чтениях Общ. ист. и др. рос. за 1864 г. (кн. III) и мн. др.

определенного плана и системы и изданы в большинстве случаев без предварительной критической проверки их. причем провинция не принимала в издании этих источников почти никакого участия. Такой порядок обнародования материалов для сибирской истории объясняется главным образом тем, что издатели их были мало знакомы с богатствами двух главных московских архивов—Министерства иностр. дел и Министерства юстиции, еще менее с содержанием сибирских архивов. Необходимость общего осведомления о количестве и содержании памятников сибирской истории. хранящихся в столичных архивах, уже давно чувствовалась в ученом мире.

Ответом на эту потребность, во второй половине XIX в: появляются два труда — М. П. Пуцилло и Н. Н. Оглоблина. Первый в 1879 г. выпустил „Указатель дѣламъ и рукописямъ, относящимся до Сибири и принадлежащимъ Главному Архиву Министерства иностранныхъ Дѣлъ“ (Москва, изд. Комиссии печат государ. грам. и догов.), в котором все сибирские дела и рукописи перечислены в хронологическом порядке с 1499 по 1857 г. Оглоблин же в 1895—1901 гг. напечатал свое знаменитое „Обозрѣніе столбцовъ и книгъ Сибирскаго Приказа. (1592—1768 гг.)“ в четырех частях (изд. моск Общества ист. и др. рос.). „Обозрѣніе“ г. Оглоблина отличается совсем иным характером по сравнению с трудом Пуцилло.

В то время, как последний дает в своем Указателе *список* документов по сибирской истории, хранящихся в Архиве мин-ва ин. д., Оглоблин предлагает *обозрение* столбцов и книг Сибирского приказа, с целью дать надлежащее понятие о *содержании* всех документов приказа и сообщить интересующимся *указателем* последних. Впрочем, автор не ограничивается этой задачей, а рассматривает в своем труде также вопросы об историко-юридическом значении обозреваемых им документов. Такая особенность этого труда выводит его за рамки простого обозрения и превращает в огромное и весьма ценное исследование о документах Сибирского приказа.

С появлением трудов Пуцилло и Оглоблина ученые получили прекрасные вспомогательные средства для исследования сибирской истории. Вместе с тем и обнародование исторических материалов (актов и грамот) с этого времени стало на более правильный путь: издатели имеют теперь возможность издавать источники с рукописных подлинников, а не с копий, зачастую сделанных разными любителями с грубыми искажениями, пропусками и ошибками, от чего не свободен был в свое время и сам Г. Ф. Миллер.

К источникам сибирской истории принадлежат, наконец, и *старые географические описания*. Первоначально они заключались в „отписках“ русских служилых людей о своих

поездках и походах в Сибирь, в докладах местных властей о состоянии сибирских земель и в „сказках", т. е. отчетах, которые подавались московскому правительству его посланцами по выполнении возложенных на них политических и торговых поручений в Азии. Со второй четверти XVII в. в Москве появляются уже специальные географические описания и карты, ввиде „чертежей", и „росписей" сибирских земель. составленных по поручению и для надобностей московского правительства К концу XVII и началу XVIII ст. таким образом составилось несколько сибирских „чертежей". как „зборных" (т. е. отдельным листом), так и „в книгах" (т. е. в атласах), причем наиболее удовлетворительные из них принадлежали уже известному нам Семену Ремезову[1].

Подводя итоги всему сказанному выше об источниках для сибирской истории, мы видим, что их собрано сравнительно мало, громадное большинство их не издано, изданные же памятники, собранные случайно и бессистемно, разбросаны по многочисленным сборникам столичного происхождения и критически не проверены. Такое печальное состояние исторических источников должно было отразиться на разработке сибирской истории самым неблагоприятным образом.

---

[1] См. выше стр. 35

3. *Очерк сибирской историографии.*

Научное исследование сибирской истории начинается в России с трудов знаменитого академика XVIII в. Герарда Фридриха *Миллера* (1705—1783). Добросовестный и осторожный ученый и неутомимый собиратель исторических источников, Миллер недаром получил название „отца русской истории". С таким же, если еще не большим, правом он должен быть назван и отцом сибирской истории, так как никто еще не потратил столько труда на собирание источников и на создание самой истории Сибири, как этот замечательный человек. Своими предшествующими занятиями Миллер был значительно подготовлен к изучению сибирской истории. Когда в 1733 г. русское правительство снарядило большую камчатскую экспедицию, Миллер в числе других ученых (Гмелин, Делиль, Крашенинников) принял деятельное участие в этом знаменитом путешествии по Сибири. В течение десяти лет (1733—1743 гг.) он обследовал до двадцати сибирских архивов и, пользуясь содействием властей и некоторых частных лиц, собрал здесь множество источников, которые немало послужили потом для его труда по сибирской истории. За время своего путешествия Миллер внимательно присматривался также к местной жизни, разыскивал вещественные памятники старины и собирал сведения о прошлом и настоящем сибирских инородцев.

Таким образом неутомимый исследователь набрал огромное количество материалов, о которых в предисловии к I кн. его Сибирской истории говорится, что „выписанныя (имъ) изъ Сибирскихъ архивъ важнѣйшія достовѣрныя извѣстія... въ Академической архивѣ тритцать восемь книгъ хранится".

К сожалению, Миллеру не удалось ни издать свои сибирские материалы, ни вполне разработать их для истории. По возвращении из путешествия, он, кроме разных других работ и поручений, занялся составлением Сибирской истории. В 1750 г. Академия Наук выпустила I книгу его труда, под заглавием —„Описаніе Сибирскаго Царства и всѣхъ произшедшихъ въ немъ дѣлъ отъ начала, а особливо отъ покоренія его Россійской Державѣ по сіи времена" (в 1787 г. вышло 2-е издание этой книги)[1]. Труд Миллера состоит из пяти глав, в которых автор говорит об истории туземной Сибири, о покорении края русскими и построении ими первых городов. Сибирская история доведена в этой книге до начала XVII в.; в конце ее приложена „краткая хронологическая роспись сибирской истории" с 1499 по 1618 г.

Одновременно с печатанием I кн. „Описанія" Миллер усиленно работал и над продолжением его. В 1753 г. у него уже были готовы к печати 18 следующих глав Сибирской

---

[1] В обозначении же отдельных глав I кн. „Описанія" постоянно встречается иное название труда—„Исторія Сибирская".

истории (6—23), но они, несмотря на одобрение их Академией Наук, почему-то так и не вышли в свет отдельным изданием. Из этого продолжения Миллер напечатал впоследствии только отдельные главы: по-немецки в „Sammlung russischer Geschichte (за 1761 и 1763 гг., гл. 6—10), а по-русски в академическом журнале „Ежемѣсячныя сочиненія, къ пользѣ и увеселенію служащія“ (за 1763 и 1764 гг., гл. 6—8). В этих же журналах Миллер поместил также несколько небольших, но ценных исследований по истории, археологии и географии Сибири[1].

Сибирская история Миллера для своего времени была выдающимся трудом. Это было первое сочинение по областной русской истории, написанное ученым академиком на основании собранных им многочисленных источников. Миллер приступил к составлению его с теми критическими приемами, какие он вывез с собою из Германии (в 1725 г.[2]). Для истории туземной Сибири он использовал имевшуюся тогда иностранную литературу о древней Азии; для времени же русского вла-

[1] Таковы—О торгахъ сибирскихъ (1755 и 1756 гг.), Исторія о странахъ, при рѣкѣ Амурѣ лежащихъ, когда оныя состояли подъ россійскимъ владѣніемъ (1757 г.), Описаніе морскихъ путешествій по Ледовитому и по Восточному морю съ россійской стороны учиненныхъ (1758 г.), Изъясненіе о нѣкоторыхъ древностяхъ, въ могилахъ найденныхъ (1764 г.) и некоторые иные.

[2] В 1750-х гг. Миллер доживал уже третье десятилетие своего пребывания в России. За это время он приобрел множество сведений по общей русской и сибирской истории, зато немало забыл из того, что знал до своего приезда в Россию. В 1750 г. сам Миллер откровенно признавался, что он „черезъ 18

дычества у него имелось под руками множество источников, ввиде актов, грамот и летописей, причем к Тобольскому летописцу Ремезова Миллер питал особенное доверие. Кроме письменных источников, автор пользовался также вещественными памятниками старины, устными народными преданиями и собственными наблюдениями во время десятилетнего пребывания в Сибири, причем наблюдения эти немало помогли Миллеру в установлении тожества между некоторыми старинными инородческими городками и позднейшими русскими городами и острогами.

Каково же было отношение Г.-Ф. Миллера к собранным им источникам и какими приемами он пользовался при исследовании различных вопросов сибирской истории?

Историограф был хорошо знаком с приемами исторической критики применявшимися на Западе в начале XVIII ст.; но он сознавал, что „исторія не довольна однѣми критическими рассужденіями“ и что „она должна показать дѣла, изъ которыхъ иныя утвер-

---

лѣтъ, какъ въ Сибирь былъ отправленъ,... книгъ иностранныхъ историческихъ, кромѣ касающихся до россійскаго государства, не читывалъ“,... а только „упражнялся въ обстоятельномъ описаніи всея Сибири и въ познаніи россійской исторіи и всего внутренняго Россіи и по раничныхъ съ Сибирью азіатскихъ державъ состоянія, приуготовляя тѣмъ себя къ исполненію должности россійскаго историографа“ (П. Пекарский, Исторія Импер. Академіи Наукъ въ Петербургѣ, т. I, Спб. 1870, стр. 362). То же подтверждает и извѣстный А. Шлёцер, который, приехав в Россію в 1761 г, нашел Миллера „на цѣлые тридцать лѣтъ отсталымъ отъ литературы“ (см. П. Н Милюков, Главныя теченія русской исторической мысли, М. 1898, гл I, отд. III).

ждаются на подлинныхъ, а иныя на вѣроятныхъ доказательствахъ" (гл. I, § 50). К этим „доказательствам" или показаниям источников Миллер относился весьма внимательно. Он сопоставлял, например разные памятники и, находя в некоторых из них вставки, писанные иным почерком, нежели весь памятник, заключал из этого о позднейшем происхождении самых вставок. Впрочем, это обстоятельство нимало не мешало ему приводить содержание данных вставок, даже когда они, по признанию самого историка, нарушали контекст подлинника (напр., гл. II, § 74). Подобным же образом Миллер поступал и в тех случаях, когда ему приходилось иметь дело с источниками, явно недостоверными. Особенно много разных сомнительных преданий и известий заключается в летописи Ремезова, к которой историограф питал большое доверие. Считая этот памятник за один из самых важных для сибирской истории, Миллер не мог отказаться от многих его сообщений, причем откровенно признавался, что он „самъ себѣ насиліе дѣлаетъ, когда всѣ въ Тобольскомъ лѣтописцѣ[1] описуемыя чудеса объявляетъ; однакожъ оныхъ со всѣмъ оставить не можно" (гл. II, § 70). Такое отношение к недостоверным известиям памятников вытекало у Миллера из его общего ошибочного взгляда на исторические источники и способы их использования. По его мнению,

[1] Так Миллер называл летопись С. Ремезова

использование памятников должно сводиться к простому переписыванию или переложению их содержания, независимо от характера степени достоверности заключающихся в них известий: „должность исторіи писателя, — заявляет он, — требуетъ, чтобъ подлиннику своему въ приведеніи всѣхъ хотя за ложно почитаемыхъ приключеній вѣрно послѣдовать: истинна того, что въ исторіяхъ главнѣйшее есть тѣмъ не затмѣвается, и здравое рассужденіе у читателя вольности не отнимаетъ“ (гл I § 70). На этом основании Миллер приводит в своей Сибирской истории такие преданія, которые, по собственному его признанию, не имеют отношения к делу (гл. III, §§ 46 и 47); по той же причине он распространяется о чудесах от тела покойного Ермака (гл. III §§ 69 и 72), хотя, повидимому, нимало не склонен был верить этим измышлениям. При всем том историограф не попытался оценить все эти предания с точки зрения народных переживаний и народного творчества, к чему уже тогда прибегали его наиболее вдумчивые современники (напр., Шлёцер).

С такими несовершенными критическими приемами Миллер приступил к составлению Сибирской исторіи. Однако, материалы, собранные им в Сибири, были так многочисленны и любопытны по своей новизне, а обработка их (хотя бы и несовершенная) была в то время еще столь необычным делом, что за Миллером по справедливости и до сихъ

пор остается слава первого сибирского историка. Неудивительно также, что его „Описаніе Сибирскаго Царства“ и теперь еще ценится, как книга для справок фактического характера, хотя ко всем подобным историческим исследованиям в настоящее время предъявляется несравненно более требований, чем в XVIII в.

Приведя в порядок сибирские материалы и составив на основании их Сибирскую историю, Миллер, занятый выполнением иных ученых поручений Академии Наук, решил обратиться к академической канцелярии с просьбою о поручении другому академику Иоганну-Эбергардту *Фишеру* сделать сокращение из его „Описанія Сибирскаго Царства“ и продолжить его до позднейшей поры; тем временем сам Миллер мог бы заняться общими сочинениями по русской истории, географии и этнографии. Получив на это разрешение, Миллер в начале 1753 г. передал Фишеру 23 уже написанные (и отчасти напечатанные) главы своей Сибирской истории и все источники, еще неиспользованные для этой истории.

И.-Э. Фишер еще до выполнения этой работы посетил Сибирь, куда он был отправлен Академией Наук в 1739 г. на смену заболевшему тогда Миллеру. Это был человек совсем иного склада ума и характера. Хороший латинист, он вовсе не занимался и не интересовался русской историей, а тем более исто-

рией Сибири; к тому же он плохо владе
русским языком и во время путешествия п
стоянно нуждался в переводчике. При все
том Фишер был чрезвычайно высокого мн
ния о своем звании, требовал к себе всео
щего уважения и, не встречая его, дава
волю своей вспыльчивости и страшной ра
дражительности. Фишер вывез из Сибир
весьма немного исторических материалов,
между тем Миллер снабдил его подробне
шей инструкцией для географического и и
торического описания Сибири[1]. По своем во
вращении из путешествия он стал занимат
ся сибирской историей только с 1753 г
когда академическая канцелярия, по почи
ну Миллера, поручила ему составление с
кращенной сибирской истории по книге
рукописным материалам самого Миллера. Фи
шер окончил эту работу через 4 года. Он
была написана им по-немецки и только в 176
г. вышла в двух томах под заглавием „Sibi
rische Geschichte von der Entdeckung Sibirien
bis auf die Eroberung dieses Landes durch d
russische Waffen“ (Спб.). В предисловии
этому изданию говорится, что эта сокращен
ная история Сибири составлена, по просьб
историографа Миллера, и на основании мат
риалов, вывезенных им из своего сибирско
путешествия. Шесть лет спустя, в 1774 г
вышел и русский перевод книги Фишера-
„Сибирская исторія съ самаго открытія Си

[1] Об этой инструкции см. выше, стр. 13—14.

бири до завоеванія сей земли россійскимъ оружіемъ" (Спб)., в одном томе и с двумя картами. но уже без упоминания о происхождении самой книги. Вот почему русские читатели, знакомые с книгой Фишера по ее русскому переводу, долго думали о ней, как о труде совершенно самостоятельном, тогда как она была простым сокращением Сибирской истории Миллера, доведенным, правда, до начала 1660-х годов.

Сибирская история Миллера и сокращенное изложение ее Фишером надолго остались выдающимися трудами сибирской историографии, и ни один из позднейших исследователей не мог заменить их равносильным сочинением XIX-ый век, несмотря на необычайный расцвет исторической науки, был слишком беден научными трудами по истории Сибири. Причина этого кроется как в большом разнообразии и неудовлетворительном состоянии источников для сибирской истории, так и в отсутствии лиц, достаточно подготовленных для их научной разработки. Историей Сибири долгое время занимались главным образом любители; специалисты же историки или не имели досуга, или просто пренебрегали этой важной отраслью исторического знания. Вот почему, хотя в течение прошлого столетия и появилось немало статей и исследований о различных сторонах исторического прошлого Сибири, но все они были почти не связаны между собою, так

как предпринимались по почину отдельных любителей, к тому же живших в различных областях Сибири или Европ. России. Каждый из этих исследователей местной истории, этнографии и древностей заботился прежде всего о собирании случайно попадавших ему местных материалов, их обнародовании и чистой внешней обработке, нисколько не думая об удовлетворении главнейших потребностей исторического изучения Сибири. Неудивительно поэтому, что развитие сибирской историографии в XIX в. носило несколько беспорядочный, и так сказать, случайный характер. Местные любители родной старины появляются и исчезают, порой оставляя после себя значительное историко-литературное наследство, ввиде печатных материалов, статей и заметок, но труды этих лиц остаются необъединенными общим направлением и потому немало проигрывают в своей ценности.

К числу таких деятелей принадлежал и небезызвестный в истории сибирского просвещения первой половины XIX в. *Г. И. Спасский.*

Горный инженер по образованию и службе, Спасский много путешествовал по Сибири и за это время успел близко познакомиться с краем; ему он и посвятил свои многолетние литературные труды. В течение десяти слишком лет (1818—1828 гг.) Спасский издавал один за другим два журнала—„Сибирскій Вѣстникъ“ и „Азіатскій Вѣстникъ“, которые

по обилию и ценности напечатанных в них исторических материалов остаются и до настоящего времени важным источником сведений о сибирской истории. В этих журналах были впервые обнародованы летописи Строгановская, Есиповская и отрывки из Черепановской, а также сочинение о Сибири Юрия Крижанича, помещались старые и новые путешествия по разным краям Сибири, печатались географические описания отдельных частей ее, очерки быта сибирских инородцев, сведения о соседних с Сибирью странах и народах, наконец, многочисленные и весьма ценные сведения о первобытных и до-русских древностях Сибири. Вообще трудно перечислить громадное количество исторических и историко-бытовых материалов, в разное время обнародованных этим почтенным деятелем.

К первой же половине XIX в. относятся и труды другого выдающегося деятеля сибирской исторической науки, *П. А. Словцова* (1767—1843). Пермский уроженец и воспитанник сначала Тобольской, а потом Александро-Невской семинарии в Петрограде. Словцов большую часть жизни провел в Сибири, где занимал различные должности—сначала учителя Тобольской семинарии, затем служащего в канцелярии сибирского генерал-губернатора и ревизора различных присутственных мест в Восточной Сибири и, наконец, директора училищ Иркутской губ. По выходе в отставку (1829 г.) он поселился в Тобольске

и последние 13 лет своей жизни посвятил
историческим занятиям. С конца 20-х—нача-
ла 30 х гг. появляются его статьи и коррес-
понденции в московских и казанских журна
лах, а в 1838 г. в Москве вышла первая кни-
га его главного исторического труда — „Исто-
рическое обозрѣніе Сибири", тогда как вто-
рая была напечатана в 1844 г. уже после
смерти автора. Второе издание этого труда
в одной книге вышло в Петрограде в 1886 г.[1]

„Историческое обозрѣніе Сибири" вызвало неодинаковое отношение к себе со стороны читателей. В то время как сибиряки патриоты видели в Словцове „сибирского Карамзина" и признавали, что он первый „в художественной форме и согласно с учными требованиями" передал повесть о прошлых судьбах Сибири,—большинство русских ученых отнеслось к труду Словцова или безразлично, или отрицательно. Но, обратив внимание главным образом на его реторически высокий и напыщенный слог, ученые за этой неприглядной внешностью не заметили того богатого содержания, которым полно сочинение сибирского историка. По существу же дела и те, и другие критики оставили труд Словцова без должного разбора, поэтому и отзывы их, при всей противоположности их взглядов на историка, являются односторонними.

---

[1] Наиболее полный список сочинений П. А. Словцова (26 названий) составлен Е. В. Кузнецовым (Тоб. Губ. Вѣдом., 1893 г. № 12).

Приступая к занятиям сибирской историей, П. А Словцов не ставил перед собою широких задач Не видя в прошлом русской Сибири ничего „подлинного“ и „самобытного“, он полагал, что, так как сама страна представляла для русского правительства лишь „боковую дверь в Азию и Америку“, то и сибирская история есть не что иное, как „добавка к русской“, и смотреть на нее следует, как на „историю мер правительственных“. (Предуведомление ко II кн.). Но для написания *такой* истории нужны были особые источники. какими не могли быть ни общерусские, ни сибирские летописи. Что же касается актов и грамот, то во времена Словцова их было издано ничтожное количество О богатствах столичных архивов тогда еще мало кто подозревал, а в местных сибирских архивах при полной их заброшенности, актов XVI—XVII вв было сравнительно немного. При таких обстоятельствах Словцову оставалось добывать исторические материалы путем личной переписки со своими многочисленными знакомыми, разбросанными по необъятным пространствам Европ. России и Сибири. Труд собирания источников для сибирской истории осложнялся почти полным отсутствием в то время библиографических указателей, а обработка материалов затруднялась тем, что историческая наука еще не располагала тогда такими усовершенствованными приемами исследевания, какими в на-

стоящее время пользуются ученые историки. Понятно, что как самый взгляд писателя на задачи сибирской истории, так и затруднения его при подборе материалов должны были отразиться на его труде самым неблагоприятным образом.

I-я книга „Историческаго обозрѣнія Сибири" обнимает время с 1585 по 1742 г., II-я посвящена изучению событий за 1742—1765 гг. В этих хронологических пределах Словцов исследует историю важнейших мероприятий русского правительства в Сибири. По рассмотрении природных условий страны, он переходит к вопросу о постепенном покорении и заселении края русскими, изучает сибирское управление, казенные повинности, торговлю и промышленность,—наконец, описывает отношение правительства и русского населения к инородцам.

Но при значительной полноте изучения сибирской истории, при множестве любопытных сведений, сообщенных Словцовым, его труд обнаруживает ряд крупных недостатков как с точки зрения требований исторической критики, так и относительно своего построения и самого способа изложения материала Автор собрал для своего труда большое количество источников и извлек из них множество разнообразных сведений, но в сравнительно редких случаях он подвергает эти сведения исторической критике. Поэтому многие положения Словцова отличаются шаткостью, а некоторые заставля-

ют усумниться в достоверности данных, положенных в их основание. Не в лучшем положении находится и самое построение рассматриваемого труда. Отличаясь запутанностью, оно совершенно не выдержано относительно расположения материала; поэтому не оставляет в читателе определенного представления о предмете изучения и не дает ему ясного понятия о плане исследования. Недостаток системы у Словцова чувствуется повсюду: оттого, напр., при изложении III периода (1709—1742 гг.) он выбирает один порядок изучения сибирской истории; переходя же к IV му (1742—1765 гг.), изменяет его и строит свое изложение по новому.

Не могут, наконец, не вызвать возражения и самые приемы изложения у Словцова. „Историческое обозрѣніе Сибири“ написано высоким напыщенным слогом и отличается пресбладанием внешней отделки слога в ущерб внутренней связности мысли. Нередко поэтому сообщения о самых простых и ясных фактах передаются Словцовым в крайне цветистых и запутанных выражениях. Но бывает и так, что, не находя никакой связи между отдельными событиями, автор ограничивается сухим перечнем их, причем прибегает к следующему любопытному приему: он призывает читателя „представить себя как бы в историческом павильоне, у которого на колоннах и по фризу читаются надписи следующих происшествий“, и после этого несколько стра-

ниц заполняет простым перечислением событий с обозначением годов для каждого из них (см., напр., кн. I, изд. 2, стр. 192—198).

Таким образом, „Историческое обозрѣніе Сибири“ П. А. Словцова, отличаясь богатством содержания и обнаруживая у автора большую добросовестность в извлечении и подборе материалов, в то же время заключает в себе и ряд существенных недостатков. Мы видели, что Словцов нередко пользовался историческими источниками без предварительной критической проверки их; в построении его труда сказалось отсутствие общего плана, а изложение страдает вычурностью и недостатком внутренней связи. Отсюда с первого взгляда можно было бы заключить, что автор оказался недостаточно подготовлен к выполнению своего исторического труда. Действительно, выпуская в 1838 г. I-ю книгу „Историческаго обозрѣнія Сибири“, П. А. Словцов между прочим жаловался на несвоевременное получение им разных книг и „не редко винил себя за предприятие историческое в таком краю, который глух и холоден для содействия подобному труду“. Думается, что этот несправедливый упрек Словцова по адресу Сибири можно было бы с полным правом обратить в сторону самой Европейской Россіи, где состояние исторической науки вообще не давало в то время подходящих условий для изучения сибирской истории.

Из позднейших сочинений по истории Си-

бири необходимо отметить исследование *П. И. Небольсина*, вышедшее в Москве в 1849 г. под названием „Покореніе Сибири". Оно представляет собою попытку критического рассмотрения сибирских летописей и изучения (на основании их) вопроса о покорении Сибири. С этой целью автор собрал все известные в то время сибирские летописи, сличил показания их с данными оффициальных документов и в приложении к своему труду напечатал тексты Строгановской и Есиповской летописей. Однако, задуманная попытка не удалась Небольсину, ибо, увлеченный пристрастием к летописи Есипова, он не мог научно отнестись к другим своим источникам, а следовательно и правильно поставить спорный вопрос о завоевании русскими Сибири. Тем не менее он шел по верному пути: только критическое рассмотрение источников могло помочь делу, а это, к сожалению, и было упущено из виду некоторыми позднейшими исследователями.

К 40—60-м гг. прошлого столетия относится и историко литературная деятельность *Н. А. Абрамова* (1812—1870). Уроженец Тобольской губ., он много лет служил в Сибири делу народного просвещения, в качестве учителя и смотрителя уездных училищ, и затем перешел на службу по управлению Западной Сибири. Будучи постоянно в разъездах, Абрамов все-таки находил время для собирания различных сведений о Сибири. Он

посещал церкви и монастыри и исследовал их в историко археологическом отношении, рылся в разных архивах, записывал местные предания и собирал различные сведения, касающиеся быта западно-сибирского населения, русского и инородческого. Результатом такой неутомимой деятельности явились обширные материалы, которые Абрамов обработал в ряде статей, напечатанных по различным сибирским и столичным журналам. В них автор дает любопытные описания по этнографии и статистике Сибири и ценные исследования о сибирских древностях, истории и исторической географии (напр., О сибирскихъ дворянахъ и дѣтяхъ боярскихъ, Исторія г. Тюменя, О бывшемъ Тобольскомъ намѣстничествѣ, Описаніе Березовскаго края и др.).

Таким образом, в течение всей первой половины XIX в. шла подготовительная работа к будущим исследованиям по истории Сибири. Попытка Словцова дать цельное построение этой истории оказалась преждевременной и потому потерпела неудачу. Работы же других исследователей и любителей сибирской старины не выходили из области первоначального накопления исторических материалов и их внешней обработки.

С возрождением нашей общественности и литературы во второй половине XIX ст., значительно оживляется и историческое изучение Сибири. Задачи исследования расширяются и углубляются, количество обнародованных

исторических источников возрастает. В повременных изданиях Русского Географического Общества и его сибирских отделов, равно как в столичных и сибирских газетах и журналах (напр.. в „Восточномъ Обозрѣніи“ Н. М. Ядринцева) появляется много ценных сведений по общественной, хозяйственной и бытовой истории Сибири. Столичные архивы --эти бесценные сокровищницы исторических материалов, с появлением Указателя г. Пуцилло и Обозрения г. Оглоблина, становятся обозримее и доступнее, хотя сибирские архивы попрежнему остаются необследованными Одновременно с этим интерес к собиранию различных исторических данных у местных любителей повышается. Среди сибирских богачей появляются просвещенные покровители, желающие содействовать изучению сибирского прошлого (И. М. Сибиряков, Г. В Юдин, Иннок. Кузнецов). Немалую помощь развитию сибирской историографии оказывало и особое направление общественной мысли, известное сначала под названием сибирского местного патриотизма, а позднее— областничества. Новое течение основывалось на тех признаках своеобразия и особности, которыми Сибирь отличается от Европ. России А так как все эти отличительные особенности своими корнями уходят в прошлое, то совершенно естественно, что областническое миросозерцание явилось одним из сильных побудителей к изучению сибирской истории.

Все указанные обстоятельства не могли не отразиться на характере и направлении новейшей сибирской историографии. Если в прежнее время была возможна преимущественно внешняя оффициальная история Сибири, то теперь некоторые исследователи стараются выяснить те внутренние явления исторической жизни Сибири, которые создались под влиянием природы и условий племенных, хозяйственных и бытовых. Впрочем, новое направление едва только еще устанавливается в сибирской историографии и до настоящего времени представлено пока весьма немногими исследователями.

В ряду писателей второй половины XIX в. видное место занимает *А. П. Щапов* (1830—1876).

Уроженец Забайкальской области. Щапов получил высшее образование в Казанской Духовной Академии По окончании курса в 1856 г. он был назначен баккалавром (адъюнкт-профессором) академии по кафедре русской истории. а в 1860 г. приглашен в Казанский Университет для чтения того же предмета, где и снискал широкую известность, как своеобразный мыслитель и даровитый преподаватель. Однако профессорская деятельность А. П. Щапова была непродолжительна. Запутанный в известной бездинской истории, Щапов вынужден был оставить Казань и переехать в Петроград, где уже в более благоприятных условиях продолжал свои на-

учные занятия. Но в столице Щапову пришлось пожить тоже недолго: по подозрению в противоправительственной деятельности он был выслан отсюда в Сибирь (1864 г.) и поселился в Иркутске. Первое время А. П Щапов занимался учено-литературною деятельностью и здесь, но полная оторванность от культурных центров нищета и болезни скоро угасили этот замечательный ум и привели писателя к могиле.

Тревожная жизнь и неблагоприятные внешние обстоятельства не позволили Щапову спокойно отдаться научной работе. Несмотря на это, его труды по русской истории поставили его на ряду с виднейшими представителями нашей исторической науки. Главным интересом его изучения была народная жизнь во всех ее проявлениях и со всеми ее исторически сложившимися особенностями. Государственная власть постоянно насиловала и угнетала эту жизнь, сглаживая ее местные отличия. Поэтому Щапов особенно настаивал на изучении областных делений русской народности и в своих трудах много сделал в этом направлении[1]. Естественно, что судьбы Сибири представлялись ему тоже в тесной связи с историческим развитием русской народности. Однако, приступая к изучению

[1] Всем, занимающимся русской историей, известны труды А. П. Щапова: „Русскій расколъ старообрядства"..., „Земство и расколъ", „Великорусскія области и смутное время", „Историко-географическое распредѣленіе русскаго народонаселенія", „Этнографическая организація русскаго народонаселенія" и нек. др.

этих судеб, Щапов не предполагал систематически разрабатывать сибирскую историю. Занимаясь вопросом о происхождении русской народности в Сибири, он скорее производил философско-исторические наблюдения над складом сибирского общества, причем, увлеченный современными ему успехами естествознания, нередко отступал от научного метода исследования и выставлял малообоснованные положения.

Исторической этнографии и истории Сибири А. П. Щапов посвятил несколько своих трудов, не утративших своего значения и до настоящего времени. Это прежде всего — „Историко-этнографическая организація русскаго народонаселенія. Этнологическое развитіе сибирскаго населенія" (1865 г.) и „Историко-географическія и этнографическія замѣтки о сибирскомъ населеніи" (1872). В этих работах автор касается весьма существенного вопроса—о происхождении и историческом развитии русской народности в Сибири. Когда „народ в Московском государстве,—говорит он,—увидел, что дальнейшее его развитие возможно лишь по разрушении старых форм жизни и прежней государственности, он массами пошел в Сибирь и здесь, оторванный от общего корня исторической жизни и традиций русского народа, стал создавать жизнь среди новых природных и племенных условій и вырабатывать „самобытную, своеобразную народность". Но отделенное отъ коренной

России огромными пространствами Сибири и новыми условиями жизни, сибирское население больше искало новой жизни, чем думало о старой; оно приспособлялось к местным условиям и постепенно оставляло старинные начала русской народности. Русские начали смешиваться в Сибири с разнообразными инородческими племенами и это смешение заметно отразилось на телесном, умственном и нравственном складе сибирского населения.

О нравственной стороне сибирско-русского характера А. П. Щаповъ былъ самого невысокого мнения, чего он, впрочем, и не скрывал в своих сочинениях. Этому вопросу он посвятил даже две особые работы—„О развитіи высшихъ человѣческихъ чувствъ. Мысли сибиряка при взглядѣ на нравственныя чувства и стремленія сибирскаго общества“ (1872 г.) и „Сибирское общество до Сперанскаго“ (1873 г.). Последняя статья написана Щаповым по поводу известного двухтомного труда В. И. Вагина, вышедшего в 1872 г. под заглавием „Историческія свѣдѣнія о дѣятельности гр. М. М. Сперанскаго въ Сибири съ 1819 по 1822 годъ“ (Спб.). Плод долголетней работы, это сочинение Вагина было основано на изучении разнообразных источников, извлеченных главным образом из архивных дел Главного управления Восточной Сибири и добросовестно обработанных. Труд Вагина ярко освещает многие стороны преобразовательной деятельности Сперанского

в Сибири, и этим он сильно заинтересов
А. П. Щапова. Обратив здесь внимание пр
имущественно на изображение исследоват
лем сибирского общества XVIII в., Щап
решил разработать этот вопрос и дополни
сведения Вагина неизданными рукописны
материалами и печатными источниками. Т
возникла статья, в которой Щапов дает в
пуклую характеристику сибирского общест
XVIII—XIX вв.: он изображает здесь полож
ние торгово-промышленного населения и ч
новничества, причем особенное внимание о
ращает на развитие сибирского (в частности
иркутского) крупного купечества, на неп
рядки в управлении и самодурство высше
краевого начальства.

К тем же 1860—1870-м г.г. относится и
торико-литературная деятельность и друго
сибирского уроженца, *С. С. Шашкова (Сер
фимовича)* (1841—1882 г. г.). Человек да
витый, но преследуемый судьбою, Шашк
не имел возможности получить специальн
историческое образование. Будучи публици
том, он тем не менее постоянно тяготел
истории и в этой области написал ряд р
бот, из которых особенного внимания засл
живают статьи по сибирской истории. В про
лом родного края Шашкова, как публицис
более всего занимала система злоупотребл
ний, которая, опираясь на невежественные
неразвитые низы народа, преследовала ис
лючительно сословные или классовые инте

сы и тем задерживала материальное и духовно-нравственное развитие народа. Эта мысль и была положена им в основу трех своих ранних историко-публицистическ̀их очерков—„Рабство въ Сибири“ (1869 г.), „Сибирскіе инородцы въ XIX столѣтіи“ (1867 года) и „Иркутскій погромъ въ 1758—60 г. г.“ (1872 г.). В первой статье, составленнсй по печатным источникам, Шашков рассматривает общие условия бесправия и рабства в Сибири, как следствие столкновения здесь русских и инородцев. Пришельцы, по его мнению, стояли почти на одинаковой с туземцами ступени умственного и общественного развития; ввиду этого господство их в Сибири могло утвердиться только путем насилия, завоевания. Принося с собою в новую страну усвоенные дома привычки крепостного права и административного произвола, победители естественно ввели и здесь рабство и угнетение. В живых чертах Шашков изображает затем рабское состояние сибирских инородцев XVII—XVIII вв и описывает бунты и восстания, какими они отвечали на насилия пришельцев. Второй очерк, основанный уже на архивных данных тесно примыкает к первому, хотя и написан раньше его. Здесь Шашков изучает положение сибирских инородцев в XIX ст., до и после реформы Сперанского, причем особенное внимание обращает на умственное и религиозно-нравственное состояние инородцев, а также на эконо-

мические и кабальные отношения их к рус-
скому населению. Наконец, в третьем очерк
автор дает красочную бытовую картину ад-
министративных нравов в Сибири в полови-
не XVIII ст.

Более же всего сибирская историографи-
обязана С. С. Шашкову за его „Очерки рус-
скихъ нравовъ въ старинной Сибири". напе-
чатанные в „Отечественных Записках" з.
1867 г. (№№ 20—22). В этой любопытно
работе автор, на основании архивных и пе
чатных материалов, дает живую и вобще
правдивую характеристику быта и нравов си
бирского общества в XVII—XIX стол., при
чем обращает особенное внимание на изобра
жение теневой стороны сибирских нравов
Шашков описывает здесь распространенны
среди сибиряков прежнего времени обыча
многоженства и коренившиеся в них развра
и пьянство, касается нравов сибирских вла
стей, материального быта средних классов
распространения в тогдашнем обществе гра
мотности и образования, изображает поло
жение и нравы сибирского духовенства и
заключение останавливается на рассмотрени
ужасающей эксплоатации инородцев и рус
ских простолюдинов сибирскими властями
промышленниками.

После сочинений А. П. Щапова и С. С.
Шашкова особенного внимания заслуживае
труд *И. В. Щеглова*—„Хронологическій пере
чень важнѣйшихъ данныхъ изъ исторіи Сиби

рн. 1032—1882 г. г." (Ирк. 1883). Уроженец Астраханской губернии (род. в 1853 г.) и воспитанник Историко-филологического института в Петрограде, Щеглов остальные годы своей жизни (ум. в 1884 г.) посвятил преподавательской деятельности в гимназиях енисейской, иркутской и троицкосавской и умер сравнительно молодым человеком, не успев закончить своих работ. Первоначально Щеглов думал было написать Сибирскую историю; но, приступив к собиранию источников, он скоро убедился, что без предварительных работ, в частности без правильно установленной хронологии событий, составление подобной истории невозможно. Так Щеглов пришел к мысли о необходимости составления хронологического свода исторических данных о Сибири. Такая мысль не была новостью в сибирской историографии. Еще в 1858—1861 г.г. в Иркутских Губернских Ведомостях была напечатана „Лѣтопись г. Иркутска", представлявшая собою хронологический свод местных событий с 1652 по 1807 г. и составленная П. И. Пежемским[1]; в 1862 году некто И. Р—в напечатал „Томскую лѣтопись", заключавшую в себе перечень важнейших данных из истории г. Томска в XVIII ст. (Том. Губ. Ведом., №№ 11—13); в 1870-х г. г. по-

---

[1] Продолжением Иркутской летописи Пежемского служат—Летопись В. А. Кротова, доведенная до 5 авг. 1856 г. и напечатанная вместе с первой в Трудах Вост.-Сиб. Отд. И. Рус. Геогр. Общ. (№ 5, Ирк. 1911), и „Иркутская лѣтопись" Н. С. Романова (с 1857 по 1920 г. г.) (там же, № 8, Ирк. 1914).

являются летописи городов — Селенгинска
(Ирк. Епарх. Вед. 1874 г.), Енисейска и Верх-
неудинска (газ. Сибирь за 1878—1881 г. г.)
а в 1881 г. выходит подобная же летопись
всей Западной Сибири[1]. Таким образом, от-
дельные местности Сибири чувствовали боль-
шую потребность в подобных сводных работах.
Но Сибирь в целом получила такой труд только
из рук И. В. Щеглова.

Шесть лет кряду трудился он над собира-
нием разнообразных исторических известий о
Сибири и установлением их хронологической
последовательности[2]. Начав подбор их с 1032
года, Щеглов довел свой труд до 1883 г.,
причем постарался затронуть по возможности
все стороны жизни сибирского населения.
Наиболее подробно, хотя и не без пробелов,
он излагает сибирские события XIX ст. и
посвящает им большую половину своей кни
ги (410 из 755 стр.), тогда как известия
XVI—XVIII в. в занимают в Перечне значи
тельно меньшее место (332 стр.), а факты
XI—XV в в.—всего лишь 11 стр Такое не-
равномерное распределение материала объ-
ясняется тем, что автор, имея ввиду труды
Миллера, Фишера и Словцова, не считал

---

[1] Н. Балкашин, „Хронологическій указатель важнѣйшихъ событій изъ исторіи Западной Сибири, съ 1465 по 1881 г. (Памятная книжка для Зап. Сибири на 1881 г.).

[2] К этому именно времени относится любопытная статья Щеглова, напечатанная им в газ. „Сибирь" (1881 г., № 32) под заглавием—„Въ защиту 26 октября 1581 года. (По поводу недоразумѣнія о времени празднованія 300-лѣтія покоренія Сибири)" (также отд., Ирк. 1881).

нужным подробно останавливаться на древнейшей истории Сибири. Что касается внешнего выражения исторических данных, то только некоторые из них представлены г. Щегловым ввиде подлинных извлечений из источников: все остальные приводятся в переложении и обработке составителя. При этом сравнительно немногие факты оставлены им без указания на источники, откуда делались заимствования, большинство же известий снабжено соответствующими ссылками.

Несмотря на отмеченные недочеты, книга И. В. Щеглова является необходимым пособием для всякого занимающегося сибирской историей, которого она вводит в круг источников и помогает ему разобраться в массе разбросанного и почти совершенно неупорядоченного исторического материала. Вместе с тем этот труд послужил образцом для составления подобных же хронологических перечней по истории отдельных местностей и городов Сибири[1].

Почти одновременно с трудом Щеглова появляются исторические сочинения генерал-майора *В. Л. Андриевича* Первоначально г. Андриевич занимался историей забайкальских казаков, но так как деятельность их была тесно связана с гражданским устро-

[1] Таковы, напр., „Лѣтопись Якутскаго края", составленная Н. Н. Приклонскимъ (Красноярск 1897); труд В. И. Николаева „Якутскій край и его изслѣдователи. Вып. I— Краткій историческій очеркъ экспедицій въ Якутскую область. 1632 – 1913" (Якутск 1913) и нек. др.

ением и заселением всего Забайкалья, то автор вскоре же обратился к изучению прошлого этой области. В 1885 г. он выпустил в Иркутске „Пособіе для написанія исторіи Забайкалья“, которое заключало в себе сырые материалы, заимствованные им из Полного Собрания Законов и трудов Миллера, Фишера и Словцова. На основании этих материалов г. Андриевич и составил позднее свой „Краткій очеркъ исторіи Забайкалья отъ древнѣйшихъ временъ до 1762 г.“ (Спб. 1887), так же мало обработанный, как и „Пособіе“.

Но извлекая из источников (преимущественно из Полн. Собр. Зак.) сведения о Забайкалье, Андриевич нашел, что „выборка из Полн. Собрания Зак. данных, касающихся вообще Сибири, немного увеличит время, необходимое для окончания его труда, задуманного по отношению к Забайкалью, а между тем может принести существенную пользу составителю истории Сибири“; поэтому он стал выбирать с 1700 г. все указы, прямо или косвенно упоминавшие о Сибири. Приведя эти указы в некоторый порядок и расположив их в хронологической последовательности, г. Андриевич составил из них „Историческій очеркъ Сибири по даннымъ, представляемымъ Полнымъ Собраніемъ Законовъ (отъ 1700 до 1741 г.)“; а так как он считал этот очерк „результатом (своей) работы“ по истории Забайкалья, то и обозначил его прямо II томом. Изданный в 1886 г.

в Иркутске, этот том „Исторического очерка Сибири“ открыл собою целый ряд книг, из которых одни были продолжением очерка[1], другие являлись переработкой или дополнением его и выходили в свет под разными названиями[2]. В общем г. Андриевич охватил своими трудами значительный период времени—с XVI в. и до реформы Сперанского.

Главным источником для всех трудов Андриевича является Полн. Собрание Зак. Можно без преувеличения сказать, что каждое из его сочинений представляет собою хронологический подбор указов и уставов, разбитых по отделам и главам, с очень немногими дополнениями из архивных данных, некоторых печатных источников и из трудов Миллера, Фишера, Словцова и Щеглова. Такой характер трудов г. Андриевича объясняется своеобразными взглядами его на задачи и методы исторического исследования.

Г. Андриевичу чуждо понятие научного интереса. На историю и вообще науку он смотрит с точки зрения полезности и практической применимости их к жизни. Истори-

---

[1] Т. III—Томск 1887, т. IV—Спб. 1887, т. V—Одесса 1889: „Сибирь въ XIX столѣтіи“, ч. ч. I и II, Спб. 1889.

[2] Т. т. IV и V „Исторического очерка Сибири“ вышли также в другой обложке и с новым названием—„Сибирь въ царствованіе императрицы Екатерины II“, ч. ч. I и II (Одесса 1887 и 1889).

В том же 1889 г. г. Андриевич выпустил еще две части (I тома?) „Исторіи Сибири“, с древнейших времен до установления главенства города Тобольска и основания Иркутского острога, а потом и до воцарения имп. Елизаветы Петровны (Спб.).

ческая наука, по его мнению, должна удовлетворять потребностям управления и давать направление хозяйственной деятельности властей и населения; иными словами, она должна указывать, поучать и предостерегать[1]. Ученые экспедиции, предпринимавшиеся в XVIII и XIX столетиях для исследования природных условий области и остатков сибирской старины и стоившие русскому правительству огромных средств, Андриевич считает совершенно бесполезными и никому ненужными. Правительству и народу надо знать о численности и плотности населения в прошлом и настоящем, об его потребностях, умственном развитии и материальных средствах. Только такие статистические сведения, по мнению Андриевича, и должны быть предметом исторического изучения (Предисловие к I части „Сибирь въ XIX ст.“). Особенное доверие при этом автор питает к данным оффициального характера; оттого и Полное Собрание Законов заслуживает в его глазах исключительного внимания, как наиболее достоверный источник сравнительно с летописями, записками и воспоминаниями частных лиц. При таком одностороннем подборе источни-

[1] Как далеко в этом отношении идет г. Андриевич, видно из его предисловия к III т. „Истор. очерка Сибири“. Предлагая издать историю Сибири на казенный счет, он заявляет: „Немногие тысячи рублей на издание истории Сибири окупятся сотнями тысяч рублей сокращения в современных расходах, просто только в силу того, что административные меры будут приводиться в исполнение систематично, а не ощупью и не на-показ, как это делается теперь часто“(!!!).

ков Андриевич мог дать не историю Сибири, а сводку законодательных постановлений и административных распоряжений, относящихся к этому краю.

Столь же несовершенны труды Андриевича по своему построению и изложению. Выбор материала определяется в них не соображениями научной целесообразности, а совершенно случайными моментами. Крупные и мелкие явления исторической жизни идут рядом перепутанными, без общей оценки и указания на их значение для данного времени. Эта оценка дается обыкновенно только помимо воли автора: когда известный ряд фактов приводил в Сибири к безобразному положению вещей, оно становилось известно правительству и вызывало с его стороны суровые мероприятия, которые и давали ретроспективное объяснение сибирской жизни.

Таким образом, труды ген.-майора Андриевича представляют лишь необработанный материал для будущих исторических исследований о Сибири. Справедливость требует отметить, что и сам автор считал свои работы лишь предварительным очерком, а настоящая история „могла бы появиться в печати много позже". Но другие заявления его находятся в полном противоречии с этим признанием. Андриевич, напр., не признает за „Историческим обозрением" Словцова никакой ценности для изучения сибирской истории, так как оно „дает очень мало сведений, к

тому же без системы, разрозненных и часто без указания источника, откуда они почерпнуты" (Предисл. к III т. „Ист. очерка"). Не видит он этой системы и во всех позднейших трудах по сибирской истории. Поэтому, чтобы „облегчить приспособление к делу"(?) сообщаемого ими материала, Андриевич и принялся за составление своих многочисленных трудов, в которых, по собственному не-скромному намеку, он писал „толково, дельно, сжато, только о существенном и тогда, когда оно продумано. изучено" (Предисл. к IV т. „Ист. очерка"). Все труды свои Андриевич украсил громкими названиями „исторического очерка Сибири" и „истории Сибири", хотя их правильнее было бы наименовать—„Материалы для истории Сибири". В этом последнем названии и кроется настоящее значение литературной деятельности ген.-майора Андриевича.

Сочинения г. Андриевича, взятые отдельно, могли бы свидетельствовать о попятном движении в сибирской историографии 1880-х г.г., еслибы на те же годы не падала учено-литературная деятельность профессора Харьковского университета *П. Н. Буцинского*, А. В. Оксенова и нек. др. исследователей.

Уроженец Курской губернии (род. в 1853 г., ум. в 1917) г. и воспитанник Харьковского Университета, П. Н. Буцинский в 1883 г. получил степень магистра русской истории за диссертацию „О Богданѣ Хмельницкомъ".

В дальнейшем все ученые труды его были посвящены уже сибирской истории. Всю вторую половину 1880-х г. г. он работает над другой своей диссертацией—„Заселеніе Сибири и бытъ первыхъ ея насельниковъ“ (Харьк. 1889), за которую в 1890 г. и получает степень доктора русской истории. Книга эта, по первоначальному замыслу автора, должна была быть только началом задуманного им обширного труда. Проф. Буцинский намеревался сначала по частям исследовать заселение Сибири, быт первых насельников этого края и их отношения к туземцам, чтобы потом написать общую историю Сибири от начала завоевания ее русскими и до половины XVIII в. Это намерение удалось автору только отчасти: в последующие годы он написал еще несколько небольших, но ценных исследований, из которых одни были прямым продолжением его основного труда (Мангазея и Мангазейскій уѣздъ, Харьк. 1893; Сургутъ, Нарымъ и Кетскъ, Харьк. 1893[1]), тогда как другие касались истории сибирской церкви (Открытіе тобольской епархіи и первый тобольскій архіепископъ Кипріанъ. Харьк. 1891; Крещеніе остяковъ и вогуловъ при Петрѣ Вел., Харьк. 1893 и др. [2]). Составить же общую историю Сибири проф Буцинскому так и не удалось.

[1] Оба очерка первоначально печатались на страницах „Записок И. Харьк. У-та“ за 1893 г. вып. 1 и 2.

[2] Все три очерка первоначально печатались на страницах журн. „Вѣра и Разумъ“.

Книга проф. Буцинского о заселении Си-
бири при самом появлении своем обратил
на себя внимание тем, что в ней исследовани
сибирской истории было поставлено, наконе
на настоящую дорогу. Не ограничиваясь пе
чатными источниками, автор обращается
рукописным материалам московских архивов —
Министерства юстиции и Мин-ва иностранн
дел; в первом он воспользовался ясачными
дозорными, сметными, ужинными и др. кни
гами делопроизводства Казанского дворца
Сибирского приказа, а во втором просмотре
портфели Миллера и кое-что из „приказны
дел". Сибирские архивы совсем не были об
следованы проф. Буцинским, а между тем
они немало дали бы для выяснения разны
вопросов, затронутых в его исследовании
Конечно, разработка всего этого материал
далеко не может быть названа полной, да
самый подбор его иногда носит случайны
характер. Несомненно сознавал это и са
автор, ибо смотрел на свою книгу, как на
начало обширного труда, при дальнейше
разработке которого он надеялся устранит
все пробелы в материалах и недочеты
построении.

Исследование проф. Буцинского охватывае
только семь северных и центральных уездо
Зап. Сибири (Верхотурский, Туринский, Тюмен
ский, Тобольский, Тарский, Пелымский и Бере
зовский) и ограничивается царствованием Ми
хаила Федоровича. Впоследствии (в 1893 г.)

как мы видели, автор выпустил еще два очерка, из которых один посвящен Мангазее и ее уезду (за 1601—1645 г.г.), а другой—Сургуту, Нарыму и Кетску с их уездами (за 1594—1645 г г.). Таким образом, проф. Буцинским была обследована вся северо-западная Сибирь, от Урала до Енисея. Первые семь глав большого исследования и два позднейших очерка проф. Буцинского посвящены поуездному описанию русского населения в его постепенном движении на северо-восток до 1645 г.; последние же две главы составляющие около половины всей книги (152 из 335 стр.), характеризуют положение разных классов русского и инородческого населения Сибири, касаясь вместе с тем состава и административных нравов сибирских властей в XVI и XVII вв.

Главный недостаток первых семи глав исследования заключается в том, что проф. Буцинский обратил мало внимания на выяснение географических и хозяйственных условий заселения русскими Зап. Сибири. В двух позднейших очерках этот недочет сказывается уже в значительно меньшей степени. Слабо обследован также и этнографический состав сибирского населения, хотя для выяснения данного вопроса немало сделал в свое время А. П. Щапов. Несмотря на это, книга и очерки проф. Буцинского внесли много нового в сибирскую историю. Из них ученый мир впервые почерпнул обстоятельные све-

дения о разных путях заселения Сибири—по указу и по прибору, путем ссылки и вольного перехода в Сибирь из Европ. России. Впервые также на основании архивных данных было обследовано положение различных классов русского населения в Сибири и изучен состав и характер сибирского управления в XVI и XVII вв.

Изложение в трудах проф. Буцинского сводится нередко к простому пересказу или цитированию архивных данных; что же касается обработки материалов, то она оставляет желать лучшего. Однако все использованные им источники так богаты по содержанию и так много говорят сами за себя, что книга и очерки читаются с живым интересом и дают ясное представление о сибирской жизни первой половины XVII в.

Все, сказанное о характере исторических трудов проф. Буцинского, вполне приложимо и к упомянутым выше работам его по истории сибирской церкви (см. стр. 79). Названные очерки, помимо чисто церковных вопросов, касаются также влияния христианства на сибирских инородцев и воздействия высшего духовенства в крае на управление Сибирью,—и в этом смысле они дополняют рассмотренные выше исторические труды проф. Буцинского.

Второй половине 1880-х г. г. принадлежит и историко-литературная деятельность *А. В. Оксенова*. Уроженец Сибири (род. в 1860 г.),

он учился в Томской гимназии, по прохождении которой поступил в Петроградский университет и окончил его в 1882 г. Некоторое время после этого Оксенов оставался в столице, работая в Историческом Вестнике, Восточном Обозрении и Журнале Мин-ва Нар. Просв., затем возвратился в Сибирь, где был сначала помощником библиотекаря Томского университета (1887—1891 г. г.), а потом занимался преподаванием в средней школе.

Еще на университетской скамье А. В. Оксенов стал заниматься сибирской историей; из этой области он выбрал и тему для своего кандидатского сочинения — „Сношения русских с обитателями северо-западной Азии до эпохи Ермака". Сочинение распадалось на 8 глав и отличалось богатством содержания. Рассмотрев сначала сношения Вел. Новгорода с Югорской землей и походы сюда московских государей, автор характеризовал далее внутреннее положение и внешние отношения Сибирского ханства, изучил торговые сношения и пути сообщения, соединявшие Московское государство с северо-западной Азией и в заключение остановился на тех сведениях, какие имели об этой части света русские люди и иностранцы до времени Ермака.

Впоследствии А. В. Оксенов переработал это сочинение в восемь статей (по числу глав), из которых одни были напечатаны в Литературном и Сибирском сборниках (прилож.

к „Вост. Обозр.“) [1], другіе—в Томских Губ. Ведомостях[2], а некоторые—в Журнале Мин-ва Нар. Просв.[3] Наиболее любопытными из этих статей являются—„Сношенія Новгорода Вел. съ Югорской землей“ и „Политическія отношенія Московскаго государства къ Югорской землѣ“. Одновременно с этими очерками Оксенов напечатал еще несколько статей—о сибирских летописях и об Ермаке по историческим песням русского народа[4]. Большинство работ А. В. Оксенова заслуживает серьезного внимания. Все они основаны на ближайшем изучении летописей (Полн. Собр. Рус. Летоп.), актов и грамот (в изданиях

---

[1] Сношенія Новгорода Вел. съ Югорской землей. Историко-географическій очеркъ по древнѣйшей исторіи Сибири (Литер. Сборн. 1885 г., стр. 425—445).—Слухи и вѣсти о Сибири до эпохи Ермака (Сиб. Сборн. 1887 г., IV, стр. 108—116).

[2] Торговыя сношенія русскихъ съ обитателями сѣверо-западной Азіи до эпохи Ермака (Том. Губ. Вѣд. 1888 г. №№ 10 и 11).—Старые пути изъ предѣловъ Московскаго государства въ Сибирскую землю (Там же, № 12).—Сибирское царство до эпохи Ермака. (Князья и ханы сибирскихъ татаръ. Этнографическій составъ и политическій строй позднѣйшаго Сибирскаго ханства) (Там же №№ 14—16 и 18).—Сибирь до эпохи Ермака, по свѣдѣніямъ западно-европейскихъ писателей и путешественниковъ (1245—1678) (Там же, 1889 г., №№ 2—6, 8—13).—О древнѣйшей торговлѣ Югорской земли съ Волжскими Булгарами (Там же 1889 г., №№ 16 и 17).

[3] Политическія отношенія Московскаго государства къ Югорской землѣ (1455—1499) (Ж. М. Н. Пр. ч. CCLXXIII (1891 г. кн. II), отд. 2, стр. 245—272).

[4] Сибирскія лѣтописи. Критико-библіографическое обозрѣніе (Вост. Обозр. 1883 г. №№ 38, 40, 44 и 51).—Свѣдѣнія о неизданныхъ сибирскихъ лѣтописяхъ. Съ библіографическимъ указателемъ напечатанныхъ сибирскихъ лѣтописей и другихъ историческихъ источниковъ (Литерат. Сборн., прил. к Вост. Обозр., 1885 г., стр. 446—455).—Ермакъ Тимоѳеевичъ въ историческихъ пѣсняхъ русскаго народа (Сибир. Сборн. 1886 г., I, стр. 75—92; II, стр. 44—61).

Археограф. Комиссии), сказаний современников и произведений народного творчества; при этом обработка источников обнаруживает в авторе вдумчивого исследователя сибирской истории.

Труды проф. Буцинского и г. Оксенова открывают собою длинный ряд небольших исследований, касающихся различных сторон сибирской истории. Особенно много таких работ вышло в 1890-х г.г. и отчасти в текущем столетии. Одни из них представляют попытку изучения общих вопросов сибирской истории, другие же посвящены рассмотрению прошлого отдельных местностей Сибири. Из писателей этого времени заслуживают упоминания следующее:

И. И. Тыжнов, известный своим „Обзоромъ иностранныхъ извѣстій о Сибири 2-ой половины XVI вѣка“[1]; А. В. Адрианов, составивший исследование о Томском краѣ[2]; Е. В. Кузнецов, оставивший после себя множество работ по истории преимущественно Зап. Сибири и несколько прекрасных библиографических указателей[3]; А. А. Дмитриев, много

[1] Сиб. Сборник 1887 г.

[2] Г. Томскъ въ прошломъ и настоящемъ (Томск 1890).

[3] Важнейшие труды Е. В. Кузнецова:

Матеріалы по исторіи заселенія Тобольской губерніи до покоренія Сибири Ермакомъ (Тоб. Губ Вѣдом. 1870 г. №№ 9—12).—Царскіе сокольники въ Сибири. (Историческій очеркъ) (Сиб. Вѣстникъ 1890 г. № 47; также Тоб. Губ. Вѣд. 1890 г., №№ 23 и 24).—Первые кабаки въ Сибири (Т. Г. Б. 1890 г., № № 27—29) — Сказанія и догадки о христіанскомъ имени Ермака (Т. Г. В. 1890 г., №№ 40, 42, 44 и 50; также Календарь Тобол. губ. на 1892 г., Тоб. 1891, и отд.).—Начало сибирскихъ городовъ. (Историческій набросокъ). (Т. Г. В. 1893 г., №№ 10, 11, 14, 21 и 26).

занимавшийся вопросом о покорении Сибири[2]; прив.-доц. П. М. Головачев, писавший по истории сибирского населения в XVII и XVIII в.в.[3]; Н. Н. Оглоблин, составивший, на основании архивных данных, ряд превосход-

---

Библіографія Ермака. Опытъ указателя малоизвѣстныхъ сочиненій на русскомъ и частію на иностранныхъ языкахъ о покорителѣ Сибири (Календарь Тоб. губ. на 1892 г. Тоб. 1891, стр. 140—169, и отд.).—Указатель сочиненій историка Сибири П. А. Словцова (Т. Г. В. 1893 г. № 12).—Указатель сибирскимъ лѣтописямъ (Т. Г. В. 1894 г., №№ 1, 2, 5, 6, 9, 10, 20, 21 и 26).

[2] А. А. Дмитриев является автором ряда исследований преимущественно о Пермском крае. По истории Сибири из его трудов имеют несомненное значение следующие:

Пермская старина. Сборникъ историческихъ статей и матеріаловъ преимущественно о Пермскомъ краѣ.

Вып. IV—Строгановы и Ермакъ, Пермь 1892;

„ V—Покореніе Югорскихъ земель и Сибири, П. 1894;

„ VI—Первые годы послѣ Ермака и Смутное время, П. 1895;

„ VII—Верхотурскій край въ XVII вѣкѣ, П. 1897.

По поводу выпп. IV и V „Пермской Старины" С. А. Адрианов напечатал в высшей степени любопытные критические отзывы (Ж. М. Н. Пр., ч. CCLXXXVI, 1893 г., апр. и ч. CCXCIV. 1894 г., июль).

На первый отзыв г. Адрианова А. А. Дмитриев ответил в своем исследовании—„Роль Строгановыхъ въ покореніи Сибири. (Новый пересмотръ Сибирскаго вопроса)" (Ж. М. Н. Пр., ч. CCXCI, 1894 г., янв. и февр.), на второй—в предисловии къ VI вып. своей „Пермской Старины".

Критическая оценка ученой полемики между г. г. Дмитриевым и Адриановым дана в статье И. И. Тынянова—„Новѣйшіе труды по исторіи покоренія Сибири" (Сиб. Сборн. на 1898 г., Ирк. 1898, стр. 49—75).

[3] Сибирь въ Екатерининской комиссіи. Этюдъ по исторіи Сибири XVIII вѣка. М. 1889.—Покореніе Сибирскаго царства и личность Ермака (Сиб. Сборн. 1891 г., вып. I, стр. 166—196).—Пути сообщенія в Сибири XVI и XVII в. в. (Тоб. Губ. Вѣд. 1893 г., №№ 14—17).—Первое столѣтіе Иркутска. Въ память 250-лѣтія Иркутска. Изд. В. П. Сукачева, Спб. 1902.—Тюмень въ XVII ст. Изд. А. И. Чукмалдиной, М. 1903.—Томскъ въ XVII в. Изд. В. А. Горохова, Спб. -Характеръ и значеніе колонизаціи Сибири въ XVI и XVII стол. (Приложеніе к № 2 „Сибирскихъ Вопросовъ", Спб. 1906).

ных очерков по истории завоевания русскими северо-восточной Сибири и народных движений в Сибири[1]; К. Б. Газенвинкель, работавший по истории управления и служилого класса в Сибири[2]; В. А. Ватин, изучавший по архивным данным Минусинский край в XVIII в.,[3] и Н. Н. Козьмин, давший ряд любопытных и весьма важных статей о государ-

---

[1] Кроме упомянутого выше (стр 42—43) замечательного труда „Обозрѣніе столбцовъ и книгъ Сибирскаго Приказа (1592—1768 г. г.)" (ч. ч. I–IV, М. 1895—1901), Н. Н. Оглоблину принадлежат еще следующие очерки:

Новыя данныя о Владимірѣ Атласовѣ (Чтенія въ Общ. ист. (др. рос. 1888 г., и отд.) —Семенъ Дежневъ (1638—1671). иНовыя данныя и пересмотръ старыхъ) (Ж. М. Н. Пр. 1890 г., дек., и отд. Спб. 1890).--Сибирскіе дипломаты XVII в. (Историч. Вѣстникъ 1891 г.)—Источники „Чертежной книги Сибири" Семена Ремезова (Библіографъ 1891 г., № 1 и отд.)—Къ біографіи Владиміра Атласова (Чтенія въ Общ. ист. и др. рос. 1894 г., кн. I и отд.).—Заговоръ томской „литвы" въ 1634 г. (Чтенія въ Ист. Общ. Нестора Лѣтоп. 1894 г., кн. VIII и отд.).—Бунтъ и побѣгъ на Амуръ воровского полка М. Сорокина (Рус. Стар. 1896 г., № 1).—Нерчинскій заговоръ (Рус. Стар. 1896 г., № 10).—Якутскій розыскъ о розни боярскихъ дѣтей и казаковъ (Рус. Стар. 1897 г., № 8).- Красноярскій бунтъ 1695—1698 годовъ. Очеркъ изъ исторіи народныхъ движеній въ Сибири. Томск 1902.

[2] Книги разрядныя въ оффиціальныхъ ихъ спискахъ, какъ матеріалъ для исторіи Сибири XVII вѣка (Извѣстія Общ. Арх., Ист. и Этн. при И. Каз. У-тѣ, т. X, вып. 5 и 6 отд.—Каз. 1892).—Государево жалованье песлужникамъ сибирскимъ. Къ исторіи Сибири XVII вѣка. Тоб. 1892.—Систематическій перечень воеводъ, дьяковъ, письменныхъ головъ и подъячихъ съ приписью въ сибирскихъ городахъ и главнѣйшихъ острогахъ съ ихъ основанія до начала XVIII вѣка. Къ исторіи Сибири XVII в. Тоб. 1892.

[3] Минусинскій край въ XVIII вѣкѣ. Этюдъ по исторіи Сибири. Минусинскъ 1913.—Село Минусинское. Историческій очеркъ. Мин. 1914.—Восточная Сибирь в началѣ XIX вѣка. (На основаніи неизданнаго отчета Иркутского губернатора Трескина) (Сиб. Архивъ 1916 г. №№ 3—4 и 11—12; 1917 г. №№ 1—2).

ревой пашне в XVII в. и по историческо
этнографии Сибири[1].

Все названные выше труды, несмотря не
большую важность их для изучения отдель
ных вопросов, все-же не дают цельного преди
ставления о сибирской истории: это не боль
ше, как отдельные камни, из которых, при
дальнейшей разработке источников, еще нуж
но построить цельное здание. А именно в та
ком здании более всего и нуждается сибир
ская история. Мы видели, что ни Миллеру
ни Словцову, ни тем более Андриевичу не
удалось написать такой истории, которая бы
ла бы научно построена и вполне отвечала
бы требованиям своего века.

За дело построения научной истории Си
бири в последние годы взялся профессор Ка
занского Университета *Н. Н. Фирсов*. В
1915 г. он выпустил в свет свои „Чтенія по
исторіи Сибири. Вып. I". Этот труд, по за
явлению самого автора, составлен им по
конспектам курсов,. читанных в Казанском
Университете и Московском Археологическом
Институте[2], и, не преследуя каких-либо ис
следовательских целей, стремится дать лиш

[1] Хлѣбъ за ясакъ.—Администрація государевой пашни в
Сибири XVII в. (обе в книге Козьмина „Очерки прошлаго и на
стоящаго Сибири", Спб. 1910).—Д. А. Клеменцъ и историко
этнографическія изслѣдованія въ Минусинскомъ краѣ (Изв
Вост.-Сиб. Отд. И. Рус. Геогр. Общ. 1916 г., т. XLV).—Князе
Ирнакъ. Эпизодъ сибирской исторіи (Сиб. Записки 1916 г. № 1
янв.).—Источники для изученія исторіи Минусинскаго края
(Сиб. Зап. 1917 г., № 3, май).—Туба, Историко-этнографическі
очеркъ (Сиб. Зап. 1918 г., № 4) и нек. др.

[2] Институт и издал настоящий труд проф. Фирсова.

самое общее представление о предмете изложения. Работа основана на изучении печатных источников и некоторых пособий и только в редких случаях к делу привлекаются материалы из Архива Государственного Совета в Петрограде.

I вып. труда проф. Фирсова посвящен выяснению вопросов, связанных с завоеванием и первоначальным заселением русскими Сибири. Автор указывает на тесную связь между колонизацией Поволжья и Прикамья и колонизацией Сибири, хотя и не отмечает существенной разницы между ними; а между тем первая была преимущественно земледельческой, тогда как вторая носила долгое время ярко-выраженный завоевательный и фискально-промышленный характер. Остановившись далее на завоевании русскими необъятных пространств Сибири, проф. Фирсов ставит перед собою ряд вопросов, охватывающих сибирские отношения в XVI—XVIII в.в., а именно: государственная власть и управление Сибирью, отношения между русскими пришельцами и туземцами, ссылка в Сибирь, промышленность и торговля и культурные отношения в Сибири за то же время. Изложение всех этих вопросов в „Чтениях" отличается некоторой неопределенностью и страдает отсутствием ясных выводов и обобщений, а иногда и необходимой полноты. Трудно сказать, какие стороны сибирской истории будут затронуты во II вып. „Чтений" проф.

Фирсова, а потому до выхода его в свет при-
ходится воздержаться отъ окончательной оцен-
ки и I выпуска. Но каковы бы ни были не-
дочеты рассматриваемого труда, они не мо-
гут отнять у него значения первой (после
Миллера и Словцова) попытки научного по-
строения сибирской истории.

Итак, обозрение источниковедения и исто-
риографии Сибири приводит нас к следующе-
му заключению.

Издание источников для сибирской истории
происходило у нас по почину разных учрежде-
ний и лиц, не объединенных в своей деятель-
ности каким-либо общим планом. Поэтому
источники появлялись в свет без всякой
системы, причем заимствовались они нередко
из второстепенных архивов, тогда как боль-
шие столичные (напр., Архив Мин. юстиции в
Москве) и сибирские архивы были оставле-
ны издателями памятников без должного вни-
мания. Что касается исследований, то одни
из них представляли общие обзоры сибирской
истории (труды Миллера, Словцова), другие
касались специальных (крупных и мелких)
вопросов из прошлого Сибири. Но общие
обзоры предпринимались в неблагоприятное
время, когда архивные данные находились
еще под спудом, а работ по изучению от-
дельных сторон сибирской истории почти не
существовало. В последние десятилетия та-
ких исследований появляется достаточно: не-
мало обнародовано и важных источников,

роливающих свет на основные явления ис-
ории Сибири. Думается, что теперь уже на-
тало время по возможности использовать
ти источники и подвести итоги всей науч-
ой разработке сибирской истории. Такое за-
ание и ставит себе автор предлагаемого
ниже „Очерка истории Сибири".

Пособия. Кроме трудов, указанных в тексте и примечаниях настоящего Введения, необходимо иметь ввиду также следующие пособия:

А. Н. Пыпин, Исторія русской этнографіи, т. IV—Бѣлоруссія и Сибирь, Спб. 1892.—*Н. Н. Бакай*, Къ вопросу объ изученіи исторіи Сибири, Красноярскъ (1890).—*Н. М. Попов*, Общій исторический обзоръ археологическихъ изысканій въ Сибири (Извѣстія Сиб. Отд. И. Рус. Геогр. Общ., т. II, №№ 1 и 2, Ирк. 1871).—*В. В. Радлов*, Aus Sibirien. Lose Blätter aus meinem Tagebuche. B. II, 2-te Ausgb., Leipzig 1893.—*Он-же*, Сибирскія древности. Матеріалы по археологіи Россіи, изд. И. Археолог. Коммиссіей (№№ 3, 5 и 15). Т. I, вып. 1—Спб. 1888, 2—1891, 3—1894.—*П. Ф. Кащенко*, Скелетъ мамонта со слѣдами употребленія нѣкоторыхъ частей тѣла этого животнаго въ пищу современнымъ ему человѣкомъ (Записки И. Акад. Наукъ по Физ.-мат. отд., т. IX, № 7, Спб. 1901, стр. 35—56. [Литературный обзоръ].—*В. Томсен*, Дешифровка орхонскихъ и енисейскихъ надписей. (Записки Вост. Отд. И. Рус. Археолог. Общ., т. VIII, Спб. 1894).—*Д. А. Клеменц*, Сѣверо-азіатскія руническія письмена и чтеніе ихъ, Ирк. 1895.—*Н. В. Кюнер*, Историческій очеркъ развитія основъ китайской матеріальной и духовной культуры, въ связи съ выясненіемъ роли послѣдней въ жизни другихъ народовъ на Дальнемъ Востокѣ. Ч. I. Введеніе.

Обзоръ источниковъ. (Литографир. курсъ). I
дивосток 1909.—*Л. Н. Майковъ*, Хронологиче
справки по поводу трехсотлѣтней годовщ
присоединенія Сибири къ Русской Державѣ
М. Н. Пр., ч. CCXVII, 1881 г. сент.).—*П.*
карскій, Исторія Императорской Академіи На
въ Петербургѣ. Изд. Отд. рус. яз. и слов. И. А
Наукъ, т. I, Спб. 1870.—*Н. Н. Оглоблин*, Къ
ской исторіографіи. Герардъ Миллеръ и его
ношенія къ первоисточникамъ (Библіографъ 1
г., № 1).—*Он же*, Къ вопросу объ исторіогр
Г. Ф. Миллерѣ (Библіографъ, 1889 г., № 8—9
К. В. Дубровскій, „Сибирскій Карамзинъ“ (Пе
Андр. Словцовъ) (Сиб. Архивъ, 1914 г., №
май).—*Н. Н. Бакай*, Памяти П. А. Словцова,
историка Сибири, Красноярск 1918.

В качестве библиографического указат
следует назвать почтенный труд *В. П. Ме*
ва—Сибирская Библіографія, изд. И. М. Сиби
кова, т. т. I—III, Спб. 1891—1892.

I. Природа Сибири.

1. *Положение и границы.*

Сибирью называется огромная страна, занимающая всю северную часть Азии на пространстве около 12.000.000 кв. верст[1]. По своим размерам она в 1½ раза превосходит Европу и в 2½ раза—Европейскую Россию.

Положение Сибири в Азии определяется следующими границами.

На западе эта страна отделяется от Европ. России невысоким Уральским хребтом (до 1800 вер. длины), который северным своим концом упирается в берега Ледовитого океана, а на юге отклоняется к западу и переходит в Мугоджарские горы. Далее, южная граница Сибири проходит по Киргизской возвышенности, Алтаю и Саянам, которыми она отделяется от средне-азиатских владений России и от Китая. Юго-восточная граница Сибири с Монголией и Маньчжурией идет по высоким и пустынным отрогам Саян и забайкальско-маньчжурских гор до р. Аргуни, а по слиянии ее с р. Шилкой—по р. Амуру. По

---

[1] Вслед за П. П. Семеновым-Тян-Шанским и Н. М. Ядринцевым, мы считаем современную Сибирь в составе губерний—Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской и областей—Забайкальской, Якутской, Амурской, Приморской, Камчатской, Сахалинской, Акмолинской, и Семипалатинской. Все эти губернии и области (не исключая и двух последних, значительно отличающихся от остальных своими природными условиями) тесно связаны между собою как исторически, так и в хозяйственном отношении. Общая площадь их равняется 11.870.930 кв. вер. (по данным А. А. Тилло и Ю. М. Шокальского).

впадении в Амур р. Уссури граница повор
чивает к югу и по этой реке и затем по
рам выходит к Японскому морю.

Таким образом, сухопутная граница Сиб
ри на западе и юго-западе идет по невыс
ким горам и возвышенностям, а на юге пр
ходит по высоким и малодоступным горны
хребтам и по соседству с Китаем тянет
более чем на 7000 верст.

На севере и востоке Сибирь имеет естес
венную морскую границу, так как с этих ст
рон ее омывают Ледовитый и Великий океан

Северная береговая полоса Сибири тянет
более чем на 15.000 верст. На этом огро
ном протяжении Ледовитый океан или, ка
его называли встарину, Студеное море. I
заливам или губам (Обская, Тазовская, Ени
сейская и Хатангская) заходит вглубь мат
рика на целые сотни верст; зато и суша вд
ется в океан несколькими большими полу
островами. Один из них, Ямал, вместе с о.
Вайгачем и Новой Землей, принадлежащим
к Европе, отделяют часть океана, под назва
нием Карское море, а другой полуостров
Таймыр, с Новосибирскими островами обра
зует берега моря Норденшёльда. Большую
часть года Ледовитый океан, а особенно Кар
ское море, покрыты пловучими и неподвиж
ными льдами, представляющими для плава
ния большую опасность.

Несколько менее значительной по своему
протяжению является морская граница на

востоке (ок. 13.000 вер). У юго-восточных берегов Сибири Великий океан образует сравнительно мелководное Японское море, а севернее его, тоже у материка,—холодное и туманное Охотское море; первое отделяется от океана Японскими островами, а второе—грядой Курильских островов и полуостровом Камчаткой. Оба эти моря соединяются между собою двумя проливами—Татарским, отделяющим Сибирь от о. Сахалина, и Лаперузовым, между о. о. Сахалином и Ессо. К северо-востоку от Камчатки часть Великого океана, между Сибирью с одной стороны, и Северной Америкой с другой, называется Беринговым (или Бобровым) морем. Оно соединяется с Ледовитым океаном Дежневым (или Беринговым) проливом (60—75 вер. ширины).

Таким образом, географическое положение Сибири не может быть названо благоприятным. Она занимает, как мы видели, северную часть азиатского материка и с севера омывается Ледовитым океаном, который большую часть года недоступен по причине льдов, а с востока—береговыми морями Великого океана. тоже неудобными для плавания вследствие туманов, холодных течений и сравнительного мелководья. На юге Сибирь отделяется от остальной Азии высокими и малодоступными горами и пустынными плоскогорьями. Только на западе и юго-западе страна примыкает к плодородным и значительно населенным местностям Европ. России; отсюда

же она, несмотря на Уральские горы, более доступна, чем со всех остальных сторон.

2. Поверхность страны.

Раскинувшись от Ледовитого океана до среднеазиатских степей и пустынь и от Урала до великоокеанского побережья, Сибирь относительно поверхности представляет большое разнообразие: огромные равнины-низменности сменяются в ней обширными плоскогорьями, а эти в свою очередь переходят в горы, идущие в разных направлениях. В общем же по устройству поверхности Сибирь принято делить на две неравные части—западную, от Урала до р. Енисея, и восточную от этой реки до Великого океана. Обе части Сибири имеют между собою ту общую особенность, что в северной полосе их, по берегам Ледовитого моря, тянется унылая и холодная тундра.

Западная Сибирь представляет собою огромную низменность. Являясь прямым продолжением восточно-европейской низменности, она тянется от Уральского хребта до Енисея и в средней своей части покрыта тайгой, по которой разбросаны озера и болота, чередующиеся с песчаными прогалинами. На севере эта низменность простирается до Ледовитого океана, с переходом тайги в тундру, а на юге окаймляется степными равнинами, покрытыми травой и березовыми лесами („колки") со множеством болот и озер в плоских бере-

гах. К юго-востоку степные равнины постепенно переходят в Киргизскую возвышенность и Алтайское нагорье, которое, по мере удаления к югу, превращается в сложную систему Алтайских гор. Горные хребты в северном Алтае, имея своим средоточием на юге Катунские белки, веерообразно расходятся отсюда в северном и западном направлениях; в южных же частях этого края они тянутся преимущественно с запада на восток. Алтайские горы покрыты дремучими лесами (горной тайгой или чернью) и отделяются друг от друга дикими ущельями, в глубине которых мчатся с гор пенистые потоки, и долинами, где раскинуты тихие и светлые озера. Среди горных цепей возвышаются „белки“ или снеговые вершины, с которых спускаются широкими полосами алтайские ледники. Несмотря на суровый характер снеговых гор, прерываемых ущельями, Алтай, особенно северное нагорье его, ввиду изобилия рек, изборожден плодородными долинами, в которых с XVIII в. стало сосредоточиваться земледельческое русское население края

К востоку от Енисея и до берегов Великого океана тянется огромная гористая страна, которая своей поверхностью резко отличается от Зап. Сибири. В западной части этой страны, между Енисеем и Леной, расположено средне-сибирское плоскогорье, которое на севере постепенно переходит в приморскую низменность—тундру, а к югу про-

стирается до восточных Саян, Байкала и Ви-
тимского плоскогорья, с востока окаймляемо-
го Алданским хребтом. Средне-сибирское пло-
скогорье в центральной своей части пересе-
кается с севера на юг Тунгусскими горами,
а к востоку и юго-востоку оно переходит в
сложную горную страну, которая считается
древнейшей частью Азии. С архейских времен
в ней не было больше складчатости. Только
глубокие трещины разбивают эту местность
в разных направлениях; по этим трещинам
произошли вертикальные перемещения и воз-
никли новые неровности, к которым относит-
ся и котловина Байкальского озера. Среди
древнейших неровностей в Забайкалье выде-
ляются восточные Саяны и цепи забайкаль-
ских гор с Яблоновым хребтом во главе. В
северо-восточном направлении отсюда по уг-
рюмому и суровому Алданскому краю идет
ряд отдельных горных цепей, которые связа-
ны с широкими и плоскими горами При-
амурья (Малый Хинган и Сихота-Алинь), а
вблизи северного побережья Охотского моря,
дав от себя к северо-западу Верхоянскую гор-
ную ветвь, сливаются потом в один Станcвой
хребет. Заполнив своими отрогами весь се-
веро-восточный угол Сибири, этот хребет
уходит на Чукотский полуостров. К югу от-
сюда тянутся камчатские горы со снежными
вершинами и высокими сопками-вулканами
(напр., Ключевская сопка 2.301 саж.). Забай-
кальские горы, а также Яблоновый и Стано-

вой хребты отличаются от других гор особенностями своего строения: с северо-западной стороны они имеют пологий скат, тогда как с юго-восточной образуют ряд обрывистых уступов, с отвесными спусками.

Таким образом, по устройству поверхности Сибирь в западной своей части является страной низменностей и равнин, тогда как к востоку от Енисея она покрыта плоскогорьями, нагорьями и горными хребтами. Это разнообразие форм поверхности оказало, как увидим ниже, значительное влияние и на климатические условия Сибири.

Будучи страной древнего происхождения и с изверженными горными породами, Сибирь, особенно восточная, чрезвычайно богата ценными металлами и минералами. На первом месте среди них с древнейших времен стоит золото, месторождения которого встречаются по всей южной Сибири и по средним течениям Енисея и Лены. За золотом следуют— серебро (в разных местах, особенно в Забайкалье), медь (юго-зап. Сибирь и Забайкалье), железо (во многих местностях) и некоторые другие. Разработка всех этих металлов началась в Сибири еще на заре истории, о чем свидетельствует множество металлических предметов, находимых в сибирских курганах. Из минералов каменный уголь и соль встречаются в Сибири почти повсеместно. Месторождения самоцветных камней находятся по всей южной полосе страны.

Особенное значение для древнейшего населения Сибири имели залежи нефрита (в Иркутской губ.), из которого неолитический человек выделывал свои орудия.

3. Климат.

Климат Сибири зависит от особенностей ее природного положения. Она занимает северную часть азиатского материка (пояса умеренно-холодный и полярно-холодный) и имеет огромное протяжение с запада на восток (около 8000 вер.). На севере ее омывает вечно-студеный Ледовитый океан, а на востоке—холодные течения Великого океана. От южных теплых и умеренных стран ее отгораживают высокие горы. а наиболее обширная восточная часть Сибири находится высоко надъ уровнем моря и в северо-восточном и северном направлениях пересечена мощными горными хребтами, отделенными друг от друга глубокими и широкими долинами; и только на западе Сибирь, несмотря на Уральский хребет, тесно связана с восточной Европой. Все эти особенности природного положения Сибири создают для нее суровый климат, который лишь на западе несколько умеряется близостью Европы. В одних и тех же местностях страны сравнительно короткое лето сопровождается сильными жарами, а продолжительная зима отличается большими холодами, причем иногда в течение одних суток температура подвергается самы

резким колебаниям. Вообще же климат в Сибири становится холоднее и суше по направлению к востоку и северо-востоку. Дело в том, что поверхность Сибири несколько поката и открыта к Ледовитому океану, студеное дыхание которого значительно охлаждает всю северо-восточную часть страны; огромное же количество суши с юга (со сторон средней Азии) обусловливает исключительную континентальность сибирского климата, с холодом и сухостью, ее отличительными свойствами. Атмосферных осадков (дождя, росы, снега и пр.) здесь выпадает гораздо более летом, нежели зимою, причем количество их с юга к северу заметно уменьшается. Самые холодные места в Сибири, да и вообще на земном шаре, находятся в Вилюйской котловине и по среднему течению р. Яны, где в зимнее время температура понижается до —55° Реом. (Верхоленск). Зимой в Сибири, особенно восточной, в местностях, защищенных окружающими возвышенностями и горами, устанавливается холодная, тихая, ясная и сухая погода. Однако, горы в восточной Сибири, пологие к северо-западу и обрывистые к юго-востоку, не могут задерживать зимою холодные воздушные течения, которые, переходя возвышенности, направляются к югу и востоку. Наоборот, летом теплые ветра Великого океана дуют в Сибирь с юго-востока и приносят с собою влагу, которая, не переходя через горы, падает обильными и час-

тыми дождями в Приамурье и по берегам Япон ского и Охотского морей Все это создает данной части Сибири особые климатически условия, заметно отличающиеся от климат собственно Восточной Сибири

В тесной связи с суровостью сибирског климата находится особое явление, известно под названием *мерзлоты*. Дело в том, чт почва в северной и даже средней полосе Си бири, замерзнув зимою, оттаивает летом лиш верхним своим слоем, а местами и вовсе н оттаивает. Такое явление называется вечно мерзлотой, и южняя граница ее проходи по краю в зависимости от тех или ины местных условий (расположения гор. климат и проч.). В западной Сибири, с ее боле мягким климатом, эта граница идет немног южнее полярного круга (между 64 и 66 сев. шир.), тогда как за Енисеем, вследстви более суровых климатических условий вос точной Сибири, она спускается къ югу, до стигая среднего течения Ангары (Амура Вечная мерзлота, независимо от качества почвы, препятствует произрастанию хлеб ных злаков; поэтому наиболее удобные для земледелия местности в Сибири лежат южнее границы вечной мерзлоты.

4. Внутренние воды.

Устройство поверхности и климатические условия Сибири определяют количество вну тренних вод (рек и озер), их направление и

расположение. В Сибири течет огромное количество рек, которые обширной и густой сетью покрывают весь край. Три главнейшие из них—Обь, Енисей и Лена—пересекаютъ страну с юга на север и заполняют ее своими притоками, четвертая—Амур течет с запада на восток и занимает своим бассейном весь юго-восточный угол Сибири.

Большую часть западно-сибирской низменности занимает могучая и широкая Обь (3350 вер.) и ее многочисленные притоки. Начинаясь в алтайском предгорье из соединения р. р. Би и Катуни, Обь медленным течением по однообразной равнине направляется на северо-запад и, приняв в себя по пути множество притоков, вливается в Ледовитый океан, образующий в месте впадения реки огромную губу (до 800 вер. длины и 60—80 вер. ширины). С левой стороны в Обь впадает главный приток ее, огромный Иртыш (3320 вер.), который, вытекая из северо-западной Монголии, долго идет в одном направлении с Обью, только отделенный от нее широкой равниной, пока не сливается с нею на севере в один огромный поток (3—20 вер. шириною). Важнейшие притоки Иртыша (Ишим и Тобол с Турой) впадают в него с запада, со стороны Урала, и своими верховьями почти вплотную подходят к восточным притокам Камы, соединяя таким образом две части света удобными путями сообщения. Правые же притоки Оби (Томь, Чулым, Кеть и Тым)

сближают ее с другой великой рекой, Ени-
сеем.

Енисей (Иоанесе, что значит по тунгусски
большая вода) (3000 вер.) начинается к юго
от Саян, в северо-западной Монголии, и
подобно Оби, образуется из слияния двух
рек—Ха-Кема и Би-Кема[1]. Но в отличие от
своей медленной и спокойной соседки с за-
пада, Енисей, проходя по средне-сибирско-
возвышенности, то суживается между „ще-
ками" (т. е. высокими почти отвесными
берегами),—и тогда быстрое течение его
преграждается порогами и каменными ме-
лями (шиверами), небезопасными для пла-
вания, то расширяется и образует острова
и протоки. Под конец река достигает 1
вер. ширины и незаметно входит в свою
огромную губу (до 220 вер. длины и 25—
100 вер. ширины). Главные притоки Ени-
сея—три Тунгуски—впадают в него справа:
Верхняя Тунгуска или Ангара[2] (1760 вер.
выходит из Байкала и представляет собой
как бы сток этого огромного озера. Стреми-
тельное течение Ангары проходит местами
меж скалистых берегов и преграждается по-
рогами, водоворотами и шиверами, затрудняю-
щими плавание судов. Таким же почти харак-
тером отличается течение и двух других Тун-

---

[1] До прохода через Саяны река называется Кем; по про-
хождении же этих гор, она получает название Енисей.

[2] Книзу от устья р. Илима река обычно называется Ниж-
ней Тунгуской, а кверху—Ангарой.

гусок—Подкаменной (1625 вер.) и Нижней (2750 в.).

Третья великая река Сибири—Лена (4400 вер.) начинается в горах Предбайкалья, после чего долго идет в северо-восточном направлении то сжатая „щеками", то по широкой долине. Чем дальше к северу, тем щек становится все меньше, и наконец река делается совершенно спокойной и медленной. От Якутска Лена поворачивает к северу и вливается в Ледовитый океан восмью устьями, образующими огромную дельту. С запада в эту великую реку впадает всего лишь один большой приток —Вилюй (2300 вер.); верховья его почти сходятся с Нижней Тунгуской и таким образом связываются два великих речных бассейна Сибири, ленский и енисейский. С юго-востока и востока Лена принимает в себя три значительных притока—Витим (1800 вер.), Олекму (1225 в.) и Алдан (2270 вер.). Первые две реки выходят из Забайкалья и этим соединяют его с бассейном Лены; что касается Алдана, то эта порожистая и быстрая река, близко подходя к Охотскому морю, открывает к нему путь с берегов Лены.

Кроме описанных трех великих рек Сибири, в Ледовитый океан впадает еще до восьми второстепенных, хотя и многоводных рек (Таз, Пясина, Хатанга, Анабара, Оленек, Яна, Индигирка и Колыма). Все эти реки, протекая по крайней северной полосе Сибири, никогда не имели большого значения ни в хо-

зяйственной жизни страны, ни в ее истори
только р. р. Яна (1150 в.), Индигирка (154
вер.) и Колыма (1760 в.), несмотря на сво
отдаленность от главных путей историческо
жизни Сибири, сыграли известную роль в д
ле завладения русскими земель юкагиро
чуванцев, чукчей, коряков и эскимосов.

В Великий океан из Сибири текут дв
больших реки—на северо-востоке Анадыр
(ок. 900 вер.) и на юго-востоке Амур (27
вер.), образовавшийся из слияния р.р. Шил
ки и Аргуни. В верхнем своем течении Аму
проходит по узкой горной долине, котора
расширяется по мере устремления реки
востоку. Пройдя отроги Мал. Хингана, Аму
принимает в себя с севера одну за друго
р.р. Зею и Бурею, потом с юга р.р. Сунгар
и Уссури, после чего, отклонившись к севе
ро-востоку, впадает в Татарский пролив.

Все сибирские реки, текущие на север
впадающие в Ледовитый океан, вследстви
вращательного движения земли с запада н
восток, постепенно перемещаются от левог
берега к правому. Поэтому у первого образу
ется отложение наносов, тогда как правы
берег рек подымается ввиде холма или ска
листого возвышения. Поразительная величи
на и многоводность сибирских рек зависит
от огромного пространства, которое они пре
одолевают на своем пути, и от малой испа
ряемости воды, как следствия холодного кли
мата. Особенностью рек Сибири является то

что они питаются частью ледниками и снегами гор, частью вешними водами и летними дождями. Замерзание и вскрытие рек, текущих на север, начинается с верховьев. Весенние разливы рек от таяния множества снегов бывают чрезвычайно полноводны и ежегодно выносят в море огромное количество леса, который ломается льдинами во время ледохода. Те же из рек Сибири, которые берут свое начало в горах или из горных озер, разливаются не весною, а летом или осенью (июль—август, октябрь—ноябрь): таковы Ангара, Амур и некоторые иные Отличительной особенностью сибирских рек является также их чрезвычайная связанность между собою. Мы видели, что Обь своими западными притоками подходит вплотную к бассейну р. Камы, а восточными связывается с бассейном Енисея Но и Енисей, протягивая на восток три Тунгуски, соединяется через них с крупнейшим из ленских притоков, Вилюем, и с самой Леной. Что же касается последней, то она р. р. Алданом и Олекмой входит почти в непосредственное соприкосновение с Охотским морем и Амуром. Такая связанность сибирской речной сети имела в прошлом Сибири громадное значение: способствуя расселению по стране туземного населения, она вместе с тем создавала благоприятные условия для проникновения сюда русских, быстро завладевших необозримыми пространствами Сибири.

Богатая речными водами, Сибирь в то
время по справедливости может быть назв
на страною озер. Северная прибрежная пол
са ее, с вечно-мерзлой почвой и глубоки
снегами, усеяна множеством больших и мал
озер, не имеющих стока. Начинаясь отсю
озера покрывают значительную часть запа
но-сибирской низменности, особенно Бараби
скую степь. В юго-западной Сибири, у сам
границы Китая, расположено обширное прес
водное озеро Зайсан; оно является видн
представителем обширного озерного края, зан
мающего восточную часть Семипалатинск
области, северо-западную Монголию и Алта
Но самым замечательным из всех сибирск
озер должно быть признано „святое мор
Байкал. Это озеро тянется в северо-вост
ном направлении, ввиде серпа, на 660 в
в длину и 27—85 вер. в ширину. Некотор
исследователи полагают, что оно образо
лось в древнейшую пору существования з
ли, когда море, покрывавшее большую ча
теперешней Сибири, при своем отступлен
на север, заполнило огромную впадину и
ким образом создало в ней будущий Байк
За многие века, протекшие с тех пор, б
кальская вода из соленой морской превра
лась в пресную озерную. Дно Байкала пр
ставляет котловину съ неравномерными
лублениями, оттого и глубина Байкала нео

---

[1] Все эти озера разного происхождения; многие ж
озер в юго-западной Сибири соленые.

накова: в южной части она достигает почти 800 саж., в северной—500 саж., но встречается глубина и в 30 саж. Постоянно холодные воды озера в летнее время значительно охлаждают воздух окрестной страны, зато зимою, вплоть до ледостава (конец декабря—половина января), они согревают холодный воздух суши. В тесной зависимости от температуры байкальских вод, влияющей на состояние воздуха окрестной страны, на Байкале бывают особые, свойственные ему ветра: с мая по июнь в южной части озера дует баргузин, а с августа начинает дуть западный ветер, култук: северо-западный же ветер, сорма, отличаясь большой силой, поднимает на озере значительное волнение и создает большую опасность для плавания.

5. Растительность и животный мир

Распределение растительности и животных в Сибири находится в зависимости от форм ее поверхности (в том числе и почвы) и климатических условий.

Все побережье Ледовитого океана занято тундрой, с ее торфяной почвой, способной питать одни лишь мхи и лишайники. Столь же беден этот край и животными: жалкая растительность дает пищу северному оленю и зайцу; водится здесь также песец или полярная лисица. Из птиц в тундре обитают лишь немногие породы (кречет, белая сова, белая куропатка, гуси и утки), причем

каждая порода здесь необычайно размножа
ется. По берегам рек и морей северной по
лосы живет бобер, а в водах океана обита
ют киты, моржи, тюлени и котики, а п
островам—белые медведи.

Южнее тундры вдоль всей Сибири широ
кой полосой тянутся леса, питаемые песчано
глинистой почвой, которая к востоку от Ени
сея становится значительно тверже, приче
в Якутской области, по пологим скатам ре
ных долин, встречается и красноватый су
линок, удобный для земледелия Сибирски
лес-тайга (в Зап. Сибири—урман) состои
преимущественно из хвойных деревьев, при
чем господствующая на севере пихта, а
торфяно-болотистых местностях—кедр, че
далее к югу, тем более разбавляется елью
лиственницей и сосной, а также и лиственны
ми породами (береза, тополь, осина). К во
стоку от Енисея тайга становится суровее
недоступней: вместо обыкновенной сибирско
лиственницы, появляется даурская; на гора
и плоскогорьях растет кедровый сланец,
еще далее к югу господствует саянская пихта

Полоса тайги, лишенная травы, весьм
бедна животными, которые не находят здес
пищи. Поэтому животные тайги скучиваются
в сравнительно немногих, преимуществен
открытых местностях—по рекам и озерам, п
болотам и лесной опушке, и лишь в Якут
ской области, с ее сравнительно редкой тай
гой, животных становится больше и промыш

ленное значение их повышается (бурый медведь, дикий олень, белка, соболь, горностай, лесец, лисица разной масти и проч.).

За полосою тайги вдоль Зап. Сибири идет лесостепь, которая к югу переходит в необозримые степные пространства. Эта смена растительных поясов в Сибири зависит от характера почвы. Важнейшей по своему значению почвой Сибири является чернозем, залегающий в лесостепи почти сплошной полосой, которая с севера, по границе тайги, окаймляется серыми суглинками. Черноземная полоса Сибири, являющаяся прямым продолжением южно русской, на западе проходит по центральным и южным уездам Тобольской и Томской губерний и по северной части Акмолинской области (54—57° сев. шир.), тогда как в Вост. Сибири эна участками залегает только в южных уездах Енисейской и Иркутской губерний и Забайкальской области (49—57° сев. шир.). Сибирский чернозем отличается меньшей мощностью по сравнению с черноземом Европ. России, хотя и обладает общими свойствами с последним. Несмотря на это, население местного края, вследствие сухости и изменчивости климата, нередко терпит неудачи в своих земледельческих замыслах. Южнее черноземной полосы в Зап. Сибири залегают светло-бурые и глинистые почвы.

Сообразно такому характеру почвы, при переходе тайги в лесостепь к таежным хвой-

ным породам начинает все более примеш
ваться береза и осина. Луговые пространств
попадающиеся в лесостепи, постепенно пер
ходят в степь, удобную для кочевого скотово
ческого хозяйства; при этом чем южнее, т
луговые травы сибирской степи становят
свежее и сочнее, а цветы ярче. Этот характ
растительнссти изменяется только на Алт
и Саянах. Северную часть их нагорий зан
мает так называемая „чернь", т. е. густ
леса из пихты, ели и кедра, с примесью со
ны и березы. Выше в горах появляется со
на; ее сменяют лиственница и кедр, котор
подымаются до пределов лесной растител
ности. За лесами до полосы снегов раскину
ся ковер горных лугов, с яркой зеленью
разнообразной окраской цветов.

Забайкальские горы, а также Яблонов
и Становой хребты представляют собою
только климатическую, но и почвенно-раст
тельную границу: к северо-западу от нее го
подствует горная растительность Алтайск
Саянской области, к югу появляются разн
образные лиственные породы. Амурская д
лина отличается песчано-илистой почвой,
которой произрастают прекрасные луга,
только в одном месте (между р. р. Зеей
Буреей) здесь залегает довольно мощный сл
чернозема. В южной части соседней Примо
ской бласти (Уссурийский край) удобные по
вы встречаются только по речным долина
тогда как в северной части и на Камчат

господствуют болотистые почвы.

Растительность Приамурья и Уссурийского края отличается большим разнообразием. По склонам Яблонового хребта и отрогам Хинганов здесь растут хвойные деревья, но ближе к Амуру и морскому берегу начинаются густые и лиственные леса (ильм, дуб, даурская береза, яблоня, черемуха), перевитые лианами и диким виноградом и перемешанные с грецким орешником и пробковым деревом. Луговые травы отличаются необычайной свежестью, огромными листьями и обилием крупных ярких цветов. В северной части Приморского края восточно-сибирская тайга отступает от берега вглубь материка, оставляя здесь значительно более бедную растительность, состоящую из хвойных деревьев, травяных и кустарниковых зарослей.

Таким образом, наиболее удобные для земледелия и скотоводства почвы и особенно богатые растительностью местности расположены в южной и отчасти в средней Сибири. Неудивительно, что именно эти области края издавна стягивали к себе и наиболее культурное и густое население.

Животный мир юго-западной Сибири мало чем отличается от животного населения тайги; только на Алтае появляются некоторые новые животныя, свойственные горным местностям (марал, косуля, каменный козел, кабарга). Животныя Забайкалья и Амурско-Уссурийского края значительно разнятся от жи-

вотных северной и средней Сибири, так к
здесь смешаны алтайско-саянские виды ми
копитающих и птиц с монгольско-маньчжу
скими. Таким же смешением северных и ю
ных пород отличается и животный мир Охо
ско-Камчатской окраины.

Сибирь всегда изобиловала рыбами. Поч
во всех реках, впадающих в Ледовитый ок
ан, водятся рыбы из породы сиговых (нел
ма, муксун и проч.) и осетровых. В Аму
весьма богатом рыбой, встречается бел
огромных размеров (30—50 пуд. каждая
особый амурский осетр. В пресноводных о
рах Сибири водится так называемая мелк
рыба, а в алтайских озерах, кроме того, е
таймень и особый вид сельди Из животно
царства байкальских вод особенное вниман
обращает на себя особый вид тюленя,
вестный под названием „нерпа".

Таковы природные условия жизни в Си
ри. Значение их для сибирской истории
ределяется тем, что природа страны все
является той основой, на которой зиждит
хозяйственная, общественно-политическая
духовная жизнь населения. Создателем э
жизни является сам человек и от высо
его культуры зависит степень материальн
и духовного развития страны. Изучению в
этих вопросов, в приложении их к сибирс
истории, и посвящены дальнейшие страни
настоящего очерка.

Пособія: *К. Риттеръ*, Землевѣдѣніе Азіи. Пер. съ дополн. П. Семенова, изд. И. Рус. Геогр. Общ., т. т. I—III, Спб. 1856—1860.—*П. Семеновъ*, Географическо-статистическій словарь Россійской имперіи, т. т. I—V, Спб. 1873—1885.—*Россія*. Полное географическое описаніе нашего отечества. Изд. А. Ф. Девріена, подъ ред. В. П. Семенова-Тян-Шанскаго. Т. XVI—Западная Сибирь. Спб. 1907.—*Азіатская Россія*, т. т. I—III, съ приложеніемъ Атласа, изд. Переселенч. Управленія Главн. Управл. землеустр. и землед., Спб. 1914.—*П. М. Головачевъ*, Сибирь. Природа, люди, жизнь. Изд. 2-ое, испр. и дополн., М. 1905.

II. Древнейшее население Сибири[1].

. . . . миновались г
Столетия вслед проте
Народы сменили нар
Лицо изменилось зем
Гр. А. К. Толсто

События, близкие к нашему времени, редко представляются нам крупными и зн ными, тогда как более отдаленные и ухо щие в глубь веков утрачивают ясные оч тания и кажутся менее значительными. О бенно же неверное представление создае у нас о тех странах, которые всегда бы мало доступны для исторического исследо ния. Огромные периоды времени почти вершенно сглаживаются в нашем сознан и события, имевшие некогда решающее зн чение для всего человечества, восстанавл ваются теперь в крайне бледных и неясн очертаниях.

---

[1] Слово *Сибирь*, несмотря на то, что для объяснения исхождения его было предложено немало остроумных постро и поныне остается загадочным. Одни исследователи неуда пытались объяснить слово „Сибирь“ при помощи татарск языка („бир“—один, первый, главнейший; или же от глаг „сибирмак“—очищать); другие (напр., И.-Э. Фишер) столь безуспешно прибегали к монгольскому и финно-угорским язы наконец, третьи (напр., Шафарик, В. М. Флоринский) скло были видеть в этом названии искаженное русское слово „сев будто бы занесенное в северо-западную Азию русскими в X XIII в. в. Наоборот, по мнению Г. Н. Потанина, слово „Сиб занесено из Монголии и южной Сибири, где в народной по местных инородцев нередко встречается сказочная гора Сю Сымыр или Сумбыр, под которой обычно разумеется Поляр

Все эти соображения особенно приложимы к Сибири и средней Азии. На огромных равнинах этих стран уже в глубокой древности совершались величайшие события мировой истории. Одни народы сменялись здесь другими, как волны неспокойного моря; обширные и могущественные государства быстро возникали и разрушались, и на обломках их создавались новые. Людские волны нередко выходили из азиатских берегов: тогда, смывая на своем пути все препятствия, они затопляли Европу и производили здесь полнейший переворот в человеческих отношениях. И никогда еще, может быть, и нигде не было такой поразительной смены величия и падения народов, как в средней Азии и Сибири.

веда и вообще северные страны. (Сиб. Сборник. 1890 г., кн. I).

Едва-ли не ближе к истине объяснение, предложенное К. Паткановым. Основываясь на одном замечании Шафарика о хуннском народе *сабир* или *себер*, г. Патканов развил целую теорию о происхождении названия „Сибирь". Он обратил внимание на предания тобольских татар о народе *сисыр* или *сыбыр*, занимавшем места по среднему течению Иртыша раньше их; при-ем область распространения этого народа почти совпадала с историческими границами Сибирского ханства. Под влиянием неизвестных причин сыбыры покинули свою страну; зато в IV в. по Р. Х. в восточной Европе появилась народность, известная у античским писателям под названием *сабир* или *сувар*. Г. Патканов полагает, что „сыбыры" татарских преданий и „сабиры" античских писателей — это один и тот же народ, причем есть основания думать, что он принадлежал к финно-угорскому племени. Этот народ и дал имя стране, которую некогда населял. Во время покорения Сибирского ханства в XVI в. слово „Сибирь" меняет свое значение и приурочивается с одной стороны к древнему городу Искер, столице ханства, с другой — к обширной части сев. Азии, которой русские завладели путем завоевания. (Сиб. Сборник. 1891 г., кн. II). В последнем значении слово „Сибирь" употребляется и в настоящее время.

1. *Сибирь в доисторические времена и на заре истории*[1].

Человек в северной Азии был современником мамонта, который в послеледниковый период жил уже по всей Сибири. Климатические условия и растительный мир того времени были подобны современным природным условиям жизни в приполярных странах. Главными представителями животного мира были тогда мамонт, зубр, носорог, полинский северный олень и дикая лошадь; все они служили предметом охоты для первобытного человека. Мясо этих животных шло ему в пищу, а шкура служила одеждой. Из костей животных и особенно из кремня человек, путем грубой обработки, оббивки его, приготовлял для себя различные орудия—ножи, долота и скребки. И ограниченность в выборе материала для первобытных орудий, и несовершенство техники при выделке их дают основание археологам назвать то отдаленное время *веком палеолита.*

Остатки сибирского палеолита открыты археологами в нескольких местах—на берегах рр. Томи (близ Томска), Енисея (близ Красноярска), Ушаковки и Ангары (близ Иркутска). Во всех этих находках каменные и костяные орудия палеолитического человека

---

[1] При написании настоящего отдела II главы я пользовался некоторыми, еще не появлявшимися в печати, сведениями о сибирском палеолите и неолите, которыми любезно поделились со мною М. П. Овчинников и доцент Б. Э. Петри. Приношу за это глубокую благодарность.

перемешаны с костями мамонта и других сибирских животных, причем некоторые из этих костей носят на себе следы работы современного им человека, а одна кость, найденная на р. Ушаковке (в 1872 г.), даже срезана в виде долота. Костей самого палеолитического человека до сих пор еще не открыто. Судя по местоположению находок, палеолитический человек в Сибири любил селиться по берегам рек, близ впадения в них притоков. В окрестных лесах он охотился на животных, а вода доставляла ему рыбу.

Как велика была область распространения палеолитического человека в Сибири, современная наука не дает на это определенных указаний; можно лишь предполагать, что сравнительно благоприятные природные условия жизни в послеледниковую эпоху не исключали возможности появления человека по всей Сибири.

С изменением природных условий жизни и приближением их к условиям современным, изменился и образ жизни палеолитического человека. Века упорной борьбы за существование принесли ему знание окружающих явлений природы и уменье пользоваться ими. В этой длительной борьбе человек усовершенствовал свои костяные и каменные орудия, изобрел лук и стрелы, научился гончарному делу, вообще развил свои потребности, изощрил вкусы и приобрел известный навык удовлетворять их. Эту эпоху в жизни первобыт-

ного человека в науке принято называть *ко-*
ком неолита.

Остатки от неолитического человека най-
дены во многих местностях Сибири. Судя п-
этим находкам, он занимал в Сибири общир-
ную область, которая на юге включала Амур-
ский край, Забайкалье, западное побережь-
Байкала и верхнее течение Лены и Енисея;
а к северу занимала средние течения р. р. Ле-
ны, Олекмы[1], Ангары, Подкаменной Тунгуски
Томи, Тобола и Туры. Остатки неолита заклю-
чаются в разнообразных орудиях, оружии
предметах украшения, а также в костях че-
ловека и современных ему животных—собаки
изюбра, кабана, козули, медведя, волка, ли-
сицы и бобра.

Все орудия неолитического человека вы-
делывались из камня и кости, причем техни-
ка обработки их оказывается уже довольно
совершенной: она заключалась в мелкой об-
бивке и искусной шлифовке каменных ору-
дий. Материалом для них служили различны-
твердые породы (кремни, кремнистые и гли-
нистые сланцы, кварц, роговик и диорит) и
особенно нефрит, добывавшийся в нынешне-
Иркутской губ. и отчасти в Забайкалье и по-
лучивший в неолитическую эпоху широко
распространение не только в Азии, но и

---

[1] Находки неолита по среднему течению Лены и бли-
устья р. Олекмы (Якутск. обл.) сделаны в 1889 и 1892 г. г. си-
бирским археологом М. П. Овчинниковым. Ему же, как указыва-
лось выше (на стр. 18), принадлежат и очень важные находки
палеолита близ Иркутска.

восточной Европе. Каменные и костяные орудия неолитического человека были весьма разнообразны по назначению и по форме. Одни из них выделывались в виде топоров, долот, ножей, ступок и пестов и гарпунов или острог (из кости); другие служили человеку в качестве оружия (боевые топоры, наконечники стрел и копий самой разнообразной формы), третьи употреблялись при обработке шкур и изготовлении одежды (скребки. костяные и каменные иглы и шильца), и. наконец, четвертые служили для удовлетворения потребностей высшего порядка, т. е. были украшениями (расколотые клыки кабана, иногда покрытые красной краской, браслеты. ожерелья из клыков изюбра или резцов бобра). Неолитическому человеку известно было и гончарное искусство; и хотя он делал в этой области еще первые шаги, однако уже украшал свои гончарные изделия орнаментом (из ямочек и углублений, кружечков. полосок и елочек). Употребление металлов ему еще не было известно, по крайней мере в раннюю пору неолита.

Отношение неолитического человека к окружавшим его животным было самое враждебное: условиями жизни он был поставлен в необходимость вести с ними непрерывную борьбу, которая одновременно и изощряла его способности и силы и доставляла ему средства к существованию. Что касается домашних животных, то отсутствие костей их

при находках (за исключением собаки) застав
ляет думать, что неолитический человек по
видимому не умел приручать их или по край
ней мере пользоваться их услугами. Если па
леолитический человек был преимуществен
но охотником, то главным занятием люде
неолитического века было рыболовство, а под
собным—охота; что же касается земледели
и скотоводства, то они видимо еще не был
известны человеку.

Суровый климат Сибири налагал на нео
литического человека нелегкую заботу п
части устройства жилища. Лето он мог про
водить в шалаше из древесной коры и листь
ев, но зимой переселялся повидимому в на
рочно вырытые для этого землянки. Местс
для поселения он выбирал обычно берег
рек и острова. Несомненно, что тогдашни
человек уже знал употребление огня, хотя
неизвестно, каким способом он добывал его
Одежду свою как зимнюю, так и летнюю о
изготовлял из шкур убитых им животны
предварительно подвергая эти шкуры обра
ботке. Мирные занятия неолитического чело
века нарушались повидимому сравнительн
редко, и только вызванный нападением. о
выходил на защиту. Но вообще вся жизн
его, направляемая борьбою за существовани
была почти безпрерывным рядом лишени
тяжелого труда.

Археологические раскопки доставили на
также определенные данные о погребально

обычае и некоторых чертах верований неолитического человека в Сибири[1]. Умершего клали в яму, вырытую в песке, без гроба, непременно в лежачем положении, лицом кверху и с протянутыми вдоль тела руками; голова покойника направлялась на северо-восток или на юго-запад. Около трупа или даже на нем располагались в известном порядке все те вещи, которые были необходимы человеку при жизни: зидимо, погребавшие верили в загробную жизнь и в то, что она будет подобна земной; во время путешествия в загробный мир умерший. по их представлениям, нуждался в пище, которую иногда и ставили в горшке у изголовья. Все это посыпалось нетолстым слоем песку, смешанного с красной охрой, и затем яма наполнялась уже обыкновенным песком, из которого насыпался повидимому и могильный холм. Следы кострищ и глиняные черепки на могилах свидетельствуют о том, что забота об усопших не прекращалась с погребением их и что над покойником по временам совершались и поминальные жертвоприношения.

В таких чертах представляется теперь жизнь неолитического человека в Сибири.

К какой же расе или народности принадлежали люди, переживавшие в Сибири палеолитический или по крайней мере неолити-

[1] В 1881 г. Н. И. Витковский при впадении р. Китоя в Ангару, и в 1886 г. М. П. Сосновский в Глазковском предместье Иркутска вскрыли обширные неолитические кладбища, которые были тщательно раскопаны ими.

ческий век? По этому вопросу современная наука бессильна дать определенные указания; и только по черепам неолитического человека, к тому же найденным в очень ограниченном количестве, да по курганным раскопкам она делает некоторые общие наблюдения над сменой народов и рас в доисторической Сибири.

По окончании ледникового периода северную часть Азии и Европы заняли повидимому народы длинноголовой расы, которые, надо думать, еще не знали обработки металлов и употребляли каменные орудия; по роду же своих занятий они были охотниками и рыболовами.

В очень ранние времена во внутренней Азии образовалась короткоголовая раса, которая на протяжении ряда веков заселила обширные пространства этой части света и большую половину Европы. Короткоголовые принесли с собою на новые места начатки высшей культуры, которая основывалась на возделывании земли плугом и на скотоводстве; они знакомы были также с медью, бронзой и золотом и умели обрабатывать их. Главными средоточиями этой культуры в глубокой древности были Китай и Вавилон. Один из потоков той же расы в очень раннее время направился в Европу, другой сходный культурный поток достиг юга Сибири, где богатые медные копи на Алтае способствовали развитию в стране своеобразной

медной культуры. Появившись в Сибири, короткоголовые начали постепенно оттеснять длинноголовых к северу, причем сталкиваясь либо поглощали их, образуя при этом среднеголовую расу, либо оказывали на них культурное воздействие. Вслед за продвижением пришельцев, в Сибири стала распространяться и скотоводческо-земледельческая медная культура. В течение ряда веков она возобладала над варварским бытом длинноголовых рыболовов и охотников и положила конец каменному веку в южной Сибири.

Сведения о медной культуре короткоголовых (медный век) сообщают нам многочисленные памятники древности, разбросанные по южной Сибири и найденные здесь В. В. Радловым и другими археологами. По верхним течениям р. р. Енисея, Оби и Иртыша с их притоками, в степях Абаканской, Юсской и Киргизской, во многих долинах Алтая и северного Тарбагатая встречаются более или менее обширные кладбища с многочисленными могилами-курганами. Повидимому, народ, которому они принадлежали, жил в этих местностях продолжительное время. По своему наружному виду и внутреннему устройству могилы-курганы представляют большое разнообразие, объясняемое тем, что погребенные в них видимо принадлежали к различным общественным классам и что форма могил на протяжении многих столетий могла значительно измениться. Скелеты людей, на-

ходимые в этих могилах, неизменно обраще
ны головою на восток. Кроме них, в кур
ганах встречаются разнообразные предметы
литые из меди и бронзы и сделанные из зо
лота: это — разного рода оружие (кинжалы
наконечники стрел и копий), орудия (ножи
серпы, долота, топоры, молотки, иглы, шил
и буравчики), принадлежности домашнег
обихода (стремена, удила, котлы и глинян
ные горшки) и разнообразные украшения, н
лишенные известного изящества (сережки
браслеты, булавки, застежки, пуговицы, зерка
ла и металлические пластинки с изображе
нием охотничьих сцен и животных). Желез
ных изделий среди этих предметов не най
дено.

Алтай в древности, как и теперь, отличал
ся богатством меди и золота; поэтому есть
основание полагать, что короткоголовые
Сибири производили все названные предмет
на месте и притом из металлов, найденны
ими самими. Это соображение подтвержда
ся также и тем, что на Алтае находит
значительное количество заброшенных древ
них копей, которые местное население назы
вает „чудскими", ибо их некогда будто бы
разрабатывал какой-то народ, называвшийс
„чудью". Разрабатывая эти копи, древни
рудокопы обычно следовали за направлением
рудоносных жил. Для плавки медной и золо
той руды в разных местах Алтая и Саянски
гор имелись плавильные печи, следы кото

рых нередко встречаются еще и в настоящее время. Громадное количество заброшенных копей свидетельствует о значительном распространении горного дела у древних обитателей Сибири, а удивительная твердость некоторых медных ножей и кинжалов доказывает хорошее знание ими сплавных составов. Большинство литых предметов шлифовалось. Литье и отделка медных изделий большею частью были гладки и чисты, что указывает на значительное искусство древних мастеров. Украшения разных предметов часто обнаруживают у этого народа много вкуса: они или прямолинейны, или кругообразны, иногда выведены изогнутыми линиями и представляют подражание формам различных частей тела животных. Иногда же, впрочем, на медных предметах изображены змеи, головы птиц и животных, притом настолько жизненно и естественно, что невольно заставляют изумляться высокому искусству мастеров этого народа.

Многие из южно-сибирских могил-курганов имеют на себе большие камни с различными изображениями, которые выдолблены были посредством ударов каким-то острым орудием. Все эти изображения выведены везде одинаковым способом и представляют людей, животных деревья, месяц и солнце. Люди на них большею частью представлены пешими; изображения же всадников попадаются чрезвычайно редко. Какое значение имели все

эти изображения, неизвестно. Другие же ка
ни ставились на могилах в честь мертвы
Они были обделаны в виде статуй или „к
менных баб“ и изображали покойника то
стоячем, то в сидячем положении. Некот
рые из этих „каменных баб“ сделаны весь
искусно и черты лица покойного отличаю
ся большою выразительностью.

И развитие горного дела, и обширные кла
бища с курганами указывают на то, что н
род, которому они принадлежали, вел осе
лый образ жизни. Действительно, курганны
медные серпы и многочисленные следы ор
сительных каналов свидетельствуют о то
что народ этот занимался земледелием. Др
гим его занятием была охота: это доказыв
ют не то́лько изображения охотничьих сце
на камнях и металлических пластинках, но
различные украшения, имеющие форму зв
рей. Идя на зверя, они употребляли собак;
охотясь на дичь, выпускали по ней какую-
птицу, быть может сокола. Насколько у эт
го народа было развито скотоводство и к
кие у него водились домашние животные,
точности неизвестно.

Таким образом, короткоголовая раса, пр
шедшая в Сибирь на заре истории, стоя
на сравнительно высокой ступени культурн
го развития.

Современная наука пока не знает, како
именно народ создал медную культуру, н
когда распространенную в южной Сибир

Некоторые исследователи полагали, что все эти культурные остатки, издавна известные местному русскому населению под названием „чудских", принадлежали древним угро-финнам, когда-то обитавшим в южной Сибири (Эйхвальд, Попов и др.). Однако большинство ученых придерживается иного мнения о происхождении медного века в Сибири. Одни из них (К. Риттер, Н. А. Аристов и Г. Е. Грум-Гржимайло) полагают, что памятники этого века принадлежат древнейшему из известных народов южной Сибири, динлинам; другие исследователи (А. Кастрен, В. В Радлов, Д. А. Клеменц и др.) творцами медной культуры в Сибири считают хакасов (предков кыркызов).

Однако, ни одно из приведенных мнений не может быть принято при объяснении происхождения курганных древностей. Весьма сомнительно, чтобы медная культура в Сибири имела своими творцами угро-финнов, ибо ни в Финляндии и Лапландии, ни в северной России, издавна заселенной финскими племенами, подобных памятников не встречается. Остатки медного века в Сибири не могли принадлежать также ни динлинам, ни хакасам. По свидетельству китайских летописей, оба эти народа умели обрабатывать железо, т. е. достигли уже более высокой степени культуры, нежели неизвестные современники сибирских курганов. А между тем ни в одном из этих курганов среди предме-

тов медного века не найдено изделий из же
леза, что представлялось бы совсем неверо
ятным, еслибы могилы с остатками медно
культуры принадлежали динлинам или хака
сам. Таким образом, все попытки исследова
телей отожествить создателей медной куль
туры с каким-либо из исторически-известны
народов Сибири следует признать неудачны
ми, да и самый вопрос о возможности тако
го отожествления приходится отложить д
более благоприятного времени.

2. *События в средней Азии.*

Южная Сибирь с древнейших времен вхо
дила в состав различных кочевых государст
некогда существовавших в средней Азии. Та
ким образом древняя история Сибири нахо
дится в тесной зависимости от тех велики
перемен и переворотов, которые в течени
многих веков происходили в населении сре
не-азиатских степей. Это обстоятельство з
ставляет нас бросить общий взгляд на ев
отдаленное прошлое и выяснить отношени
его к народам Сибири.

Средняя Азия является самой континен
тальной страной на земле и занимает о
ширное и маловодное плоскогорье. Высоки
цепи гор окружают его со всех сторон и д
лают малодоступным для соседних стран
только на северо-западе страны долины р.
Или и Черного Иртыша открывают сравни
тельно удобный путь в юго-западную Сиби

и урало - каспийские степи, да на севере р. р Кем (Енисей) и Селенга дают возможность проникновения отсюда в Сибирь. Горные хребты, прорезывающие страну с запада на восток, делят ее на обширные области— Тибет, Вост. Туркестан и Монголию. Возвышенное положение средней Азии обусловливает даже в южных частях ее умеренный климат, который, как и характер поверхности, оказывает сильное влияние на местное население и его занятия. Огромная часть страны представляет удобную для скотоводства степь, которая некогда была обильна влагой и только впоследствии подверглась значительному высыханию. По северным и южным склонам центральных горных цепей в средней Азии залегают плодородные почвы, удобные для земледелия Однако преимущественным занятием населения страны с древнейших времен было кочевое скотоводство.

Общественные отношения у кочевников-скотоводов складываются в зависимости от природных условий и направления хозяйственной деятельности самого человека. Разводя стада, доставляющие главные средства к существованию, кочевник нуждается в известном участке пастбищ, на котором может кормиться его скот. И чем более этот участок отличается своими размерами и удобствами, тем более стада отдельных кочевников разрастаются, создавая в обществе имущественное неравенство. Для стад в разное

время года необходимы различные жизнен
ные условия: они и заставляют кочевник
иметь удобные зимние и летние становища,
отстоящие друг от друга на десятки и даж
сотни верст. Отсюда возникает необходимост
в течение года передвигаться с места н
место по довольно значительной площади
Во время таких переходов кочевник долже
защищать свои стада от враждебных напад
ний, а это возможно только при соединени
отдельных семей в более или менее крупны
общественные союзы. Самым мелким из ни
является аул, состоящий из соединения не
скольких семей. Но когда в целях самооб
роны и для защиты своих стад объединяет
несколько значительных аулов, такой сою
может быть назван родом; из нескольких р
родов с течением времени образуется племя
В зимнее время, когда стада требуют боле
тщательного надзора за собою, аулы и роды
живут вместе; зато летом они расходятс
по степи, хотя и не утрачивают при этом
сознания племенного единства. Внутри пле
мени имеются общие и частные интересы,
необходимость ограждения их естественн
приводит к созданию единой власти. Она со
средоточивается обычно в руках лица, кото
рое отличается от других своим происхожде
нием от могущественного и сильного рода.

Междуплеменные отношения и интересы с
временем приводят к образованию более зна
чительных общественных союзов—поколени

и народов. В недрах каждого из них имеется несколько семей, которые издавна принадлежали к господствующим родам, отличались богатством и потому пользовались влиянием на других. Такие семьи чаще всего и дают из себя представителей власти и являются для них естественной опорой.

Несмотря на взаимные интересы, способствующие образованию среди кочевников крупных общественных союзов, между отдельными племенами и поколениями идет непрерывная борьба из-за пастбищ и вообще преобладания в данной местности. Если при этом какое-либо племя или поколение одерживает верх, оно приобретает сильное влияние на других, и предводитель его нередко становится главой всего народа. Тогда единоплеменники его, пользуясь различными выгодами от его главенства, оказывают ему всяческое содействие. К ним постепенно присоединяются и другие племена, так как они надеются получить от господствующего племени или поколения наилучшее обеспечение своих интересов. Вследствие такого объединения, новообразовавшийся общественный союз кочевников получает необычайную наступательную силу. Собираются войска, которые с каждым новым успехом нарастают подобно лавинам. Побежденные племена, только что обобранные победителями, с готовностью вступают в эти войска: ведь усиливая собою могущество общего предводителя, они расчи-

тывают на новые победы и захваты, а вместе с тем и на собственное обогащение.

Если таким образом какому-либо отважному и выдающемуся предводителю того или иного племени удастся объединить несколько племен и поколений в одно политическое целое, он принимает титул *хана* или *кахана*, который признается всеми, кто только заинтересован в поддержании известного порядка в новосозданном государстве. Как скоро могло происходить соединение самых разнородных кочевых племен и народов, можно видеть на примере хотя бы турок-тугю (VII в.) и Чингиз-хана (XII—XIII в.в.), образовавших в течение немногих десятилетий обширнейшие державы из турецких, монгольских, тибетских, маньчжурских и иных племен и народов.

Устройство каждого нового кочевого государства было очень похоже на внутренний строй отдельного поколения или племени. Во главе государственного союза стоял хан или кахан; его родичи и приверженцы делались подчиненными ему ханами и предводителями подвластных им поколений и племен. Государства кочевников нередко достигали необычайного могущества и удивительной силы в распространении своих владений: таковы огромные государства хуннов и турок-тугю, такова и мировая держава монголов. Несмотря на это, и самые могущественные из государств средне-азиатских кочевников бесслед-

но исчезали, как только личность или род, создавшие их, переставали удерживать в своих руках государственную власть. В таком случае единый государственный союз племен и народов распадался и освободившиеся составные части его или начинали взаимные междоусобия, или же примыкали к какому-нибудь вновь возвысившемуся племени или поколению и образовывали новое государство. Самое название распавшегося государства скоро забывалось и его место заступало название нового государства, возникшего на развалинах прежнего. Только отдельные части великой державы Чингиз-хана просуществовали несколько дольше обыкновенного, так как в них вошли значительные государства оседлых культурных народов (Китай, Вост. Туркестан, Персия и др.) с более прочным, чем у кочевников, строем государственно-общественных отношений.

Таковы общие условия возникновения и падения великих кочевых государств, которые появлялись в средней Азии одно за другим на протяжении пятнадцати слишком столетий.

Древнейшим из известных нам государств была держава, созданная в нынешней Монголии *хуннами* (кит. сюн-ну, хун-ну), народом повидимому турецкого происхождения[1].

[1] Одни из исследователей (Сэн-Мартэн, П. Семенов-Тян-Шанский) считали хуннов народом финно-угорского происхождения, другие (Шмидт, о. Иакинф Бичурин, Нейман и Хоуорс) видели в них монголов, третьи (Ю. И. Венелин, Д. И. Иловайский и В. М. Флоринский) полагали, что хунны (собственно западная ветвь их, известная под названием гуннов) были славянами; но

В течение многих веков и с переменным ус
пехом они вели борьбу с Китаем. В середи
не III в. до Р. Х. хуннам удалось объединит
многие турецкие и тунгусские племена и со
дать могущественное государство, достигше
при хане Метэ (209—179 г. г.) наибольше
значения. При нем и его преемниках хуннска
держава подчиняет себе некоторые финно
угорские племена и динлинов в Сибири, ски
фов, белокурых усуней и тибетцев юэчжи
Туркестане и Зап. Монголии, тунгусские пле
мена на востоке, ставит в зависимость от се
бя Китай и таким образом распространяетс
от Великого океана и до Каспийского морх

До конца II в. до Р. Х. могущество хуннско
го государства держится непоколебимо, н
затем внутри него начинается разложени
Власть захватывают несколько враждующи
между собою ханов и государство в полов
I в. до Р. Х. распадается на два—северно
и южное. Проходит столетие, однако ни т
ни другое из них не может установить у се
бя прочного государственного порядка, и бну
реннее разложение продолжается. Сначал
распадается северное государство хунно
причем часть этого народа уходит на запа
и, всколыхнув по пути ряд племен и наро
дов, вызывает великое переселение народо
из Азии в Европу; потом разлагается и юж

большинство ученых (Аб. Ремюза, Клапрот, К. Риттер. Ф. Мю
лер, В. В. Радлов. Н. А. Аристов. Панов и нек. др.) призна
хуннов за турецкий народ.

ное государство, окончательно покоренное китайцами в III в. по Р. Х.

Одновременно с упадком хуннского государства начинается усиление тунгусов, его восточных соседей. Одно из тунгусских племен, *сянбийцы*, возвышается и постепенно отодвигает хуннов на запад. После падения же их державы, сянбийцы захватывают северный Китай и далеко на запад распространяют пределы своего государства (I—IV в. в. по Р. Х.).

В конце IV в. по Р. Х. сянбийцев сменили в средней Азии *жужане*, народ смешанного тунгусско-турецкого происхождения. Но постоянная борьба их с соседями и внутренние раздоры привели государство жужан к полному упадку, и в середине VI ст. оно окончательно пало под натиском турок-тугю. Значительная часть жужанского народа после этого, подобно хуннам, бежала на запад и стала известна здесь, кажется, под названием *аваров*.

Родина *турок тугю* находилась в северной части нынешней Монголии. Здесь они жили, занимаясь скотоводством, а также добыванием и обработкой металлов, и подчинялись жужанам, тогдашним властителям средней Азии. В половине VI в. турки-тугю свергли владычество жужан и в течение полустолетия покорили в средней Азии и Европе все страны от Великого океана до Черного моря, в том числе и южную Сибирь. На рубеже VI и VII

в. в. турецкое государство распадается на д
части—восточную и западную. Первая вско
же подчиняется Китаю; но, освободившись ч
рез столетие, она делается средоточием во
рождения нового турецкого государства у
в пределах нынешней Монголии Под предв
дительством своих знаменитых ханов (Ильт
рэс, Мочжо, Бильге[1] и Ижань) турки-ту
распространяют свои владения до западн
пределов современной Джунгарии. После эт
го турецкая держава, вследствие внутренни
смут, начинает клониться к упадку и в сер
дине VIII в. разрушается турецким же нар
дом, уйгурами, которые получают затем пр
обладание в средней Азии, где и образу
обширное государство.

Область первоначального распространени
уйгуров (кит. хой ху, хой хе) лежала меж
Алтайским нагорьем и Тянь-Шанем, в ни
нешней Джунгарии. Здесь издавна сущест
вали многочисленные города и прочно осе
шие народы; но политическая власть по бол
шей части находилась в руках кочевнико
которые наложили особый отпечаток на в
внешние и внутренние отношения в стран
Самым видным и сильным из кочевых нар
дов этой области были уйгуры. Северна
ветвь их, занимаясь охотой и скотоводство
не достигла высшей культуры, тогда как юж
ная постоянно соприкасалась с культурны

[1] Бильге-хану и его брату Кюль-Тегину и посвящены з
менитые орхонские надписи, открытые Н. М. Ядринцевым (
выше стр. 21—26).

народами, жившими в Вост. Туркестане (по
Тариму), и подверглась их сильному воз-
действию. В городах южных уйгуров развилась
замечательная смешанная культура, оказав-
шая значительное влияние как на народы
южной Сибири, так и на кочевников средней
Азии.

Главными противниками господства уйгу-
ров в средней Азии явились подвластные им
кыргызы, южно-сибирский народ смешанного
происхождения. В союзе с Китаем они нача-
ли борьбу против уйгуров и к половине IX в.
овладели значительной частью их обширного
государства. Но господство хакасов в средней
Азии было непродолжительно. На смену им
уже в начале X в. выступили *китаи* или *ки-
таны*, народ тунгусского происхождения. Ки-
тане распространили свое господство из ны-
нешней Маньчжурии на значительную часть
степного пространства средней Азии и вла-
дели ею до начала XII в., когда были вытес-
нены отсюда другим тунгусским народом,
чжурчжэнями или *маньчжурами* (кит. нюй-
чжи). Владение последних в конце XII в. бы-
ло уничтожено монголами, которые на раз-
валинах его основали новое мировое госу-
дарство.

Монголы или, как они сами себя называ-
ли, *татары*[1] делились на множество племен,

[1] Такое общеплеменное название монголы получили отто-
го, что в разное время над ними господствовали два монгольских
племени—монгу и татар.

и первоначальная родина их, по сведени
китайских летописцев, находилась по верх
му течению Ангары и ее левых прито
(Оки, Уды и Бирюсы). В III и IV в в. по Р
некоторые из их племен переходят Саяны и
селяются в северной Монголии или Хас
(по р.р. Орхону, Селенге, Онону и Кэрулек
Китайцы, по степени культурности монгол
различали среди них — белых, черных и
ких татар. Первые жили в южной Монго
и испытали на себе значительное влия
китайской цивилизации. Черные монголо
тары (ойраты или элюты, дженары и д
занимавшие большую часть нынешней М
голии, находились под воздействием зап
ных уйгуров и достигли известной степ
культуры: кроме скотоводства, они зани
лись также земледелием и строили горо
среди них было распространено отчасти хрис
анство несторианского толка. Что касается
ких или лесных монголов (тайджуты и др.),
они вели бродячую жизнь в лесах тепере
него Забайкалья и северо-восточной Мон
лии, причем занимались главным обра
охотой и придерживались древнего шам
ства.

С начала XII ст. монголо-татарская о
стала приобретать в Азии известность, и
стоятельства вполне благоприятствовали
политическому возвышению. В средней А
не было в то время ни одного сильного
сударства: в восточной части ее господст

:али маньчжуры, подчинившие себе и часть северного Китая; на западе могущество ха-:асов уже значительно ослабело, а уйгуры и :тдельные турецкие племена—найманы и ке-:аиты—бели независимое существование. Не-:оставало только средоточия, вокруг которо-:о могло бы начаться объединение всех мон-:ольских племен. Таким средоточием в конце XII—начале XIII в. в. и сделался Чингиз-хан : его приверженцами-соплеменниками

Чингиз хан (1155—1227) происходил с бе-ёгов р. Онона (сев.-вост. Монголия), где по-ления черных и диких монголов соприка-:ались между собою. Обладая выдающимися :пособностями и железной силой воли, он :коро подчинил себе кераитов и найманов, а :акже и некоторые монголо-татарские племена. За ними новому победителю добровольно под-:инились уйгуры, кидане, хакасы-кыркызы и ряд сибирских племен и народов. Покорив всю Монголию и южную Сибирь, Чингиз хан быстро овладел затем мусульманскими государ-:твами Туркестана и Ирана, и обратился про-:ив Индии, маньчжуров и Китая. Преемни-:и великого хана продолжали его дело: они :авладели Китаем и всей восточной Европой, :аспространив таким образом монгольское :осударство до пределов мировой державы[1].

---

[1] В государство Чингиз-хана и его преемников входили—Уссурийский и Амурский край, Забайкалье, Иркутская губ., южная половина Енисейской, Томской и Тобольской губерний; в Европе северная граница государства проходила приблизительно по 55 параллели и, захватив Поволжье и южно-русские степи,

В этих постоянных походах монголы п
восходно изучили военное дело, чем и с
скали себе славу непобедимых. Но, завое
вая непокорные племена и народы, монго
обычно предавали побежденных самой ж
кой участи: многие страны, под их страши
ми ударами, превратились в груды пепла
развалин, покрытые человеческими костями
политые кровью. Большая часть образов
ного Чингиз-ханом государства была зан
кочевниками, другая разорена его войска
Появление его в истории составляет вооб
важную эпоху в жизни народов Азии и
ропы. Древние народы переменяют места с
их прежних поселений: одни, теснимые д
гими, уходят дальше, иные истребляются
вымирают, как неспособные к жизни при
вых условиях. Воспринимая, под давлени
победителей, чуждый язык, нравы и куль
ру, народы средней Азии и Сибири пере
няют и свой внутренний облик, а смеш
ясь друг с другом, изменяются антропо
гически, хотя некоторые из них и сохра
ют в общем древний тип своих предков.

Под влиянием всех этих исторических бытий карта древнего мира значительно менилась. Монголы приобрели необычайн силу распространения, преимущественно северном и западном направлениях. К сев от Гобийской пустыни расположились кочев

достигала Черного моря, обняла Крым и Кавказ, затем М
Азию, часть передней и направлялась по Гималайским го
до северных пределов Сиама.

халхасцев или северных монголов, древнюю западную область уйгуров заняли джунгары (калмыки), а к югу от тех и других поселились потомки белых монголо-татар. В виду этого турецкие племена и народы, теснимые монгольскими кочевьями или же вынужденные войти в войска победителей, должны были оставить свои земли в Монголии и отодвинуться к северу и северо-западу. Значительная часть их, под чуждым им названием "татар", расселилась по юго-западной и западной Сибири, Уралу и Поволжью, отуречила издавна живших здесь финно угров и самоедов и отодвинула к северо-западу их и живших в южной Сибири хакасов-кыркызов; а одно турецкое племя—якуты (сака, саха), не когда обитавшее повидимому в Урянхайском крае и южном Прибайкалье, в XIII—XIV в. в. было вытеснено отсюда монголами и удалилось в Вост. Сибирь, заняв здесь среднее течение Лены и ее притоков. Появившееся в последующие века за Бакайлом бурятское поколение монголо-турецкого племени баргучин расселилось по обеим сторонам Байкала, подвергшись при этом смешению с тунгусами и особенно с халхасцами или северными монголами; восприняв же от последних язык и культуру, это поколение постепенно превратилось в современное племя монголо-бурят. Что касается различных турецких племен, которые продолжали оставаться в средней Азии и после времени Чингиз хана, то они или омон-

голились, или совершенно растворились в среде чуждого им народа.

Огромное государство монголов просуществовало немного более полустолетия и к 1260-х г. г. уже начало клониться к упадку. На распадение его повлияли не только разноплеменность состава и невозможность, на громадных расстояниях, сохранять прежнюю целость и единство. Гораздо более разрушительное действие оказывала на него разность культур, не поглощенных господством скотоводческого быта монгольских племен. Вот почему из отдельных областей Чингиз-хановой державы вскоре же после смерти ее основателя возникают национальные государства во главе с династиями монгольского происхождения. Путь распадения определялся тем, где был центр тяжести государства: так как он находился на востоке, то ранее всего должны были отпасть западные страны. Так и случилось.

В восточной части монгольского государства господствовала китайская культура. Поэтому внимание живших здесь великих ханов было отвлечено завоеванием южного Китая и нападениями на Японию, на западе же из иранских и турецких народов образовалось *Иранско-персидское государство*, во главе с монгольской династией Ильханов.

Одновременно с этим в Туркестане из союза турецких и монгольских племен возникло *государство Джагатайское*, получившее свое

азвание от одного из сыновей Чингиз-хана. В лучшую пору свою оно включало все земли, лежащие в арало-каспийской низменности, большую часть бассейна р. Тарима (в Вост. Туркестане). Государственное единство долгое время поддерживалось здесь господствующей религией, исламом; но отсутствие внешних врагов привело в конце концов к тому, что джагатайские монголы начали враждовать между собою из-за престолонаследия. Вследствие внутренних смут джагатайская династия в половине XIV в. была свергнута, а в конце следующего столетия здесь восторжествовала династия Чингиз-ханова внука, Шейбани-хана, имевшая потом огромное значение в исторических судьбах Зап. Сибири.

Пока в передней Азии и Туркестане создавались Иранское и Джагатайское владения, на крайнем северо-западе монгольской державы образовалось *Кипчакское государство* (впоследствии Золотая Орда), обнимавшее западно-сибирскую и восточно-европейскую низменности. Страны, вошедшие в состав этого владения, сначала были покорены частично старшим сыном Чингиз-хана, Джучи, потом при Батые (1226—1256 г. г.) окончательно подпали под власть монголов. Культурным центром Кипчакского государства в XIII и XIV в. в. являлся Крым с его издавна цветущими городами, которые имели постоянные и прочные сношения с Византией и странами южной Европы. Влияние высшей

европейской цивилизации сказалось на ки
чакских ханах и князьях в том, что многи
из них обнаруживали склонность к научны
интересам и проявляли полную религиозну
терпимость.

Внешняя история Кипчакского государст
или Золотой Орды переполнена постоянны
войнами ханов с южными и западными сос
дями, спорами из-за престолонаследия
внутренними смутами. В XIV ст. некогда в
ликое государство уже распалось на улу
Крымский, Ногайско-Астраханский и Каза
ский; в то же время за Уралом, в ишимск
степях, по берегам Иртыша и его притоко
(Ишима и Тобола с Турой) зарождается н
вое государство, ханство Сибирское.

3. Древнейшее население Сибири.

а) древнеазийцы.

По окончании ледникового периода Сибир
как мы видели, была заселена неизвестны
охотничьими племенами длинноголовой рас
переживавшими еще каменный век. Впосле
ствии с юга явились сюда короткоголовые
потеснили их к северу, отчасти же смешали
с ними, образовав при этом разноплеменну
среднеголовую расу. Пришельцы принесли
собою в Сибирь скотоводческо-земледельче
скую медную культуру, и в этом отношени
они сильно отличались от своих северных с
се ..i. Отделенные пространством и живя
менее благоприятных природных условия

длинноголовые охотники не могли вполне испытать на себе влияния высшей культуры. Земледелие в северной Сибири было почти невозможно, а обработка металлов требовала значительного опыта, какого еще не могло быть у полудиких охотников. Только некоторые отрасли искусства (напр., гончарное дело) случайно проникли на север; но в общем древние народы и племена Сибири или, как правильнее назвать их, *древнеазийцы* (иначе—палеазиаты или гиперборейцы) влачили довольно жалкое существование: охота, рыбная ловля да собирание ягод и орехов доставляли им главные средства к пропитанию.

Единственным домашним животным у древнеазийцев долгое время была собака. И прошло вероятно не одно столетие, пока они не открыли, что северного оленя можно приручать, подобно нашему рогатому скоту, можно употреблять его мясо и молоко и пользоваться его вьючною силой. Приручение оленя создало целую эпоху в жизни древнеазийцев. Это животное во многих отношениях заступило место собаки и, увеличив способность человека к передвижению, расширило вместе с тем и пределы его обитания на севере.

Кто были эти древнеазийцы, мы не знаем. Известно только, что смешение их с коротконоголовыми создало то племенное разнообразие, которое и в настоящее время замечается среди их позднейших потомков. К числу

последних исследователи не без основани
относят енисейских остяков[1], вместе с ро
ственными им аринами, коттами и ассанам
(вымершими еще в XVIII и XIX в.в.), и жи
вущих теперь на крайнем северо-востоке
востоке Сибири—юкагиров, чуванцев, камч
далов (или ительменов), коряков, чукчей[2], г
ляков и айнов[3].

Изучение быта всех этих племен и инь
сибирских народов позволило ученым восст
новить в общих чертах ту культуру, в кот
рой жили древнеазийцы. По мнению д-
Г. Шурца, она сложилась из двоякого ро
элементов: одни из них были присущи дли
ноголовым охотникам севера, еще употре
лявшим каменные орудия, тогда как друг
были принесены с юга более культурны
пришельцами, принадлежавшими к коротког
ловой расе.

Одним из наиболее заметных следов дре
неазийской культуры в Сибири является п
клонение медведю, связанное первоначаль
с воззрением, что духи умерших воплощаю
ся в это животное. В дальнейшем развити
медведь представляется уже божеством, х
зяином лесов, которому оказывают чрезви

---

[1] Енисейские остяки, кроме названия, не имеют ниче
общего с остяками финно-угорского происхождения, живущи
по р. Оби.

[2] Здесь разумеются чукчи оленные и береговые, а не
совые, принадлежащие более к племени эскимосов, чем чукч

[3] Некогда многочисленные, древнеазийцы считаются тепе
десятками тысяч: так, по переписи 1897 г. их было всего 32.0
чел. (мужчин и женщин).

найные почести даже тогда, когда его побеж-
дают или приносят в жертву. Такое покло-
нение медведю вполне сохранилось у айнов,
гиляков и енисейских остяков и довольно
сильно выступает в преданиях сибирских фин-
но-угров (остяков и вогулов).

Вторую особенность верований древнеазий-
цев составляет почитание некоторых таин-
ственных предметов, в первоначальный смысл
которых почти невозможно проникнуть. Сю-
да в особенности относятся шесты, палки
или деревья, обвешанные лоскутками, трава-
ми или ремешками. Так, камчадалы еще в
начале XVIII в. поклонялись, под видом па-
лочек, обвешанных травами, божеству Инаул,
причем травы изображали курчавые волосы
божества. Подобные же святыни изготовля-
ют айны и их южные соседи, японцы. У ми-
русинских татар и теперь еще в большом
ходу палочки с разноцветными лоскутьями, а
буряты почитают священными привески из
ремешков и лоскутьев. Даже у мадьяр еще в
исторические времена изготовлялись „деревья
с лоскутками“. Впрочем, в настоящее время
следы этого древнего обычая, по мере уда-
ления на запад, встречаются все реже и реже.

Не менее любопытной чертой духовной
культуры древнеазийцев является их вера в
подземный мир, который представлялся им
повидимому наподобие надземного. Суровый
климат Сибири едва-ли поощрял человека
искать загробной жизни в холодном север-

ном небе; скорее всего он направлял его вз
ры на землю, защищенную снежным покр
вом: здесь же находилась и его теплая зе
лянка, в которой он укрывался от холода с
бирской зимы. Однако, эту любопытную че
ту верований древнеазийцев проследить г
раздо труднее, так как вера в подземни
мир существовала и у южных народов, хо
мрачное подземное царство последних всег
противополагалось у них светлому жили
небожителей.

Немного известно нам и об общественн
строе древнеазийцев. Когда русские в XVII
встретились в северо-восточной Сибири с
отдаленными потомками, они не нашли у н
ни родовых князьков или выборных стар
шин, ни какой-либо общественной органи
ции; дикари знали только кровное родств
семью, как его естественное следствие. Ве
ма вероятно поэтому, что некогда и все др
неазийцы не имели никаких родовых связ
кроме уз семейного родства. Такое об
ственное состояние древнеазийцев лишало
возможности оказывать сопротивление вра
дебным нападениям, особенно если врага
их были люди более жизнеспособные, прит
стоявшие на высшей, сравнительно с ни
ступени культурного развития. Неудивител
поэтому, что древнеазийцы должны были
тупить другим народам большую часть св
прежней территории, а сами либо исчез
либо отодвинулись на крайний северо-вос

Сибири, где немногочисленные и вырождающиеся потомки их и теперь еще влачат полудикое существование.

б) финно-угры и самоеды.

Древнеазийцы отодвинулись к северо-востоку и востоку под давлением народов разного происхождения: то были финно-угры, самоеды, динлины и тунгусы, а еще позднее монголы и турки. Вытеснение древнеазийцев началось повидимому в весьма отдаленные времена и в течение столетий происходило то медленным, то ускоренным образом.

Один из ранних нажимов на них на юго-западе делают *финно-угры* и *самоеды*.

Вопрос о месте первоначального поселения финно угров был поднят учеными еще в XVIII в.; с тех пор он не переставал интересовать западно-европейских и русских исследователей, хотя до последнего времени еще не решен ими окончательно. По мнению одних ученых (Татищев, Болтин, Рычков, Миллер, Фишер и Шлецер), родина финно-угров находится к западу от Урала; по мнению других, прямо противоположному (ак. Лерберг, Лапрот, Карамзин, Кастрен, Соловьев, Н. А. Абрамов, Беляев, Оксенов), место первоначального поселения финно-угров лежит в зап. Сибири; наконец, третьи (Георги, ак. Гофман, Бушен, Европеус, Барсов, Замысловский, И. Н. Смирнов и др.) полагают, что некогда финно-угры занимали оба склона

Уральских гор, хотя и неодновременно: сн
чала они обитали в Вост. Европе, а пот
постепенно передвинулись в Сибирь. Одна
несмотря на кажущееся противоречие в эт
мнениях, между ними, как думается нам, н
существенного расхождения. В самом дел
все названные исследователи изучают дре
нейшую историю финно-угров, только учен
первых двух групп останавливают свое вн
мание преимущественно на двух начальн
периодах этой истории—азиатском и евр
пейском, тогда как исследователи треть
группы почти исключительно занимаются по
нейшей эпохой, т. е. временем обратного п
рехода некоторых финно-угорских племен
Европы снова в Азию. Такая именно посл
довательность событий в финно-угорской и
тории подтверждается отчасти тем, что о
бирские самоеды, как увидим ниже, назы
ют финно-угров своими южными (собств. юг
западными) соседями с древнейших врем
Под натиском их самоеды, жившие прежн
по среднему течению Оби и Иртыша, выну
дены были постепенно отойти вниз по О
на север Сибири, хотя восточная ветвь
и осталась на своем прежнем месте (Нары
ский край). Таким образом, финно-угры ж
ли видимо по левому берегу Иртыша, в н
нешних Киргизской и Ишимской степях. О
сюда многие из них (быть может, во вре
великого переселения народов, как дума
Клапрот) ушли за Уральские горы и заня

своими поселениями большую часть восточно-европейской равнины. Однако славяно-русская колонизация последней в X—XV в. в. постепенно отодвинула европейских финно-угров к северу и северо-востоку и заставила некоторые из их племен (напр., югру) перейти через Урал. Здесь, в Зап. Сибири, они вновь должны были встретиться со своими азиатскими соплеменниками, которые (как, напр., арьяхэ-остяки) к этому времени уже были потеснены к северу турецко-татарскими племенами.

К востоку и северо-востоку от азиатских финно-угров некогда обитали родственные им самоедские племена. Последние, как известно, живут теперь в северной части Западной и отчасти в Восточной Сибири[1] и считают себя коренными обитателями севера; но этому противоречат и их собственные предания, и некоторые исторические данные.

Вопрос о северном местоположении самоедов был поднят тоже в XVIII в. известными учеными—Ф. И. Страленбергом и ак. И. Э. Фишером. Первый из них высказывался за северное происхождение самоедских племен, тогда как второй считал более естественным предполагать, что они появились сначала в южной Сибири, а затем уже другими народами были оттеснены на берега Ледовитого моря, которые „иначе для ужасной стужи и совершенного неплодородия может быть вечно

[1] Самоеды живут также и в северо-восточной Европе.

остались бы в запустении“ (Сибир. ист., 7
Мнение Фишера о южном происхождении с
моедов было вполне принято и развито
Кастреном (Ethnologische Vorlesungen) и а
В. В. Радловым (Aus Sibirien), и с тех пор ст
ло общепринятым в науке. Оно основывало
на том соображении, что в северном Алт
и Присаянье и до сих пор еще живут неки
торые, теперь уже отуреченные самоедски
племена, напр., туба, карагасы, сагайцы, к
масинцы и др.; эти племена, по мнению Кастр
на и Радлова, являются остатками древних с
моедов, некогда населявших южную Сибир
Расселение самоедских племен на север пр
изошло, по этой теории, уже в сравнительн
позднее время и под давлением турецко-мо
гольских племен с юга, но дальнейшее дви
жение их в низовья Оби обусловливалос
повидимому отступлением пред финно-угра
которые отрезали самоедов от их южных с
родичей и заставили расселиться в прибреж
ной полосе Ледовитого моря.

Самоедская теория Фишера и Кастрен
привлекает к себе своей необычайной пр
стотой и естественностью. В самом дел
трудно допустить, чтобы берега Студеног
моря были прародиной самоедов; тогда ка
северный склон алтайских и саянских гор,
их плодородными предгорьями и удобны
степями, вполне могли быть местом первона
чального поселения самоедских племен.
между тем эта теория все-же не имеет з

собою неоспоримых данных, делающих ее безусловно приемлемой. Мы видели, что она основывается главным образом на наличии в северном Алтае и Присаянье ряда отуреченных, якобы самоедских племен (тубы, карагасов, сагайцев, камасинцев и др.). Но самоедское происхождение их является скорее ученым домыслом Кастрена и его последователей, чем результатом тщательного изучения этих народов в племенном и языковом отношениях. Вот почему, когда отдельные современные исследователи (напр., Н. Н. Козьмин) взялись за научное обследование приалтайских и присаянских инородцев т. н. самоедского происхождения, то оказалось, что одни из этих племен (напр , туба, моторское и койбальское поколения сагайцев) вовсе не могут быть причислены к самоедам, самоедское происхождение других (напр., карагасов) находится под сомнением, и только некоторые, сравнительно мало изученные, народцы (камасинцы и др.) попрежнему продолжают считаться самоедами. При таких обстоятельствах мнение Кастрена и его последователей о южном происхождении самоедских племен остается домыслом, который и сам еще нуждается в доказательстве.

Судя по самоедским преданиям и отчасти русским летописям, самоеды и финно-угры издревле были разделены на роды, из которых иногда образовывались союзы для самозащиты во время междоусобных распрей и

при нападении врагов. В течение нескольк
веков (до и после Р. Х.) самоеды жили видим
по среднему течению Иртыша и Оби, отку
их потеснили к северу финно-угры и динл
ны. Продвигаясь вниз по Оби, самоеды дол
ны были встретиться на своем пути с по
селениями древнеазийцев, которые они и от
двинули на восток. Однако и после этого, н
падения финно-угров на самоедов продолж
лись. В последовавшей борьбе немало кр
ви было пролито с обеих сторон; много ры
ных и звериных промышленных мест бы
пограблено у самоедов, много жен и дет
их захвачено финно-уграми. В такой кра
ности самоеды прекратили внутренние ме
доусобия, чтобы сплотиться против обще
врага; они стали собирать свои роды в од
ополчение и, избрав себе общеплеменно
князя, соединенными силами начали борьбу
финнами. С тех пор война стала удачнее дл
самоедов, хотя и не надолго. Финно-угорски
племена были отогнаны ими вверх по Иртыш
но вскоре же на самоедов с юга начали на
жимать какие-то народы, быть может хакасы
кыркызы, а из-за Урала—финно-угорские ж
народцы, югра, вогулы и печора. Этот нажи
с двух сторон вновь разрушил племенно
единство самоедов, которые были вынужден
отойти на север, к р. р. Сосьве и Казым
(притокам Оби), и подчиниться финно-уграм.

В XII—XIV в. в., в связи с событиями
средней Азии, в Западной Сибири происхо

ит ряд крупных передвижений племен и на-
одов. Турецко-татарские племена, вытеснен-
ые в Сибирь из средней Азии, сами потес-
или к северу живших здесь финно-угров,
том числе и племя остяков (арьяхо), и
одвинули их на востоке до р. р. Оби и Томи.
днако татарский нажим был настолько стре-
ительен, что остяки должны были отойти
ще далее на север и поселиться при устье
Иртыша; когда же враги настигли их и
десь, те покорились и стали платить им
нь соболями и оленьими шкурами: видимо,
это время у них уже было развито олене-
одство. Одновременно с остяками, татарам
одчинились и самоеды. Покоренные остяки
ссеялись по всем речкам, впадающим в Обь,
лоть до самой Обской губы, вследствие че-
самоеды отодвинулись еще далее на се-
р и распространили свои кочевья по бере-
м Студеного моря, от Печоры до Енисей-
ой губы. Из других племен Зап. Сибири
моедские предания и русские летописи упо-
инают о югре и вогулах, которые, разделен-
ые на роды, жили по обоим склонам Ураль-
их гор и довольно рано подчинились остякам.

в) динлины и хакасы.

В то время как финно-угры и самоеды от-
сняли древнеазийцев в северо-восточном
направлении, в южной Сибири образовались
падения *динлинов*, которых впоследствии
менили здесь *хакасы*.

Под именем *ди* или *динлины* древним
тайцам были известны различные белокур
и светлоглазые племена, которые веков
пятнадцать до Р. Х. обитали в южной ча
Гобийской пустыни и в долине Желтой ре
(Хуан-хе). В течение нескольких столети
с переменным успехом китайцы вели с ди
линами борьбу за обладание их территори
Быть может, под влиянием этой продолж
тельной борьбы, динлины в VII—VI в. в.
Р. Х. распались на множество поколени
живших независимо одно от другого. Весь
возможно, что тогда же и началось их пер
селение на север. Позднее, в IV в. до Р.
когда китайцы сильно потеснили динлинов
долины Желтой реки, одни из них напра
лись на юг, другие же пошли на север
Саяно-алтайскую горную страну. Потеснив
сюда финно-угров и обитавших к северо-вос
ку от них самоедов, они отодвинули к севе
поселения древнеазийцев и образовали в ю
ной Сибири свои владения. Одно из них,
падное, по сообщению китайских летопис
находилось между Уралом и Алтаем (по р.
Иртышу и Ишиму) и повидимому включа
некоторые из финно-угорских и самоедск
племен, тогда как другое, восточное, бы
расположено между Обью и Байкалом и им
ло своим средоточием верхнее течение Ен
сея. Таким образом, в IV и III в. до Р.
юго-западная и южная (предбай кая) С
бирь была занята владениями ди нов.

Дальнейшая история этого народа развивалась в зависимости от тех перемен, какие происходили в средней Азии.

Когда в III в. до Р. Х. здесь образовалось могущественное государство хуннов, восточные динлины подчинились им. Но уже $1^1/_2$ века спустя, когда хуннская держава стала клониться к упадку, они, в союзе с западными динлинами и сянбийцами, начали успешную борьбу со своими поработителями и сбросили их иго. Однако продолжительная борьба несколько ослабила самих динлинов; поэтому когда в I в. по Р. Х. в средней Азии на смену хуннам пришли сянбийцы, западные динлины не могли сопротивляться им и подчинились, но не надолго. Вскоре после этого динлины возрождаются и вновь становятся могущественным и воинственным народом, к которому соседи его относились с уважением. Приблизительно около этого времени восточные динлины на южных границах своего государства начинают смешиваться с неизвестным белокурым народом гянь-гунь и каким-то турецким племенем с Алтая. В начале II в. динлины, под давлением новых среднеазиатских властителей—жужанов, уходят куда-то на запад и с этого времени китайские историки перестают упоминать о них, вероятно потому, что этот народ уже утратил всякое политическое влияние на своих соседей. Что же касается динлинов, оставшихся в южной Сибири по уходе на запад боль-

шинства их единоплеменников, то они пон
димому сливаются с потомками хакасов, кы
кызами, или киргизами и навсегда исчезан
как самостоятельное племя.

По сведениям китайских летописцев, ди
лины были рослого телосложения и име
прямые высокие носы, русые волосы и гол
бые глаза. Внутренними качествами этот н
род заметно отличался от китайцев и ин
соседей. По словам китайских летописцев
динлины имели сердца тигров и волков
удивляли всех своим презрением к смер
решительностью и необычайною отвагой. О
были воинами от природы и вели борьбу р
ди самой борьбы. Дорожа личной свобод
они не выносили подчинения; поэтому бр
сали порабощенную родину и уходили ту
где был простор и не было угнетателей. Ди
лины распадались на множество мелких р
дов, под начальством независимых друг
друга предводителей, и собирались для отп
ра врагу только в редких случаях и на о
мое короткое время. Вот почему, несмотр
на все выдающиеся духовные качества ди
линов, китайцы, а впоследствии хунны, ся
бийцы и жужаны, сравнительно легко побе
дали их, ибо имели дело не со сплоченны
народом, а с отдельными разрозненными е
поколениями.

Второй отличительной особенностью ди
линов, выделявшей их из ряда других нар
дов, была их сравнительно высокая матер

ельная культура, на развитие которой несом-
енное влияние оказывали китайцы. В то вре-
я как северные динлины занимались охотой,
азводили скот и знали лишь начатки земле-
елия, некоторые из их южных поколений,
ольше других своих собратий жившие среди
итайцев, уже в глубокой древности были
орошо знакомы с земледелием и умели вы-
елывать вино. Они добывали металлы (же-
езо, золото и серебро), из которых изготов-
ляли оружие и выделывали воинское снаря-
жение. С незапамятных времен динлины уме-
ли строить деревянные дома, покрывая их
ревесной корой, камышом, бамбуком и проч.
они обладали искусством тесать камень и
ысекать из него различные изображения. По
видетельству китайцев, динлины любили ук-
рашать себя разноцветною одеждою и разны-
ми драгоценными предметами из золота, се-
ребра и самоцветных камней.

К восточному владению сибирских динли-
ов некоторые исследователи (напр., Н. А.
ристов) относят сообщения позднейших ки-
айских историков о „пегом“ (повидимому
ветловолосом) народе *по-ма*, обитавшем в
II в. по Р. Х. в южной и средней Сибири.
падения этого народа простирались до се-
рного моря на 50 дней пути и в течение
менее месяца можно было пройти их с
стока на запад. Наружностью по-ма похо-
ли на хакасов, но говорили другим языком.
они занимались охотой, рыболовством и зем-

леделием, жили в бревенчатых срубах, кры
тых березовой корою, и употребляли глиняные
ные и медные сосуды, а изредка и железо
которого у них было мало. По-ма имели 3
тыс. войска, часто враждовали со своими со
седями и делились на общины, управлявшие
ся независимыми друг от друга начальниками
То обстоятельство, что „пегий“ народ жи
в тех же местах, где некогда обитали и дин
лины, и что наружностью он походил на ха
касов, отличаясь от них только по языку,
образом жизни и занятиями—на динлинов,
все это заставило некоторых исследователей
признать, что пегие по-ма были прямыми
потомками динлинов.

Еще более поздними потомками сибирских
динлинов некоторые исследователи считают
аринов, ассанов, коттов и енисейских остя
ков[1]. Первые три народца вымерли еще
XVIII и отчасти XIX вв., последний же про
должает существовать и по настоящее время
И вот, изучая енисейских остяков, ученые
не раз пытались решить вопрос о происхож
дении и племенной принадлежности как их
самих, так и их предполагаемых предков
динлинов. Однако, за отсутствием определен
ных данных, они вынуждены были ограни
читься рядом предположений, взаимно иск
лючающих друг друга. Одни исследовател

[1] Мы видели выше (стр. 147—148), что енисейских остя
ков, аринов, коттов и ассанов повидимому гораздо больше осно
ваний считать потомками древнеазийцев вообще, а не динлинов
(мнение Л. Шренка и др.).

(Клапрот, Риттер, Грум-Гржимайло и др.) считали динлинов индо европейцами; другие (Кастрен) наоборот видели в них народ финно-угорского происхождения; третьи относили динлинов то к особому племени енисейцев (Радлов в 1880-х гг.), то к туркам (Терьен-де-ля-Купери и Радлов в 1890-х г. г.); четвертые (о. Иакинф) считали их монголами; наконец, пятые (Георгиевский) склонны были признать их за тунгусов. Но несмотря на это разногласие по вопросу о происхождении динлинов, все ученые отмечают их относительную культурность среди других обитателей древнейшей Сибири.

Вторым культурным народом древней Сибири были *хакасы*. Около времени Р. Хр. динлины в южных пределах своего государства стали перемешиваться с поколениями какого-то иного, тоже белокурого народа, известного китайцам под названием гянь-гунь. Затем с юга сюда стали проникать поколения какой-то турецкой (быть может, уйгурской) народности, которые, постоянно смешиваясь с гянь-гунями и динлинами, образовали, наконец, новый народ, хакасов (Клапрот).

Хакасы занимали сравнительно небольшую область по верхнему течению Енисея и по Алтаю: в длину она имела до 100 миль и в ширину до 50. На севере хакасы (до VI в.) соседили с динлинами, к югу их поселения доходили до гор Танну-ола, на западе и северо-западе от них жили повидимому финно-

угры и самоеды, а на востоке они распространялись до Предбайкалья, в южной части которого в то время обитало, надо думать, якутское племя (саха).

По наружности хакасы походили на динлинов, но говорили на турецком языке. Все они были высокого роста, со светлыми волосами, румяными лицами и голубыми глазами. Черные волосы были у них дурным признаком, а люди с карими глазами считались потомками китайцев. Мальчиков у них рождалось меньше, нежели девочек. Народ этот, по отзывам китайцев, был очень горд и стоек; храбрые хакасы татуировали себе руки. Общая численность их простиралась до нескольких сот тысяч человек, причем способных носить оружие у них считалось до 80.000 человек.

Политическая история хакасов тесно связана с теми великими переменами, которые в течение ряда веков происходили в средней Азии. По разрушении здесь хуннского государства этот народ последовательно подчинялся сянбийцам, жужанам, туркам-тугю и уйгурам. В первой половине IX в. хакасы начали борьбу с уйгурами за свое освобождение. Двадцать лет тянулась она и закончилась полной победой хакасов, которые заняли уйгурские города на Тянь-шанском предгорье и к середине IX в. овладели значительной частью обширного государства уйгуров. Однако хакасы господствовали в средней Азии

в течение одного только полустолетия. Их государь, сделавшись могущественным властелином, переехал со своим двором на р. Орхон, где и основал столицу новой державы; но уже ок. 870 г. он снова вернулся на прежнее свое стойбище по верхнему Енисею. Это перенесение столицы на север повело к менее бдительному наблюдению победителей за покоренными народами и имело крайне важные последствия для будущего хакасской державы. Удаленные от центра государственной жизни хакасов, подвластные им народы постепенно опять добились независимости, а в самом начале X в. китаи (кидане) быстро овладели всем обширным средне азиатским государством и возвратили хакасов в их прежние границы по верхнему Енисею. После этого история умалчивает о хакасах до времени Чингиз-хана, когда они около 1200 г. добровольно подчиняются монголо-татарам и становятся известны уже под новым именем— *кыркызов* (ки ли-ки-цзы или киргизы).

Сведений о государственно-общественном строе у хакасов сохранилось весьма немного. Государство их образовалось из союза нескольких поколений, и во главе его стоял государь, называвшийся *ажо* и носивший имя своего рода или дома. В IX в. ажо, гордый своими победами над уйгурами, принял титул *кахана* или хана. Постоянный стан ажо находился на Енисее и назывался Мидичжи; он был огражден палисадом и войлоч-

ные палатки его превосходили величиной жилища хакасских начальников. Последние делились на шесть разрядов—министры (7), главноначальствующие (3), управители (10), делоправители (15), предводители и даганы, причем чины первых четырех разрядов носили китайские титулы. Хакасское общество еще не вышедшее из родового строя отношений, в VII—IX вв. уже начало распадаться на богатых или знатных и на бедных или простой народ. Любопытно, что у хакасов были какие-то ясачные, обязанные платить им подать соболями и белками, которые водились в их стране в изобилии. Законы хакасов были суровы: виновные в замешательстве перед сражением, невыполнении должности посла и в неразумном совете государю подвергались у них отсечению головы. К такой же казни приговаривались и уличенные в воровстве, причем если вор имел отца, то голову казненного сына вешали ему на шею и он до смерти должен был носить ее на себе.

Условия исторической жизни хакасов поставили их в более или менее тесное соприкосновение с соседними и отдаленными народами—динлинами, уйгурами, турками-тугю, китайцами и арабами, которые оказывали на них разностороннее культурное влияние и до известной степени определяли их бытовую физиономию.

Хакасы вели оседлый образ жизни и занимались земледелием и скотоводством. Они

были знакомы с городскою жизнью; по сведениям китайцев, хакасы имели несколько городов—Гян-чжеу, Илан-чжеу и др. Подобно динлинам, хакасы строили себе бревенчатые жилища и покрывали их березовой корою; повидимому, они пользовались ими главным образом в зимнее время. Они возделывали рожь, просо, ячмень и пшеницу,—на второй месяц сеяли, на девятый жали. У хакасов были ручные мельницы. Из хлебных зерен они приготовляли хлеб и какой-то хмельной напиток. Главное же богатство их, как и соседних турок-тугю и уйгуров, состояло из рослых и сильных коней, верблюдов, коров и овец; богатые земледельцы водили их по нескольку тысяч голов. Страна хакасов была богата железом, золотом и оловом. Из железа они, подобно динлинам, ковали свое оружие, притом столь острое, что оно могло пронзить кожу носорога; железом же они платили дань туркам-тугю и уйгурам, когда силою обстоятельств вынуждены были подчиняться им. На войне хакасы употребляли лук, стрелы и знамена. Для предохранения себя от поранений, конница прикрывала руки и ноги деревянными щитками; такие же щитки накладывались и на плечи.

Около половины VII в. хакасы впервые завязали сношения с Китаем и с тех пор начали испытывать на себе его огромное культурное влияние. Чтобы привязать хакасов к себе и извлечь из них возможно большую поль-

зу, китайские богдоханы льстили честол
бию хакасских государей, которых они, возв
дя в китайское княжеское достоинство „фу
назначали в качестве командующих импер
торскими войсками и давали им почетны
должности богдоханских наместников в ки
тайских областях. Такими мерами китайско
правительство постепенно вводило хакасов в
круг своей политики и знакомило их с сво
ею образованностью.

В IX в. китайцы доставили хакасам клас
сические произведения своей литературы и
познакомили их со своим календарем. Одна
ко китайская письменность не могла при
виться у хакасов, так как они еще раньше
повидимому в VI в., заимствовали у своих юж
ных соседей, уйгуров письменные знаки, вполн
не пригодные для выражения звуковых осо
бенностей турецкого языка, на котором они
говорили. Знаками этой хакасской письмен
ности и были начертаны известные енисей
ские надписи.

Больший успех у хакасов имел китайский
календарь, но и он был принят ими в перераб
ботанном и сильно измененном виде. Десяти
тилетний круг китайского летосчисления по
служил для хакасов лишь образцом, на осно
ве которого они создали свой собственный
круг летосчисления, состоявший из 12 лет.
Каждый год китайского круга имел свой ус
ловный знак—иероглиф; хакасы же заменили
ти ничего незначущие иероглифы именами

ивотных, преимущественно домашних[1]. Этот акасский круг летосчисления из 12 живот-ных в настоящее время вошел в употребле-ие у многих восточно-азиатских народов.

Третье (после письменности и летосчисле-ия) великое культурное приобретение хака-ов заключалась в религии. Первоначально они приносили жертвы духам рек и трав и ели хвалебные песнопения огню, воздуху и оде. Их жрецов китайцы называли *гань;* но ля принесения жертв и возношения молитв них не было установлено определенного ремени. В таком религиозном состоянии ха-асы пребывали до IX в., когда, с распро-транением их державы, к ним, вместе с рабско-персидскими купцами и товарами, роникла и новая религия, ислам, которая озднее была принята значительной частью аселения хакасского государства.

Те же культурные влияния сказывались и бытовых особенностях хакасов.

Сообразно своим занятиям, они питались ебом, мясом и молоком, и только государь х употреблял в пищу мед и вареный рис, идимо привозимый из Китая. В одежде ха-асов отразилась динлинская любовь к раз-ообразию в цветах и к украшениям. Ажо-ахан зимою носил соболью шапку, а летом ляпу с золотым ободком, заостренным вер-ом и загнутыми полями; прочие носили бе-

[1] Вот эти животные—бык, заяц, лошадь, теленок, курица, бака, свинья, кошка, змея, тигр, обезьяна и дракон.

лые войлочные шляпы. Члены собственно
рода ажо-кахана одевались в красное плат
Богатые хакасы носили зимой собольи
рысьи шубы, простой же народ одевался в
чины и летом ходил с непокрытой голов
а зимой надевал меховые шапки. Все мужч
ны носили в ушах серьги. Женщины хака
ские делали себе платья из сукна, сарж
парчи и шелковых тканей, привозимых
Енисей арабскими и персидскими купцам
Музыкальные инструменты хакасов состоя
из флейты, бубна и еще каких-то двух ней
вестных китайцам приборов; они охотно см
трели на травлю зверей и канатную пляс
Их свадебные подарки состояли из лошад
и овец, которых богатые дарили сотня
После свадьбы хакасские женщины татуир
вали себе шею. При погребениях хакасы обе
тывали в три ряда (ткани? бересты?) тр
покойника и потом сжигали его, а кости
зарытия их в землю хранили у себя цел
год. Время от времени они приходили на м
гилы оплакивать своих покойников.

Динлины и хакасы оставили по себе след
в тех древностях железного века, которые
1860-х г.г. были найдены В. В. Радловым
юго-западной Сибири. Эти остатки заключ
ются в могильных курганах, разбросанных
южному Алтаю и Тарбагатаю, по Киргизско
степи и верхнему течению Енисея.

Исследованные Радловым могилы относят- к древнему и новому железному веку в йбири; они резко отличаются по наружности могил медного века и представляют боль- е и малые курганы, составленные из ма- ньких камней. В середине каждого кургана ходится продолговатая могильная яма, вы- тая в направлении с запада на восток. курганах древне-железного века в верх- х слоях земли, наполняющей яму, находят- обычно кости лошадей и овец, а ниже их положен скелет человека, лежащий на ине, с руками, прилегающими к телу, и с ловой, обращенной на запад или на восток. дя по сохранившимся кое-где остаткам жды, покойника сначала обкладывали сло- бересты и только потом надевали на не- платье. Как около скелетов животных, так рядом с костяком человека находятся пред- ты из золота, серебра, меди и железа. В которых могилах немного выше человека жит еще узелок с платьем, а в одной (в се льда) В. В. Радлову удалось найти плащ екрасной работы на собольем меху.

Что касается могил ново-железного века, збросанных по верхнему течению Енисея, все они составляют обширные кладбища, 60—80 курганов в каждом. Могилы кур- ны расположены большею частью парами, ичем один из парных курганов имеет круг- ю, а другой—продолговатую форму. Каждая ра бугров обычно составляет одну могилу.

В продолговатом на небольшой глубине о
ходится скелет человека, лежащий на сп
голова его обращена к западу и наклон
в сторону, руки прилегают к телу, при
большие пальцы протянуты вверх. Ни на
лете, ни возле него незаметно никаких
дов одежды или других предметов. В ка
лом кургане, относящемся к той же моги
ни разу не найдено костей человека;
то в нем находится оружие и разные дру
предметы, которые клались в могилу вме
с умершим. Здесь же встречается глинян
сосуд, вышиною около $^1/_4$ арш., с узкой ш
кою, обычно покрытый плоским камнем
него видимо наливался напиток, предназ
ченный для покойника. Затем в могилах
во-железного века обычно следует слой час
сожженных, частью целых костей животн
главным образом овец, редко лошадей и кр
ного рогатого скота. Среди этих костей
редко находятся железное оружие и орудия
лежащие без всякого порядка; попадают
также золотые и серебряные предметы и гл
чарные изделия.

Могильные древности дают довольно ясн
представление о культуре людей, остави
ших курганы. Уже с давних времен они зн
ли употребление меди и железа, а из благ
родных металлов — золота и серебра, прич
все эти металлы добывались и обрабатыв
лись ими на месте. Железо с самого же н
чала получило для этих людей большое зн

ние и совершенно вытеснило медь при из-
овлении оружия и орудий, требующих зна-
ельной твердости. Любопытно, что же-
ные изделия в древнейшую пору имели
ому прежних медных предметов. Желез-
е вещи из древних курганов сильно по-
адали от долгого лежания в земле, зато
здметы ново-железного века хорошо сохра-
нись. Большинство их сделано чрезвычай-
изящно, причем ножи выковывались из
ли превосходной закалки.

Древнейшие курганы заключают в себе са-
е разнообразные железные изделия, имев-
е различное назначение. Одни из них пред-
ставляют принадлежности верховой езды (уди-
стремена, седельные украшения) или до-
шнего обихода (огнива и чугунные котлы),
гие служили орудиями для домашних и
гледельческих работ (заступы, кирки, доло-
небольшие лопаты, буравы, топоры, сер-
и сохи), третьи употреблялись в качестве
жия (ножи, кинжалы, наконечники стрел
топий, мечи и панцыри), наконец четвер-
представляют собою украшения (пряжки
пластинки для пояса).

В то время как из дешевого и твердого
леза выделывались орудия и оружие, медь
треблялась только для изготовления укра-
ний (серьги, кольца, бисер, браслеты, ожe-
ья, ручные зеркала, поясные украшения,
енчики). Эти вещи обычно делались из
сной меди, притом очень чисто и изящно.

Кроме меди, для изготовления украше
употреблялся еще какой-то беловатый тя
дый металл. В могилах железного века вст
чаются также изделия из золота и сере
В древнейшее время золото употреблял
весьма своеобразно: из него делались тонк
кие пластинки, которыми обкладывались р
ки ножей и кинжалов, деревянные пугови
и конская сбруя. Позднее из золота ст
выделывать и массивные вещи, на что у
зывают изделия, находимые в курганах но
железного века (напр., сережки). Серебр
неизвестное народом медного века в Сиби
встречается в могилах железного века.
него изготовлялись украшения и домаш
утварь (пряжки, кольца и сосуды с ручка
в виде кувшинов).

Кроме металлических предметов, в мо
лах древне-железного века встречается так
немало вещей, сделанных из кости и дере
таковы наконечники стрел, пряжки, пласт
ки и статуетки. Особенного внимания из
заслуживают пластинки, на которых вырез
фигуры животных, резко отличающиеся
подобных же изображений медного века. В
время как последние выделялись естеств
ностью и живостью рисунка, изображе
животных на пластинках железного века пр
ставлены в весьма уродливом виде: так,
вотные, похожие на оленя или лошадь, и
бражались с головой, снабженной рогами
птичьим клювом.

Во всех курганах железного века встре-
аются глинянные сосуды, которые по своей
орме и выделке сильно отличаются от гон-
арных изделий медного века. Сосуды, нахо-
имые в древних могилах южного Алтая, сде-
аны из хорошо очищенной и обожженной
ины и имеют ровные тонкие стенки, по-
ытые дово́льно сложным орнаментом. Еще
учшей выделкой отличаются глинянные со-
ды ново-железного века. Они сделаны очень
исто из мелкой темносерой глины, имеют
ольшею частью стройные формы и обожже-
ы до того хорошо, что при ударе издают
истый металлический звук.

Но наиболее полное представление о куль-
ре железного века в Сибири дает одежда,
йденная В. В. Радловым в могильных кур-
нах и сохранившаяся потому, что находи-
сь или во льду, или в мерзлой, никогда
оттаивавшей земле.

Наилучше сохранившаяся одежда представ-
ет собою роскошный меховой плащ с очень
кими рукавами. Подбитый собольим мехом,
торый местами отлично сохранился, этот
лащ в верхней своей части составлен из
рностаевых мехов, сшитых со вкусом из
ямых и кругообразных полосок зеленого и
асного цвета. К зеленым полоскам приши-
деревянные пуговицы, обложенные золо-
м, а полоски, находящиеся между ними,
аймлены тоненькими ремешками, к кото-
м пришиты четырехугольные золотые ли-

сточки. Вокруг воротника и передней пол
нашита широкая полоса (4—5 вершков), с
стоящая из нескольких (14) рядов деревя
ных пуговиц, обложенных золотом. Такие
полосы, только с меньшим количеством п
говиц, нашиты на плечи, на нижний кр
платья и концы рукавов.

Другая, найденная Радловым, одежда о
личается несколько странным покроем и н
поминает современный фрак. Спереди—э
куртка без ворота, доходящая до пояса; сз
ди, около бедер, она переходит в полосу (
7 верш. ширины), доходящую до пяток. Оде
да эта подбита собольим мехом, а верх сд
лан из темной шелковой ткани. Края и шв
одежды обшиты кожаной полоской, к кот
рой прикреплены золотые пластинки. Так
же полоска нашита на спине и на груди ок
ло плеч.

Сохранился также нагрудник, имеющий фо
му трапеции, окаймленной кожаной полоско
с нашитыми на ней золотыми пластинка
Подкладка его сделана из собольего меха,
верх из шелковой ткани. Нагрудник прив
зывался к шее и поясу тесемками.

Как плащ, так и одежда-фрак с нагрудн
ком найдены В. В. Радловым в одной моги
ле и являются, по его мнению, принадлеж
ностью мужской одежды. В другой могиле о
нашел полуистлевшие остатки овчинной ш
бы, среди которых находилось несколько хо
рошо сохранившихся кусков от штанов, сд

нных из шерстяной (верблюжьей) ткани. Су-
по нижнему краю штанины, разрезанному
мелко стеганому, штаны засовывались в
поги. В. В. Радлову удалось найти в одной
гиле и войлочный сапог, со стеганой, не
ень толстой, войлочной подошвою; верхний
ай голенища на $1^1/_2$—2 четверти загнут
ружу.

Остатков женской одежды, к сожалению, не
хранилось. Только в двух женских моги-
х около шеи скелетов были найдены следы
ких воротников из довольно тонкой ткани,
нашитыми на них небольшими медными
астинками.

Таково богатое содержимое могильных кур-
нов железного века.

Каким же народам принадлежали эти кур-
ны? Местное инородческое население на-
вает могилы железного века киргизскими,
гда как В. В. Радлов древнейшие из них
итает хакасскими, а новые, согласно мест-
им преданиям, приписывает киргизам. Одна-
оба эти мнения находятся в известном про-
воречии с обычаями людей железного века,
хоронивших своих покойников, как мы виде-
, то в одиночных, то в двойных курганах.
самом деле, если эти люди были киргиза-
, то трудно понять, почему у них суще-
вовали различные способы погребения; если
древнейшие курганы принадлежали хака-
м, а новые — их прямым потомкам, кирги-
м, то все-таки остается неясным, каким

образом у предков применялся один спосо
погребения, а у потомков их — другой. При
ходится допустить, что курганы железного
века в Сибири принадлежали двум родствен
ным в культурном отношении народам, дин
линам и хакасам, причем первые оставили
нам древнейшие могилы, тогда как от вто
рых сохранились курганы более новые. Пра
да, до нас не дошло известий о погребаль
ных обычаях сибирских динлинов, но во
черты их материального быта находятся
соответствии с культурными особенностями
людей древне-железного века.

Сравнение динлинской и хакасской куль
тур с бытом курганного населения железно
го века вполне подтверждает наше предпо
ложение. Мы видели, что оба народа, наряд
с медью и благородными металлами, знали
также употребление железа, а хакасы, кроме
того, умели даже хорошо обрабатывать его
на той же ступени культурного развития на
ходилось и курганное население железного
века. Динлины и хакасы, одновременно с охо
той, занимались скотоводством и земледе
лием; эти же занятия лежали в основе хо
зяйственного быта и носителей железно
культуры в Сибири. Оба народа любили укра
шать себя богатыми одеждами, на приготов
ление которых хакасы употребляли шелковы
и шерстяные ткани, привозимые к ним ино
земными купцами. Курганные раскопки В. В
Радлова, доставившие нам удивительную по

расоте и своеобразию одежду, вполне под-
верждают эту любопытную черту динлинско-
касского быта. Только одна особенность
огребальных обычаев курганного населения
соответствует способу погребения умер-
ших, существовавшему у хакасов. По сведе-
ниям китайских писателей, хакасы сжигали
окойников и сожженные кости их через год
рывали в землю: между тем, по свидетель-
ству В. В. Радлова, в Сибири совсем не
стречается могил, наполненных сожженными
ловеческими костями. Поэтому Радлов до
скает ошибку в сообщении китайских пи-
телей о погребальных обычаях хакасов и
сьма правдоподобно исправляет ее. По его
нению сначала покойника хоронили без его
щей, причем повидимому сжигали в честь
о жертвенных животных, на что указыва-
сожженные кости овец, нередко находи-
ые в новейших курганах. Затем, по про-
ствии года, родственники устраивали пир
жертвоприношение и зарыв в землю вещи
ершего, совершенно заборасывали могилу,
д которой при позднейших поминках воз-
дился курган. Принятие этой поправки В. В.
длова устраняет последние сомнения в то-
стве динлинов и хакасов с курганными
дьми сибирского железного века.

г) тунгусы и якуты.

В то время как в юго-западной и южной
бири древнеазийцы отходили на север под

давлением финно-угров, самоедов и динли
нов, в восточной Сибири они вынуждены бы
ли отступить перед *тунгусами*.

Родиной тунгусского племени считает
область, обнимающая северную Маньчжури
и южное Приамурье, где многочисленные пл
коления этого племени с незапамятных вр
мен находились в постоянных сношениях
столкновениях с Кореей и разноплем
менными кочевниками Монголии. Китайски
летописцы знали тунгусов за несколько веко
до Р. Х. под именем Су-шень и изображали
их то звероловами-охотниками, жившими
пещерах, то носителями скотоводческой и зем
ледельческой культуры. Постоянная борьба
соседями создала из тунгусов воинственно
племя, состоявшее из нескольких междуродо
вых союзов.

Столкновения с внешними врагами и внут
ренние междоусобия довольно рано привел
тунгусов к выселению в соседние страны
Так, вероятно еще в первые века по Р. Х
началось их продвижение на север, куда пе
реселенцы направлялись по течению р р. Ви
тима и Олекмы, связывающих бассейны Ле
ны и Амура сравнительно удобными путями
сообщения. В Приленском крае тунгусы встре
тили древнеазийцев; с одними из них при
шельцы смешались[1], других же оттеснили н

[1] Следствием этого смешения с древнеазийцами явилас
по мнению И. И. Майнова, двойственность физического типа с
временных тунгусов. Северные тунгусы, живущие за Леной, о
личаются низким ростом, среднеголовостью, умеренной скул

острова и полуострова Великого океана, на крайний северо-восток Сибири и даже в Приамурье. Как далеко тунгусы расселились в новозанятой ими стране, в точности неизвестно. Можно лишь предполагать, что уже в то отдаленное время они занимали верхнее и отчасти среднее течение Лены и жили по ее южным притокам—Витиму и Олекме. Главным занятием их видимо были охота и рыболовство, и лишь позднее к ним присоединилось оленеводство. Удовлетворение своих религиозных потребностей они находили в шаманстве. Разделенные на роды и поколения, сибирские тунгусы жили разбросанно, не составляя какого-либо общественного союза или государства. Неудивительно поэтому, что впоследствии они не смогли выдержать борьбу с якутами, пришедшими сюда из Прибайкалья.

С уходом в Приленский край северной ветви тунгусов, передвижения племен и народов не прекратились ни в Амурском крае, ни в северной Маньчжурии. BVII—VIII ст. по Р. Х. тунгусско-маньчжурские поколения моэ из Приамурья образовали в нынешнем Уссурийском крае и соседних с ним областях

ностью и дымчато желтоватым цветом лица, тогда как тунгусы южные, обитающие по р. р. Витиму и Олекме, имеют довольно хороший средний рост и отличаются умеренной короткоголовостью, смуглым цветом лица при довольно белой коже на защищенных частях тела, почти прямым разрезом глаз и весьма значительной скуластостью. Цвет волос у всех тунгусов без исключения черный, цвет глаз—темнокарий. На основании наблюдений над физическим типом тунгусов, Маинов пришел к отрицательному заключению по вопросу о принадлежности их к монголам.

могущественное Поморское государство (Б
хай-го), которое просуществовало два с
летия. Когда в начале X в из Маньчжур
вышла на юго-запад воинственная тунгусск
маньчжурская орда китаев (киданей), Помо
ское государство пало, а бывшая территор
его, со включением сюда и Приамурья, г
степенно вошла в состав владений амурск
мохэ Два столетия спустя за китаями пос
довали отсюда на юг чжурчжени или мань
журы, основавшие свое государство, котор
обнимало восточную часть средней Азии
юго-восточную Сибирь. Маньчжуры были
то время довольно культурным народом: кр
ме скотоводства и земледелия, они знали е
горное дело, следы которого, в виде заб
шенных рудников и плавилен, и до сих п
еще сохранились в Даурии (верховья Амур
Выселение на юг этих двух тунгусско-ман
чжурских племен должно было всколыхну
все южное население Амурского края. Не
средственно следовавшее затем движение мо
голов, начавшееся с верховьев Амура, выз
ло среди народов средней Азии и южной С
бири ряд новых движений, которые отраз
лись и на разноплеменном тунгусско-ман
чжурском населении Приамурья.

Под влиянием этих переворотов и перео
лений, монголо-буряты, жившие прежде
Забайкалье, двинулись на запад Пройдя
южному берегу Байкала, они столкнулись
кочевым турецким племенем саха-якутов, к

торое с давних пор видимо обитало в южном Прибайкалье и Урянхайском крае. Якуты не могли вынести соседства с пришельцами. Отступая перед ними (XIII или XIV в в.), якуты спустились в долину Лены и стали распространяться по ней к северу. Здесь они в свою очередь встретились с многочисленными тунгусскими племенами, которые, не желая впускать к себе чужеземцев, оказали им упорное сопротивление. Еще в позапрошлом столетии среди сибирских тунгусов было свежо предание о многочисленных кровавых сражениях их с якутами: самое жестокое из них произошло недалеко от впадения р. Патомы в Лену[1] и было проиграно тунгусами (Фишер)[2]. Кочевники Якуты двигались на север сплоченными ордами, с кибитками и скотом, и потому всюду одерживали верх над храбрым, но разрозненным противником. Добравшись до Ленско-Амгинского плоскогорья, якуты надолго остановились здесь, причем удобные для скотоводства места по Лене дали им возможность вырости в многочисленный и сильный народ. Пришельцы отлично приспособились к новому краю и стали заниматься в нем скотоводством; якутский скот также приспособился к новым условиям и со временем до-

---

[1] Р. Патома впадает в Лену между Витимом и Олекмою.

[2] «Еще доныне,—говорит Фишер,—между сими обеими народами есть великое неприятельство, и случается иногда, что когда тунгусы около рек Витима, Патомы и Олекмы застанут якутов на зверином промысле, то доходит между ими до сильных сшибок» (Сиб. ист., 68).

ставил своим хозяевам несравненно болс прочную основу существования, чем северни олень некоторым из тунгусских племен.

Не выдержав неравной борьбы с якутам тунгусы уступили им свою землю, а сам постепенно начали распространяться по о ширным пространствам Вост. Сибири. Од часть их вероятно еще в XIV в. двинулас на запад и дошла до берегов Енисея; друга вынуждена была удалиться на крайний сев и поселиться на побережье Ледовитого мор некоторые тунгусские племена потянулись о востоку и осели здесь по правым притока Лены, вдоль Станового хребта и по берега Охотского моря, иные же направились в Пр амурье, где и встретились с родственны отраслями южной ветви тунгусского племен

Таким образом, в результате всех описан ных выше перемещений сибирского населе ния, к XIII—XIV векам в стране установилос следующее распределение племен и народов

Древнеазийцы, некогда занимавшие про странство от Урала до Великого океана, от теснены были на крайний северо-восток Си бири; и только сравнительно небольшая част их осталась по среднему течению Енисея великоокеанскому побережью.

Западная Сибирь, после целого ряда войн и переворотов, занята была самоедами, фин но-уграми и турко-татарами, причем первы

зместились к северу и северо востоку, вто-
ые расселились по восточному склону Урала
в средней части западно-сибирской низмен-
ости, а третьи заняли к югу степные про-
транства.

Юго-западная и южная Сибирь осталась во
падении хакасов-кыркызов, некоторых турец-
о-татарских народов и неизвестных нам оту-
ченных племен. Оба берега Байкала оказа-
лись заняты монголо-бурятами. Что же ка-
ается восточного Забайкалья и Амурского
бая, то здесь расселились многочисленные
родцы тунгусско-маньчжурского племени.

Большую часть Восточной Сибири заняли
своими редкими поселениями тунгусы, а в
ом центре их, по среднему течению Лены,
репко засело турецкое племя якутов

Итак, разноплеменное население древней
ибири в XIII—XIV в.в. распределялось в об-
ем так же, как оно жило и в позднейшую
ру, пред временем русского владычества в
стране.

Источники: *О. Накинф* (*Бичурин*), Собраніе свѣдѣній (или Исторія) о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи въ древнія времена. Ч. ч. I—III, Спб. 1851.—*В. М. Мелиоранскій*, Памятникъ въ честь Кюль-Тегина. Введеніе, транскрипція и переводъ надписей, примѣчанія. (Съ двумя таблицами надписей). (Записки Вост. Отд. И. Рус. Геогр. Общ., т. XII, вып. II и III) Спб. 1899.—*Рашид-Эддин*. Исторія монголовъ. Исторія Чингизъ-хана. Рус. перев. с прим. И. Н. Березина. Спб. 1888.

Пособия: *П. А. Абрамов*, Описаніе Берс
скаго края (Зап. И. Рус. Геогр. Общ. за 185
кн. XII; также отд.) Спб. 1857.—*Д. Н. Ан*
Къ исторіи ознакомленія съ Сибирью до Ер
Древнее русское сказаніе „О человѣцѣхъ нем
мыхъ въ восточной странѣ". Археолого-этно
фическій этюдъ. (Древности Моск. Археолог. О
т. XIV) М. 1890.—*П. А. Аристов*, Замѣтки
этническомъ составѣ тюркскихъ племенъ и нар
ностей и свѣдѣнія объ ихъ численности (Ж
Старина 1896 г., вып. III и IV, и отд.), Спб. 1
[Отзыв В. В. Бартольда об этой книге напи
тан в Зап. Вост. Отд. И. Рус. Археолог. О
т XI].—*В. В. Бартольд*, Новыя изслѣдов
объ орхонскихъ надписяхъ (Ж. М. Н. Пр. 189
ч. CCCXXV, окт.).—*Он-же*, Образованіе имп
Чингизъ-хана (Зап. Вост. Отд. И. Рус. Арх
Общ., т. X). Спб 1897.—E. Breitshneider, M
on chinese mediaeval travellers to the west, Shan
1875.—*В. П. Васильев*, Исторія и древности
сточной части Средней Азіи отъ X до XIII в
съ приложеніемъ перевода китайскихъ извѣст
Киданяхъ, Джуржитахъ и Монголо-Татарахъ (
ды Вост. Отд И. Археол. Общ., ч. IV, вып
Спб. 1857.—*Он-же*, Свѣдѣнія о маньчжурах
времена династій Юань и Минъ, Спб. 186
H. H. Howorth, History of the Mongols from
9-th to the 19-th Century. Part I, Lond. 187
В. В. Григорьев, О скиѳскомъ народѣ Сак
Историческая монографія, написанная къ 25-л
нему юбилею И. Рус. Археол. Общ., Спб. 187
Г. Е. Грум-Гржимайло, Описаніе путешествія
Западный Китай, т. т. I—III, изд. И Рус. Гео
Общ. Спб. 1896—1907.—*Он-же*, Бѣлокурая р
въ Средней Азіи (Сборникъ въ честь семидеся
лѣтія Г. Н. Потанина—Зап. И. Рус. Геогр. О
по Отд. этнографіи, т. XXXIV, Спб. 1909
К. А. Иностранцев, Хунъ-ну и Гунны. (Биб

графическій обзоръ теорій о происхожденіи народа Хунъ-ну китайскихъ лѣтописей, о происхожденіи европейскихъ Гунновъ и о взаимныхъ отношеніяхъ этихъ двухъ народовъ) (Живая Стар 1900 г., вып. III и IV).—L. Cahun, Introduction à l'histoire de l'Asie. Turcs et Mongols des origines á 1405. Paris 1896. [Отзыв В. В. Бартольда об этой книге напечатан в Ж. М. Н. Пр. 1896 г., ч. CCCV, июнь] —A. Castren, Ethnologische Vorlesungen über die altaischen Volker nebst samojedischen Märchen und tartarischen Heldensagen, St. Pet. 1857.—J. Klaproth, Mémoires relatifs á l'Asie, contenant des recherches historiques, géographiques et philologiques sur les peuples de l'Orient, Paris MDCCCXXIV.—*Он-же*, Tableaux historiques de l'Asie, depuis la monarchie de Cyrus jusqu'à nos jours, accompagnés de recherches historiques et éthnographiques sur cette partie du monde, Paris MDCCCXXVI.—*Д. А. Клеменцъ*, Древности Минусинскаго Музея. Памятники металлическихъ эпохъ. Изд. И. Кузнецова, Томск 1886.—*Н. Н. Козьминъ*, Источники для изученія исторіи Минусинскаго края (Сиб. Записки 1917 г., № 3, май).—*Он-же*, Д. А. Клеменцъ и историко-этнографическія изслѣдованія въ Минусинскомъ краѣ (Изв. Вост.-Сиб. Отд. И. Рус. Геогр. Общ. 1916 г., т. XLV, посвящ. памяти Д. А. Клеменца).—*Он-же*, Туба. Историко-этнографическій очеркъ (Сиб. Записки 1918 г., № 4).—*Кн. Н. Костровъ*, Обзоръ этнографическихъ свѣдѣній о самоѣдскихъ племенахъ, обитающихъ въ Сибири. Спб. 1879.—*Ю. П. Кушелевскій*, Сѣверный полюсъ и земля Ямалъ. Путевыя замѣтки, Спб. 1868.—*Н. Н. Майновъ*, Нѣкоторыя данныя о тунгусахъ Якутскаго края (Труды Вост.-Сиб. Отд. И. Рус. Геогр. Общ. № 2). Ирк. 1893.—*Н. М. Мелиоранскій*, Объ орхонскихъ и енисейскихъ надгробныхъ памятникахъ съ надписями (Ж. М. Н. Пр. 1898 г., ч. CCCXVII, июнь).—*В. А. Па-*

нов, Къ исторіи народовъ Средней Азіи. I Сю
ну (Хунну). Турецкое происхожденіе народа Сю
ну (Хунну) китайскихъ лѣтописей. Изд. А.
Даттана, Владивостокъ 1916.—S. Patkanov, E
d'une statistique et d'une géographie des peu
palaeasiatiques de la Siberie d'après les données
recensement de 1897, St. Petersb. 1903.—*Н.
Попов*, Краткій историческій обзоръ различны
родовъ фонетическаго письма у народовъ Съ
ной и Средней Азіи (Изв. Сиб. Отд. И. Рус. Ге
Общ., т. V, №№ 1 сл.).—*Он-же*, О чудскихъ
родкахъ и чудскихъ копяхъ въ Минусинск
краѣ (там же, т. IV, №№ 1 и 3).—*В. В.*
лов, Древніе аборигены Сибири (Живописная Р
сія. Отечество наше въ его земельномъ, исто
ческомъ, племенномъ, экономическомъ и бы
вомъ значеніи, подъ ред. П. П. Семенова. Т. X
Западная Сибирь, изд. т ва М. О. Вольфъ, О
и М. 1884).—*Он-же*, Къ вопросу объ уйгура
Изъ предисловія къ изданію Кудатку-билика (П
ложеніе къ LXXII-му тому Зап. И. Акад. Нау
№ 2), Спб. 1893.—*Он-же*, Aus Sibirien. L
Blätter aus meinem Tagebuche, I—II Bd., 2-te Au
Leipzig 1893.—*К. Риттер*, Землевѣдѣніе А
Пер. съ дополн. П. Семенова, изд И. Рус. Гео
Общ., т. т. I—III, Спб. 1856—1860.—*Ю. Д. Та
ко-Грынцевич*, Древніе обитатели Центральн
Азіи. Съ приложеніемъ„ Карты распредѣленія
родностей Центральной Азіи, т. н. Татаріи,
XII вѣка до появленія Чингисъ хана" (Тру
Троицкосавско-Кяхт. Отд. Приамур. Отд. И. Р
Геогр. Общ., 1899 г., т. II, вып. 1 и 2, М. 190
В. М. Флоринскій, Первобытные славяне по
мятникамъ ихъ доисторической жизни. Опы
славянской археологіи. Ч. ч. I и II (вып.
Томскъ 1894 и 1896.—*Л. Шренк*, Объ инор
цахъ Амурскаго края. Изд. И. Академіи Наук
т. т. I и III, Спб. 1883 и 1903.—*Г. Шурц*, Сре

няя Азія и Сибирь. Пер с нем. под ред. акад. В. В. Радлова („Исторія человѣчества", под общей ред. д ра Г. Гельмольта, т. II, Спб.).—*Н. М. Ядринцев*, Древніе памятники и письмена въ Сибири (Литерат. Сборн., изд. ред. „Вост. Обозр.", Спб. 1885).—*Он-же*, Сибирскіе инородцы, ихъ бытъ и современное положеніе. Изд. И. М. Сибирякова, Спб. 1891.

III. Сибирь накануне русского владычества.

Многовековые передвижения и взаимные столкновения сибирских племен и народов привели их около XIII—XIV ст. к известному распределению по Сибири. Это размещение старинного туземного населения оказалось довольно устойчивым и в дальнейшем не подвергалось уже существенным переменам.

I. Западная Сибирь.

Пространство от Урала и почти до Енисея в описываемое время было занято финно-уграми, самоедами и турко-татарами. Первые жили по восточному склону Уральских гор в средней части западно-сибирской низменности, вторые занимали местности к северу и востоку от них, а третьи расселились по Киргизской и Ишимской степям.

а) финно-угры и самоеды.

Северо-западная Сибирь, расположенная по нижним течениям Оби и Иртыша и занятая финно-угорскими племенами, издавна известна была русским людям под зырянским названием *Югры* или *Угры*. Тем же именем обозначались и жившие здесь финно-угорские народцы — вогулы (или вогуличи), югра и остяки (арьях). Первые издавна жили по западным, а более по восточным склонам Уральских гор и занимали преимущественно места в бассейне Камы (р.р. Колва и Вишера) и Оби (р.р. Тавда с Пелым и верховья Северной Сосвы и Конды).

ра в исторические времена обитала по нижнему течению левого обского притока Сев. Сосвы и впадающей в него р Сыгвы или Ляна. Позднее (во второй половине XVII в.,) ра как особое племя, исчезла и остатки ее единились с вогулами и остяками[1]. Что кается остяков, то, до расселения по Зап. Сибири турецко татарских племен в XIII—XIV в., они жили по средним течениям Оби, Иртыша и Ишима, откуда потом, под давлением пришельцев, вынуждены были отойти к северу и занять местности уже в низовьях Иртыша и Оби.

Таким образом, финно-угорские племена в эху, предшествующую завоеванию русскими Сибири, занимали обширную область, которая на севере простиралась почти до берега Студеного моря, а на юге постепенно переходила в необозримые степные пространства; на западе она упиралась в Уральские горы, восточная же граница ее терялась в ндре между Тазовской губой и средним течением Оби

Наиболее многочисленным и сильным из финно-угорских племен Сибири были арьяхо-остяки. Сведения об их историческом прош-

---

[1] Это обстоятельство, равно как и не совсем правильное значение словом „Югра" всех трех финно-угорских племен Сибири, вызвали разногласия среди исследователей. Одни ...ких (Георги, ак. Лерберг, Европеус, Ф. А. Теплоухов и др.) ...гали племя югру предком вогулов и остяков вместе, другие ...ллер, Фишер, ак. Гофман, Барсов и Чупин)—только вогулов, ...ретьи (Карамзин, Н. А. Абрамов, Бушен, Беляев и Оксенов)—...ько одних остяков.

лом сообщают нам различные источники: с одной стороны, русские летописи и вещественные памятники старины (остатки укрепленных остяцких городков и проч.), с другой—былины и героические сказания южных остяков. Эти произведения народного творчества, обвеянные дымкой героической поэзии, повествуют о подвигах старинных остяцких князей и богатырей. Неподдельная действительность и живой быт прошлых времен проглядывают в них повсюду. Географические и топографические данные былин и сказаний настолько верны и точны, что позволяют судить о местах происшествия разных событий. Самый тип остяцкого богатыря отличается реальностью. Если мы откинем при этом некоторые мало правдоподобные черты его характера и сверхестественные способности, то перед нами окажется тот самый остяцкий князек, какого русские застали в Зап. Сибири в XIV—XVI ст. На этом основании исследователь остяцких былин и сказаний, С. Н. Патканов, считает их произведениями довольно древнего происхождения и, по времени описываемых ими событий, относит составление их к XIII—XVI в. в. Проверенные и дополненные археологическими данными и известиями русских летописей, остяцкие былины и героические сказания могут сообщить нам ценнейшие сведения о хозяйственных отношениях, общественно-политическом строе и бытовом укладе остяков XIII—XVI в. в.

Занятия остяков, дававшие им некогда средства к существованию, состояли главным образом в охоте, рыбной ловле и оленеводстве. Остяки охотились, при помощи лука и стрел, на крупного и мелкого зверя, на лесную и водяную птицу. Главные старания их по-видимому были направлены к тому, чтобы добыть себе более или менее значительный запас пищи. Не менее важным средством для пропитания служила им рыбная ловля, для которой они употребляли прутяные „морды“, сети из крапивной пряжи, жердяные запоры и вероятно, иные ловушки. Остяки добывают рыбу не только в речках и озерах, но и в таких реках, как Обь и Иртыш, где лов требовал гораздо большего искусства и более крупных снастей. Для охоты и рыбной ловли они нередко пользовались лодками, которые выдалбливали из осины и другого дерева, а иногда делали из бересты.

Особенного же внимания заслуживает оленеводство прежних остяков. Область его распространения охватывала в то время гораздо более южные, местности нежели теперь, так как оленей разводили тогда не только по всей средней Оби, но и по нижнему течению Иртыша (почти до впадения правого притока его Демьянки). В описываемой области олени были в те отдаленные времена почти единственными домашними животными (кроме собаки). Они доставляли остякам мясо и молоко для пищи, а шкуры на одежду, служа

им при этом и в качестве перевозочных ж
вотных. Без них, — говорит г. Патканов, —
обходилось ни одного жертвоприношения
ни одного пира. Ни один зимний поход д
мог состояться без оленей: благодаря их л
кости и быстроте, всюду, где лежал снег,
остяка была открыта дорога. Безбедное сущ
ствование остяков в старину было связа
с обладанием этим животным. Размеры о
неводства у них в точности неизвестн
но, судя по всему, оленей держали тогда
достаточном количестве, а у князей были
же значительные стада их. Другим дома
ним животным у них была собака, которо
держали и для охоты, и в качестве перевоз
ного животного.

Рогатый скот (коров, быков и овец) остя
узнали лишь впоследствии и повидимому
имствовали его от своих южных соседей,
тар. Лошадь же стала известна им несомн
но раньше рогатого скота, хотя и не сде
лась домашним животным, потому что в
лотистом Обско-иртышском крае, изрезан
речками и покрытом тайгой и озерами,
конях нельзя установить сообщения ни
том, ни зимою.

Известно ли было прежним остякам зем
делие? В былинах и сказаниях их не раз у
минаются чаши и берестяные туяси „с
нящимся отверстием“, под которыми, по м
нию г. Патканова, нужно подразумевать
суды, наполненные остяцкой брагой. Види

яки в старину знали и жито. Однако, ес-
они и были знакомы с хлебными злаками,
вероятно, возделывали их не сами, а по-
ли от своих южных соседей, живших в об-
сти нынешнего Тобольска. Весьма возмож-
что народом, который познакомил остяков
житом, были татары, и самое знакомство
произошло видимо в позднейшее время.
Археологические данные и былинные ска-
ния указывают на то, что в XIII—XVI в. в.
яки были отчасти знакомы с ковкой же-
за и выделкой из него ножей и наконечни-
стрел. Но гораздо больше металличе-
их изделий югра и остяки, по сведениям
сской летописи и арабских писателей, по-
нали в обмен на меха от своих соседей—
вгородцев, москвичей, волжских болгар,
занских и сибирских татар. Они привозили
финно уграм ножи, топоры, иглы и другие
лезные изделия; болгарские же и татарские
цы, сверх того, покупали в мусульманских
ранах азиатского Востока простые, необде-
нные клинки мечей и привозили их в стра-
югры и остяков, где этот товар находил
стоянно хороший спрос. Искусство выделки
таллических вещей в северо-западной Сиби-
пало еще до XVI ст., и русские уже не
тали здесь остяцких кузнецов, которые, по
овам местного предания, ушли отсюда ку-
то на восток. Но, получая от иноземных куп-
в различные металлические изделия, фин-
-угры и сами должны были отдавать в об-

мен на них избыток естественных произв
ний своей области: то были преимущест
но драгоценные меха пушных зверей, во
шихся у них в изобилии (соболя, горно
куницы, лисицы и белки).

Что касается оружия и орудий, котор
прежние остяки пользовались для добыва
себе средств пропитания и вообще в це
борьбы за существование, то они, как
отчасти упоминалось, состояли из лука, ст
мечей, ножей, топоров, копий и дубинок.
тяцкий старинный лук делался из двух п
винок разных древесных пород, склеен
рыбьим клеем, перевязанных ниткой и об
танных берестой; тетива же повидимому пр
товлялась из крапивной бечевы или жил
вотных. Стрелы состояли из деревянного
ренка с оперением на одном конце и ко
ного или железного наконечника разной ф
мы, в зависимости от назначения стрелы
охоты или военных целей). Мечи выков
лись из железа и имели, вероятно, дерев
ручки и такие же или кожаные ножны. Н
приготовлялись из железа и кости. Лук
меч были главным наступательным и о
ронительным оружием прежних остяков.
пор был домашним орудием и на войне уп
реблялся редко. Копья, находимые в бо
шом количестве в Тобольском округе, со
яли из древка и железного наконечника д
ною от 3 до 5 верш. Былины и сказания
тяков не упоминают об употреблении ко

военных целей; поэтому можно предпо-гать, что они служили орудием охоты на ведя. Таким же орудием была повидимому остяцкая дубинка, которая делалась из твеничного и елового дерева.

Область, занятая в старину остяками, де-лась на ряд небо' ьших волостей княжеств, вначально заключавших в себе по не-льку близких родов Средоточием каждой сти служил городок (вош, баш), находив-йся под властью жившего в нем остяцко-князя[1]. Число волостных княжеств и го-ков в старинной остяцкой земле было зна-ельно. В одном только Тобольском округе Патканову удалось открыть свыше 60 та- городков, из которых около $^2/_3$ несом-но принадлежало остякам; в Березовском округе г. Абрамов насчитал их более 40, немало еще наверное скрыто их среди деб-, озер и болот северо западной Сибири.

Шая городка обычно выбиралось место воз-шенное и до известной степени господ-ующее над соседнею местностью. Чаще го городок строился на нагорном берегу и занимал какой либо мыс, образованный брежным оврагом или заливом Особенно бны были для этой цели места при впа-ии в реку притоков. Иногда к такому го-ку со стороны суши вел подъем, который

[1] В каждом таком княжестве первоначально имелся один городок, но впоследствии, когда два княжества соеди-лись под одною властью или одно владение разбилось на двое.— **лись княжества с двумя и более городками.**

искусственно укрепляли рвом и валами. .
ще всего городок имел один ров и вал, и
да же доступ к нему с суши прегражк
два ряда валов. Размеры остяцких горо
вобщем были незначительны: площадь и
превышала 180 кв. саж., а обычный ра
ее колебался от 70 до 140 кв. саж. На
лах нередко ставился частокол, снабжен
воротами, а около городков и вообще
брежных селений устраивались жердяные
стани и подмостки для причаливания лод

Небольшие и вобщем слабо укреплё
городки старинных остяков могли вмеща
себе лишь небольшое число жилищ, где
тали князь, его родственники, слуги и не
го жителей. Главная же часть населения
тала в поселках (пугот), расположенных
около городков, или по берегам рек и
Средняя населенность остяцких княжест
ва-ли спускалась ниже 60 и превышала
душ обоего пола в каждом. Поэтому ве
возможно, что по размерам они совпада
остяцкими волостями по Иртышу пред
менем завоевания их русскими[1].

Для установления внутреннего порядк
целях самозащиты от самоедских и та
ских набегов, остяцкие волостные княже
в XV—XVI стол. вынуждены были об
ниться в более или менее значительны

---

[1] Таковы волости—Туртасская, Уватская, Назы
Демьянская, Цингалинская, Нарымская, Гарханская и др.
лер, гл. III, §§ 12—23).

тические союзы, из которых каждый нахо-
ился под властью единой княжеской династии.
амым северным из них было *княжество Обдорское*, получившее свое название от глав-
ого города Обдора[1]; оно составилось из во-
стных княжеств, расположенных по нижне
у течению Оби. Южнее его, по правому бе-
егу Оби (между р Казымом и устьем Ирты-
ша, находился другой значительный поли-
ический союз, *княжество Кодское* или *Кон-
инское*, с двумя главными городами—Кодой
Шоркаром[2]. Что касается южных остяков,
о у них было такое же княжество, что и на
бском севере. Средоточием его в 1570—
580 х г. г. являлись владения князя Сама-
а близ устья Иртыша, с городом Самаром
о главе[3]. Это княжество, по замечанию Мил-
ера, включало в себя все остяцкие волост-
ые княжества по нижнему Иртышу и сред-
нему течению Оби (гл. III, § 24). Такой же
политический союз в XV и XVI в. в. суще-
твовал к западу от Обдорского и Кодского
княжеств и состоял из собственно югорских
волостей, лежавших по восточному склону
Урала (по р. р Сосве и Сыгве) Главным го-
родом *Югорского княжества* был Лопынг
(по-русски Ляпин), но кроме него югра име-
ла еще до одинадцати городков разного зна-
чения.

[1] Позднее русский Обдорск.

[2] Близ их развалин ныне расположены села Кондинское и Шеркальское, Березовского уезда.

[3] Ныне село Самарово Тобольского уезда.

Высшее положение в старинном остяцки
обществе занимали князья, достоинство к
торых было наследственно и недоступно д
людей из простого звания. Остяцкие князе
превосходили своих подданных не только пр
исхождением, но и богатством; последнее в
ключалось в дорогой одежде и доспехах, в
лучшем жилище и его внутреннем убранств
равно как в мехах, металлах и оружии. Н
смотря на это, разница в образе жизни о
тяцкого князя и простого народа все-же
была настолько значительна, как у други
народов востока. Подобно простому народ
князья ходили на охоту и рыбную ловлю, х
тя и занимались этим скорее для своег
удовольствия, чем вызываемые к тому нео
ходимостью. Для всех домашних работ он
имели достаточное количество слуг из рабо
на обязанности которых лежало также снаб
жение их пищею и уход за княжескими ст
дами оленей. Кроме того, о нуждах свои
князей заботился и простой народ, которы
видя в них своих покровителей и защитни
ков, относился к ним с глубоким уважением

Таким же почетом у остяков пользовалос
и все княжеское сословие, независимо от ст
пени родства отдельных лиц его и их отно
шения к князю-правителю. Взаимные отно
шения членов княжеской семьи основыва
лись на подчинении младшего старшему, пр
чем старейшие в роде считались главам
народа Иногда и сами князья уступали пер

нство старейшему из своей среды по воз-
сту и большей олытности. Если же между
ими происходили какие либо недоразумения
споры, то они действовали как лица равно-
равные. Вот почему нередко случалось, что
или иное из своих владений они делили
два—на три независимых княжества; но
вало и так, что какой либо один князек
злялся главой двух или нескольких городков.
Мы видели выше, что в XV—XVI в в во-
остные княжества остяков объединялись в
олее или менее крупные политические сою-
, под главенством отдельных княжеских ди-
стий Последние несомненно происходили
среды волостных князей. Наиболее даро-
итые, храбрые и предприимчивые из них,
ри благоприятных обстоятельствах, сосредо-
очивали в своих руках большое влияние и
ачительные материальные средства С тече-
ием времени они получали преобладание над
воими менее богатыми и влиятельными род-
твенниками и становились среди них первы-
и или великими князьями. Вокруг этих кня-
й и их династий и происходило обычно по-
итическое объединение волостных князей и
х владений, а иногда и более значительных
олитических союзов. Таким именно обра-
ом возникли известные остяцко югорские
няжества—Обдорское. Кодское, Самарское
Югорское. Во второй половине XV в. вел.
нязь кодский Молдан объединял под собою
е только кодских волостных князьков, но

был одновременно и князем соседнего Юг
ского княжества (из подчиненных ему кня
наиболее видными были Пыткей, Сонта
Пынзей). В средине XVI в вел. князем к
ским был Певгей, а преемниками его —
вестные отец и сын, Алачей и Игичей. Гора
менее мы знаем о южно-остяцких князь
в 1570—1580 х г.г. прииртышский князь
мар объединял иртышских и среднеобских
тяков, причем в его непосредственном п
чинении находилось восемь подручных кня
ков. Еще менее известно нам об Обдорск
княжестве: в нем, как и в соседних вла
ниях, были свои великие князья, которым п
чинялись местные волостные князьки (на
казымские и куноватские); но каковы бы
имена их и в каких отношениях они нах
лись к соседним княжеским династиям, с
дений до нас не сохранилось.

Сравнительно меньше мы знаем о взаи
ных отношениях остяцких князей, вели
и подручных. В XIII—XIV в в. некоторые
тяцкие волостные княжества и югра плати
дань Новгородскому государству, которое
раничивалось этим и совершенно не вме
валось во внутренние отношения своих да
ников. В XV в. новгородцев сменили зд
москвичи. Когда в 1480-х г. г. в северо-
падную Сибирь явились русские войска, ост
ко-югорские князья покорились новым п
шельцам и стали платить дань московско
государю. С того времени между Кодой

Шоркаром с одной стороны, и Москвою с другой начинаются постоянные сношения о заключении мира, уплате дани и вообще о взаимных отношениях. Остяцко югорские князья нередко появляются при дворе московского государя, и это обстоятельство, в связи с переговорами, которые они вели здесь, дает возможность сделать некоторые наблюдения над взаимоотношениями князей великих и подручных. Когда русские воеводы пленили вел. князя Молдана, в Москву явился от имени Кодской и Югорской земель подручный югорский князь Пыткей для переговоров о возвращении пленного на родину. Год спустя после этого (1485 г.) вел. князь Молдан, совместно с виднейшими из своих подручных князей, заключает с русскими мирный договор. Позднее в Москву являются влиятельнейшие из обдорских князей. Повидимому, отношения остяцко-югорских великих князей к своим подручникам были мало похожи на отношения государя к своим подданным. Скорее всего вел. князь, как старший, наиболее сильный и влиятельный среди волостных князьков, был первым лицом в целой земле, к голосу и советам которого внимательно прислушивались все его подручники. Во внешних сношениях он являлся как бы глазным представителем или уполномоченным своих князей и подданных; в случае же отсутствия вел. князя, его заменял один из старших и наиболее влиятельных его подручников.

Князья занимали высшее положение в стар
ринном остяцком обществе; главную же мас
су населения составляли простые люди. Он
жили отчасти в городках, но преимуществен
но в поселках, расположенных по берегам
рек и озер Постоянно нуждаясь в средствах
к существованию, простые люди все время
проводили в занятиях охотой и звероловс
ством и в уходе за оленями. Иногда же их
отрывали от трудовой жизни для походов или
для участия в народных собраниях.

Третий класс остяцкого населения состо
ял из рабов, которые повидимому добывались
на войне[1]. Рабы составляли частную собствен
ность князей, у которых они выполняли все
домашние работы. Число их у отдельных вла
дельцев было невелико и потому на каждого
из них лежало несколько обязанностей. Рабы
считались как бы младшими членами княже
ского семейства, поэтому обращение с ними
господ было вполне человечное.

Образ правления в волостных княжествах
у остяков складывался из взаимодействия
князя и народного собрания. Все текущие
дела решали вероятно сами князья: если же
случались дела важные, они созывали народ
ное собрание, на которое являлось все насе
ление городка и поселков. Несмотря на та
кой состав собрания, правом голоса в нем
пользовались повидимому только старейшие

---

[1] Известий о других источниках рабства у остяков до нас
не сохранилось.

в роде; с ними собственно князья и совеща-
лись о делах Решение стариков, впрочем, не
имело для князя обязательной силы; скорее
всего оно было советом, с которым князь
мог поступить по своему усмотрению

Народные собрания нередко созывались для совещания о новых походах. Выслушав мнения старейших в роде, князья обыкно-венно решали дело по своему, и собрание оканчивалось набором воинов для предпри-нимаемого похода.

Главными причинами войн у старинных остяков было желание князей найти себе жен, а также стремление защитить свои владе-ния от захватов и нападения врагов, либо пре-дупредить враждебные действия со стороны неприятеля Во главе военных сил обычно становились князья, а их родственники со-ставляли хорошо вооруженное и наиболее боеспособное ядро войска. Летом походъ со-вершался по воде на лодках, зимой же вои-нов уносили к месту назначения быстроногие олени, запряженные по два в легкие санки.

Способы ведения войны были различны, в зависимости от характера и численности не-приятеля и занимаемого им положения. На ма-лочисленных врагов остяки нападали стреми-тельно, осыпая их при этом тучами стрел. Толь-ко нанеся неприятелю побольше вреда, они рас-сыпавшись сходились с ним и вступали в руко-пашную. причем каждый выискивал себе про-тивника, чтобы сразиться с ним. Если первое

нападение остяков было отбито, они быстро
разбегались, чтобы вскоре собраться и сно-
ва напасть. Нередко слабый противник не вы-
держивал вторичного натиска и обращался
бегство, и только лучше устроенные и вс
оруженные отряды татар и русских успешн
выдерживали нападения многочисленных ос
тяков. Если же последние имели дело с пр
тивником сильным, его старались захватит
врасплох, произведя на него внезапное напа
дение.

При первом же известии о готовящемс
походе горожане противной стороны испра
пяли укрепления своего городка и заблаго
временно ставили дозорных для предупрежд
ния о приближающейся опасности. Эти до
зорные обычно помещались на небольших по
мостах, устроенных на высоких столбах,
издалека могли видеть надвигавшегося не
приятеля. Иногда с тою же целью попере
реки, у места расположения города, протя
гивали бечеву, конец которой находился
городе. Неприятель, ничего не подозревая
наезжал на нее, натягивал или шевелил,
то заметив умышленно перерезывал ее; это
обычно служило знаком, по которому горо
жане выходили навстречу врагам. Нередко не
приятелю готовили гибель, даже не допуска
его до подступов к городу или поселку. В дн
реки, недалеко от поверхности воды, вбивали
поперечный ряд кольев, обращенных острие
в ту сторону, откуда ожидали нападения. Ни

:го не подозревая, враги попадали лодками
а это опасное место заграждения и ломали
, а сами делались добычей реки или под-
:ерегавших их тут же воинов. Особенно ги-
ельны были такие засады для берестяных
одок. которые неминуемо при этом тонули,
елекая за собою и сидевших в них воинов.

Если подобные заграждения оказывались
едействительны, враги подступали к самому
ороду. Обыкновенно они не решались брать
го приступом и, если не пускали в дело
акой-либо военной хитрости, то окружали
ородок, ожидая, когда у осажденных выйдут
се запасы. Это происходило обычно сравни-
ельно скоро, так как остяки всегда заготов-
яли немного продовольствия.

На поле битвы у остяков соблюдались свои
бычаи. Пленных они обращали в рабство, а
убитых врагов, с целью унизить их, сни-
мали головную кожу (скальп); при этом ору-
кие и доспехи врага обычно переходили к
обедителю.

Для обеспечения успеха в борьбе с силь-
ным врагом, остяцкие князья нередко заклю-
чали между собою союзы и соглашения, ко-
торые. в зависимости от обстоятельств, бы-
ли то оборонительные, то наступательные.
При открытии военных действий союзник,
подвергшийся нападению, выставлял на высо-
ких шестах куски красной ткани и этим из
вещал своего союзника о близкой опасности
Весть о появлении этого знака быстро пе-

редавалась рыбаками и охотниками и ско
доходила по назначению. Такие союзы ос
бенное значение имели в постоянной борь
остяков с самоедами и татарами, а впосле
ствии также и с русскими.

Бытовой уклад жизни старинных остяк
зависел от природных условий, хозяйстве
ной деятельности их и государственно-обще
ственных отношений.

Суровый климат области побуждал ост
ков строить такие жилища, которые, не в
даваясь слишком над поверхностью земли
не занимая много места, в то же время х
рошо сохраняли в себе тепло. Подобным у
ловиям вполне удовлетворяли землянки, с
стоявшие у прежних остяков из четыре
угольной ямы, куда иногда опускали неболь
шой деревянный сруб. Крыша над такой зем
лянкой делалась из жердей, на которые свер
ху равномерно набрасывалась земля, прикры
тая дерном. В середине крыши или сбок
делалось небольшое отверстие для выход
дыма и для света. Вход в жилище был за
щищен небольшой досчатой дверью. Извну
ри оно было крайне просто по своему устрой
ству: пол, скамьи и очаг или чувал делали
из земли. Около землянок на высоких нож
ках устраивались особые амбарчики для хра
нения в них домашних вещей и припасов
а один из них предназначался для домашне
го божества и его доспехов.

От этих простых жилищ несколько отли

глись землянки князей. Они были простор-
ее обыкновенных и имели лучшее внутрен-
ее убранство, причем пол, стены, скамьи и
нование очага в них были сделаны из бре-
н и досок. Княжеские амбары строились
кже больше обычных и, кроме домашних
тов, заключали в себе разные ценные вещи
ушной товар, ткани, металлы и оружие).

Кроме частных жилищ, у остяков XIII—XVI
. имелись еще большие общественные зда-
я для народных собраний. Они состояли
жердей и имели вероятно коническую фор-
, причем размеры их иногда были доволь-
значительны.

Незатейливости внутреннего убранства ос-
цких жилищ вполне соответствовала и про-
ота утвари, в частности посуды, употреб-
вшейся при еде, равно как и самой пищи.
былинах постоянно упоминаются у остя-
в чугунные и медные котлы с ушками,
инянная посуда (черепки от которой и по-
не в изобилии встречаются на развалинах
тяцких городков), деревянные ложки и бе-
стяные лукошки и бураки (туясы). Пища
ежних остяков состояла из рыбы, зверино-
и оленьего мяса и разных ягод. Рыба
отреблялась в сыром, сушеном и вареном
де; мясо же повидимому чаще варили, чем
и сырым. Оленье сало и осетровый жир
итались большим лакомством и подавались
стям. В виде лакомства ели также и раз-
го рода ягоды, которые в изобилии росли

в остяцкой земле. Твердую пищу остяки ели обычно руками, для жидкой же употребляли деревянные ложки. Напитками им служили вода, березовый сок и мед, а в качестве опьяняющего средства остяки употребляли гриб мухомор: съеденный в известном количестве (от 7 до 2-х шт.), он производил временное возбуждение и вызывал сильные галлюцинации.

Совсем немного сведений сохранилось о старинной остяцкой одежде. Судя по некоторым указаниям в былинах, она состояла (зимой) из малицы, т. е. оленьей шубы шерстью внутрь, сапог, шапки и рукавиц, при этом мелкие принадлежности делались из оленьего меха и птичьих шкурок. Имеются еще косвенные данные за то, что прежние остяки употребляли одежду и сапоги из выделанной кожи налима, осетра и стерляди. Что касается князей, то одежда их отличалась от обыкновенной повидимому не столько покроем, сколько самым материалом: по крайней мере остяцкие былины сообщают, что прежние князья носили дорогое платье, сделанное из сукна и шелка, и обувались в сапоги, украшенные металлическими поделками.

Первобытному характеру хозяйственных и общественных отношений у прежних остяков вполне соответствовали и их религиозные верования. Остяки поклонялись одухотворенным силам природы и верили в сношения с ними при посредстве шаманов. Правда, у них было некоторое понятие и о верховном суще

ве „Торыме“ (у вогулов Нума) (добром бо-
, властителе вселенной), но в то же время
ни признавали ряд низших божеств, добрых
злых, представлявших собою олицетворение
вестных сил и явлений природы. Изобра-
ения или вернее—жилища этих божеств
лались из дерева, камня, металла и имели
ид человека, птиц и зверей, а особенно мед-
едя, поклонение которому, заимствованное
огда у древнеазийцев, было широко распро-
странено среди остяков. Веря в различные
божества, остяки строили для их изображе-
ий капища или кумирни, разбросанные по
берегам рек и в тайге.

Среди божеств, пользовавшихся особым по-
питанием у прежних остяков, заслуживают
поминания следующие: Ортик—помощник и
руг Торыма (в Шоркаре), Мастер—божество
скоровья (на Оби близ устья Иртыша), Мейк—
божество зла, Обский старик—божество вод
рыб (в устье Иртыша), бог Рача (в Рачев-
ких юртах), Большая богиня (в Белозерских
остах), Медный гусь—божество птиц (там
же) и некоторые другие. Кроме того, у каж-
дого хозяина-остяка были свои домашние бо-
ки, для которых, как мы видели, предназна-
лался особый амбар около жилища.

Простые смертные считали себя совершен-
но беспомощными перед различными духами-
божествами. Они не могли входить с ними в
какие бы то ни было сношения, выражать
пред ними свои нужды или просить их по-

мощи в каком-либо деле. Заступниками посредниками их перед богами являлись муд рецы-шаманы (тадым), которые, по их верс ваниям, не только умели говорить с духами но имели силу и средства заставить их слу жить человеку. Посредством различных таин ственных действий и заклинаний они входи ли в общение с добрыми богами и направ ляли их силы на пользу людей. Шаманы уме ли, по мнению остяков, обращаться и со злы ми духами, от пагубного влияния которы (болезней) они брались освобождать челове ка. Одновременно шаманы являлись прори цателями, т. е. истолкователями божествен ной воли и предсказателями будущего. Не чего и говорить, что, благодаря таким необык новенным способностям, шаманы пользова лись у остяков всеобщим признанием и глу боким уважением.

Со второй половины XV в., когда русски во время своих зауральских походов вошли непосредственное соприкосновение с югрой остяками и обложили их данью, остяцки князьки постепенно начинают обращаться христианство. В следующем столетии сред южных остяков, живших по соседству с та тарами и подчинявшихся им, стало распро страняться мусульманство. Однако как далек ко обе веры проникли в народную толщу насколько отразились на бытовом укладе ос тяцкой жизни, сведений до нас не сохрани лось.

В таких чертах нам представляется теперь жизнь остяков в XIII—XVI ст.

Старинный хозяйственный и общественный быт другого финно-угорского племени, югры, ничем особенным не отличался от быта остяков. Несколько иной повидимому была жизнь третьего племени—вогулов или вогуличей.

Вогулы, как мы видели выше, занимали оба склона Уральских гор. Средоточием тех из них, которые жили по р. р. Тавде, Пелыму и Конде, был городок старый Пелым. Вогулы, обитавшие к северу от них (по р. Лозьве), имели свой городок—Неромкарра. По верхнему течению Конды, в недалеком расстоянии от Пелыма, находились две вогульских волости — Большая и Малая Конда. Во всех названных местностях вогулы жили отдельными родами, во главе которых стояли старшины-родоначальники. Иногда несколько соседних родов соединялись в одно целое и признавали над собою общего начальника —князя. Старый Пелым являлся как раз именно таким средоточием нескольких родов и ближе волостей. В этом городке в течение нескольких столетий правил род вогульских князей, но источники сохранили нам имена только некоторых из них. Так, во второй половине XV в. пелымскими князьями были Асыка и его сын, Юмшан; в 1570—1580 г.г. в Пелыме управляли князъя Бегбелий и Кисим,—оба известные своими опустошительными набегами на Пермь Великую; а при заня-

тии Пелымского княжества русскими (в 159(
г. г.) там правил энергичный и воинстве
ный князь Аблегирим.

Пелымские князья упоминаются в русск
летописях со значением великих князей, име
ших при этом какие-то неясные для нас се
зи с кодским и югорским великокняжески
домами. Но кроме них, у прежних вогул
были еще мелкие князьки, из которых од
судя по месту их княжения, подчинялись П
лыму, тогда как другие находились под сил
ным влиянием кодско-югорских князей. Ве
ду этого можно полагать, что общественн
отношения у вогуличей XIII—XVI в. в. бы
менее развиты, нежели у их восточных сос
дей. В то время как остяки и югра бы
объединены в такие сравнительно крупн
политические союзы, как княжества Югорско
Обдорское, Кодское и Самарское, вогулы им
ли только одно Пелымское княжество, кот
рое к тому же не представляло собою цел
го племени.

Что касается занятий, образа жизни и в
рований старинных вогуличей, то о них (
исключением верований) не сохранилось поч
никаких известий; однако некоторые косве
ные указания заставляют думать, что вог
личи в этом отношении мало чем отличали
от соседнего остяцкого племени.

К северу и востоку от финно-угорских пл
мен Сибири в описываемое время обита

амоеды. По северным склонам Урала до ни-овьев Оби в XV ст. жили Каменские са-оеды, по берегам Тазовской губы обитало огда самоедское племя юраков, а по сред-ему течению Оби вплоть до Енисея были азбросаны другие самоедские племена.

О самоедах XIII—XVI в. в. до нас дошли ишь самые отрывочные сведения, которые е позволяют составить более или менее пределенное представление об образе жиз-и этого племени. По сообщению Плано-Кар-ини, проезжавшего по средней Азии в пер-ой половине XIII в , тогдашние самоеды ве-и кочевую жизнь и добывали себе средства пропитанию охотой и рыболовством; свои умы (жилища) и одежду они делали из шкур азличных зверей. В следующем столетии амоеды, отодвинутые остяками и татарами ще далее на север, познакомились чрез древ-неазийцев с оленем, научились искусству при-учать это животное и пользоваться им для переездов и перевозки тяжестей. В дальней-шем оленеводство получило у них такое раз-витие, что, когда в 1499 г. русские войска напали на кочевье каменских самоедов, они захватили у них до 200 оленей. Таким же перевозочным животным у самоедов была и собака. Оленеводство и приспособление соба-ки способствовали постепенному распростра-нению самоедов по берегам Студеного моря и установлению у них известной смены ко-чевий: зимою они жили в землянках, разбро-

санных по тайге (урману), а с наступлением лета, спасаясь от комаров и овода, перекочевывали с оленьими стадами в тундру и на берега Студеного моря. Самоеды были отличными стрелками из лука и превосходно управляли своими легкими берестяными лодками. Свое платье они приготовляли из оленьих шкур и собольих мехов; последние, кроме того, служили предметом торгового обмена их с новгородцами.

Общественный быт самоедов XIII—XVI в. основывался на родовых отношениях: они делились на роды и во главе каждого из них стояли старейшины-родоначальники. Никаких иных общественных союзов у тогдашних самоедов не существовало; если же при этом принять во внимание, что самоедские роды постоянно враждовали и боролись между собою, то станет вполне понятным сравнительно раннее подчинение их своим соседям остякам[1]. Однако это обстоятельство нимало не удерживало их от постоянных нападений на своих победителей.

Самоеды обычно делали набеги на остяков отрядами в 200—300 чел., притом настолько стремительно, что часто заставали остяков врасплох и не давали им времени собраться с силами. Если же самоеды встречали сильное сопротивление, то столь же быстро пропадали, захватив с собою богатую добычу, состоявшую из женщин, оленей и домашних

[1] См. выше стр. 156—157.

ющей. Для быстроты нападения в зимнее время они брали с собою стада оленей, на. которых легко переносились с места на ме- сто. Во время летних набегов самоеды поды- мались вверх по рекам на своих легких бе- ростяных подках и достигали остяцких посе- лений. Пользуясь тем, что в это время года все мужское население было занято рыбным промыслом, они незаметно подплывали к ос- тяцким поселкам и грабили их. В случае же опасности они бросались в свои легкие лод- ки и быстро исчезали вниз по течению рек, далеко оставляя за собою остяков, нередко ездивших на грузных деревянных лодьях. Свои- ми набегами самоеды постоянно тревожили как нижнеобских остяков, так и живших по среднему течению Оби и в низовьях Иртыша. В целях самозащиты остяцкие волостные князь- ки повидимому охотно заключали между со- бою союзы и соглашения, которые повели потом к образованию у них значительных княжеств.

б) Сибирское ханство.

Финно-угорские поселения в Сибири про- стирались некогда гораздо южнее, чем в ис- торические времена. Мы видели выше, как финно-угры постепенно отходили в северном направлении под давлением различных турец- ких племен, и последнее по времени пересе- ление их на север было вызвано образова- нием и распадением монгольской державы Чингиз-хана. Походы великого завоевателя

всколыхнули все народы и племена средн
Азии и привели их в необычайное движен
Захваченные этим движением, турецкие п
мена оставили свои земли в Монголии
отодвинулись к северу и северо западу. Зн
чительная часть их, под чуждым им наз
нием „татар", расселилась по юго-западн
и западной Сибири, Уралу и Поволжью
отуречила издавна жившие здесь финно-уг
ские и самоедские племена, частью же о
двинула их по Иртышу и Оби в северном
правлении. Вслед за татарами, в Сибирь
вост. Европу явилась и монгольская го
дарственность, ввиде Кипчакского ханства
Джучиевой династией во главе. В следу
щем столетии это государство уже распа
ется на несколько независимых улусов,
которых один зарождается за Уралом, в иш
ских степях, и впоследствии получает назв
ние Сибирского ханства[1].

Основу населения ишимских степей и ю
ного Зауралья составляли турецко-татарск
племена, туземные и пришлые. Туземные
тары обитали по р. Туре и появились зд
в XIII ст., повидимому как часть Батыев
орды. Они первые из всех сибирских тат
перешли от кочевого к оседлому образу жи
ни, за что и прозваны были туралами и
ралинцами, т. е. городскими или оседлы
жителями. Со времени прихода сюда из сре
не-азиатских степей туралинцы, по всей

[1] Подробнее об этих событиях см. стр. 140—146.

ятности, неизменно занимали места по те-
нию р Туры, от верховьев ее до впадения
р. Тобол. Туринские татары были немно-
численны. Главная же масса сибирских та-
р обитала по р р. Тоболу, Ишиму и Ирты-
у, и занимала по среднему течению их зна-
тельные степные пространства. По мнению
. Радлова, эта татарская ветвь произошла
тем смешения ногайцев и кыргызов, при-
вших сюда в XIV—XV ст., с бухарскими
ходцами (из сартов и таджиков). Впослед-
вии (вторая пол. XVI в) обе ветви сибир-
их татар (туринские и тобольско-иртыш-
ие) довольно сильно перемешались с явив-
имися в Сибирь казанскими татарами и
ратили свою прежнюю племенную особность.
востоку от туринцев и ишимцев находи-
сь барабинские татары, получившие это
звание от места своего обитания—Барабы
ли Барабинской степи,-расположенной меж-
р.р. Обью и Иртышом. Барабинские тата-
ы, подобно ишимским, были смешанного
роисхождения и представляли, по мнению
к. Радлова, остатки очень древних помесей
лтайско-турецких племен с финно-уграми.
Итак, западно-сибирские татары заняли
еста, населенные прежде финно-уграми; при
том часть последних была постепенно погло-
щена пришельцами, большинство же тузем-
ев вынуждено было отодвинуться на се-
ер, в низовья Иртыша и Оби. Первые та-
арские поселенцы—туралинцы явились в

край, отчасти уже тронутый культурою: зде
были остяцкие городки и поселки, населев
которых занималось охотою, рыбной лове
и оленеводством и составляло ряд обществ
ных союзов, ввиде волостных княжеств. К
сколько были культурны древнейшие тат
ские выходцы, мы не знаем; однако есть
нования полагать, что они умели стро
города, ибо на это указывает не только
мое название их—туралинцы, но и нали
ность у них двух городков по р. Туре—Епа
чина и Чинги-туры. Зато вторая, ногайск
бухарская волна поселенцев, явившаяся сю
в XIV—XV в в., была повидимому уже хор
шо знакома с земледельческо-городскою кул
турой. Расселившись по Иртышу и двум е
западным притокам (Тоболу и Ишиму), э
выходцы освоили бывшие здесь остяцк
городки (напр., Искер, будущ. Сибирь) и о
новали ряд собственных городков разной в
личины и значения, из которых русские лет
писи упоминают до пятнадцати[1]. Городищ
некоторых из них (особенно Искер-Сибир
сохранились и поныне, и теперь мы може
судить по ним о культурном состоянии н
когда жившего в них татарского населения.

Татарские городки находились по течени
рек и занимали обычно нагорный, возвышен
ный берег, господствующий над окрестно

---

[1] Явлу-тура, Тархан-калга; Кизил-тура, Куллара, Ялы
Сузга-тура, Бицик-тура, Махметкулов и Аттикин городки, Иске
Сибирь, Касым-тура, Карачин городок и нек. др.

тностью. Наиболее удобным местом распо-
кения городков был высокий мыс, образо-
нный оврагом, выходящим к речной доли-
Если же такой мыс был отрезан от ос-
ьной части нагорного берега еще каким-
со углублением (вроде рва), городок счи-
ся хорошо огражденным. Иногда городской
искусственно укрепляли со стороны су-
двумя и даже тремя рядами рвов с ва-
ми. По скату внутреннего рва, вокруг го-
ка, был устроен частокол с воротами, от
орых через ров был перекинут мостик.
меры городской площади (внутри вала)
ли невелики и колебались от 500 до 700
саж. В таком небольшом городке вряд-ли
тло обитать значительное количество людей.
нее всего, что в нем жил местный вла-
тель. его приближенные, слуги и стража;
время вражеских нападений здесь же со-
ались и войска. Что касается остально-
татарского населения, то оно обитало
поселках, расположенных по берегам рек и
ф и отстоявших видимо невдалеке от ук-
тленного городка.

В общем татарские городки Зап. Сибири
своему расположению и внешнему виду
ьно напоминали городки остяцкие, от ко-
ых отличались только большими размера-
да прочностью устройства. Повидимому
наковые природные условия и потребности
роны создали и более или менее одинако-
й характер остяцких и татарских укреплений.

Туралинцы и тобольско-иртышские татат в XIV—XVI в.в. обладали довольно развит материальной культурой. Их хозяйственн деятельность отличалась значительной разс сторонностью и состояла в охоте, рыбн ловле, скотоводстве, земледелии, ремеслах торговле.

Жители лесных и болотистых местност на севере добывали себе средства пропит ния охотой на птиц, пушного зверя и кр ных животных. Для этой цели ими употр лялись стрелы различной величины и фор и кроме того повидимому силки, капканы рогатины. Не менее у прежних татар бы развито и рыболовство. Многочисленные р ки и озера Зап. Сибири снабжали их кру ной и мелкой рыбой, которую ловили крючок, острогой, сетью и другими снастям Обширные степные пространства, лежащ по средним течениям Тобола, Ишима и И тыша, представляли значительные удобст для разведения скота. Действительно, тат ры имели конские табуны, на что указыв ют многочисленные принадлежности верх вой езды, находимые в городищах (удил стремена, украшения сбруи, подковы и проч Есть некоторыя основания полагать, что он разводили и мелкий скот (овец); сведений х о крупном рогатом скоте до нас не сохран лось. В местностях с удобною почвою тобол ские и иртышские татары занимались хлеб пашеством. Об этом свидетельствуют не тол

находимые в городищах сошники, серпы остатки жерновов. но и некоторые исто-ческие данные: так, когда русские во вто-й половине XV в. занимали по Тоболу и тышу татарские городки, они почти всегда ходили в них хлебные запасы; в то же вре-земледелие было развито и по среднему нению Оби. где им занимались кучумовские, е. тобольско иртышские татары. Кроме речисленных выше занятий, у татар были звиты разные ремесла—плотничное, гончар-е и особенно кузнечно-слесарное. Ремеслен-ки умели плавить чугун и медь и знали кусство ковки и выделки из них различ-ях предметов (ножей, ножниц, шильев, до-т, топоров, замков и мн. др.), для чего у х употреблялись молотки, напильники и чильные камни. Добывание и первоначаль-я обработка естественных произведений раны способствовали довольно раннему раз-тию у татар торгового обмена с соседними дальними народами. Так, из Бухары к ним возились самоцветные каменья (сердоли-, бирюза и топазы), стальные клинки и ве-тно бумажные ткани; Китай же доставлял фарфоровые изделия и, судя по сохранив-имся пломбам, какие-то б. м. шелковые ани. Одни из этих товаров татары потреб-ли сами, другие же вывозились ими к со-дям, в обмен на естественные произведе-я их страны: например, у остяков они гли выменивать свои и привозные же-

лезные изделия на дорогие меха обского о
вера.

Развитым хозяйственным отношениям у
падно-сибирских татар вполне соответство
и сравнительно сложный уклад их домашн
жизни.

Татарские жилища (по крайней мере в
родах) строились из хвойного леса и име
слюдяные окна и деревянные двери; посл
ние вешались на железных и медных петл
прибитых железными же гвоздями с ши
кою шляпкою и коротким шпилем. У две
обычно приделывался пробой для замков,
торые изготовлялись иногда в виде фигур ж
вотных. Деревянные жилища встречались
в сельских местностях, но отличались бо
шею простотою по сравнению с городски
Летние, а иногда и постоянные жилища
тар-скотоводов повидимому состояли из
нусообразных жердяных юрт, покрытых тро
никовыми рогожами. Внутреннее убранст
татарских жилищ было сравнительно прос
Главная принадлежность его, очаг (или
вал), складывалась из кирпичей. Около ст
находились широкие скамьи и сундуки с ра
ным добром. Посуда состояла из чугунно
котла, медных кувшинов и глинянных сосуд
с разнообразным геометрическим орнаменто
последние у богатых иногда заменялись к
тайским фарфором. Железные ножи были ра
личной формы и длины (от $1^1/_2$ до $4^1/_2$ верш
Для размола зерна существовали ручные мел

цы, похожие на современные татарские
льницы „тирмэн".
Следов старинной татарской одежды, к со-
лению, не сохранилось, зато городища до-
вили нам множество украшений (бус, бра-
тов, серег, колец, пряжек и пуговиц) раз-
ной формы, материала и качества выдел-
Судя по ним, одежда татар (особенно
нщин) должна была отличаться большим
нообразием цветов и тканей.
В таких чертах рисуется теперь материаль-
й быт туралинцев и тобольско-иртышских
тар. Что же касается третьей группы за-
но сибирских татар, барабинцев, то они,
вя в глухой степи между Обью и Ирты-
м, в описываемое время вели полукочевой
звероловный образ жизни. Никаких иных
дений о них не сохранилось.
Общественное устройство западно-сибир-
х татар характеризуется делением их
две группы, резко различавшиеся между
ою. Внизу находилось простое, черное на-
ение, состоявшее из охотников, рыболо-
, скотоводов, земледельцев и горожан
месленников и кузнецов); над ними стояла,
главе с ханом, немногочисленная и властная
ть - султаны, бики (князья), мирзы и сеиты.
литическое значение господствующей груп-
определялось ее особым положением в
арском обществе. Бики и мирзы были по-
имому родовыми старейшинами своих по-
ений и являлись почти независимыми их

владетелями. Опираясь на хорошо укрепленны
городки, некоторые из них[1] не считалис
ханами и прочно держали в своих руках
население, так и естественные богатства свое
округи. Таким образом, эксплоатация черн
людей составляла общий интерес всей тата
ской знати. Неудивительно, что между гос
дами положения и порабощенными не суш
ствовало гражданской сплоченности; наоборо
с течением времени у них установились
мые враждебные отношения. Простонаро
неоднократно пыталось освободиться из-
власти биков и мирз и не раз подымало в
стания. Такая непрочность общественно
строя сибирских татар являлась постоянн
угрозой их государственному порядку; о
бенно же сильно она дала себя почувствова
впоследствии, когда с запада появился к н
опасный враг, русские.

Туралинские, тобольско-иртышские и ба
бинские татары в XV—XVI вв. составляли
литический союз, который от имени столи
своей (Искер-Сибирь) с конца XV ст. ст
называться Сибирским ханством или про
Сибирскою землею.

Исторические границы этого государств
общем совпадали с областью расселения
бирских татар. На западе пределом этого р
селения были восточные склоны Уральск
гор. Северная граница его начиналась

[1] Таковы, напр., князья из рода Тайбуги и мирзы—Кан
Кожбахтый, Бегей-Мухаммед-Зиен, Епанча, Атик, Карача и ми

рховьев р Туры и, захватывая часть во-
пьских и остяцких волостных княжеств, под-
ластных татарам, шла на восток через
ртыш приблизительно по 58° сев. шир.,
жа не достигала среднего течения Оби и
подымалась по ней в южном направлении.
со касается южной границы татарского го-
сударства, то она отличалась большой неопре-
ленностью и терялась в степных простран-
ствах юго-западной Сибири.

Политическая жизнь сибирских татар в
V-XVI вв. характеризуется борьбою пред-
ставителей ханского рода (из потомков джа-
тайского хана Шейбани) и местных сибир-
ских князей за преобладание в Сибирской
стране. Эта борьба владетелей начинается еще
в его отдаленное время, когда сибирские та-
ры едва только стали обнаруживать слабые
признаки политической жизни, и проходит
чрез всю последующую историю хан-
ства.

По весьма вероятному татарскому преданию,
ушедшему и в русские летописи, главный
литический центр сибирских татар нахо-
ился сначала на р. Ишиме, в устье которого
огда стоял город Кызыл-тура. Первым ха-
м в этих местах, по тому же преданию,
л некий Он или Онсом (в рус. летоп.—
ан), который распространил татарские
ладения на север и подчинил себе часть
улов и остяков, живших по Туре, Тоболу
нижнему Иртышу. Против хана Она (ок.

пол. XIV в.) восстал бик Чингис (или Чингиз
и убил его, приобретя через это важное зна
чение. Но, совершив убийство и боясь мест
со стороны членов ханского рода, Чингис уд
лился со своими приверженцами на р. Ту
где и построил будто бы городок Чинги-ту
(впоследствии Тюмень). После этого на Иши
остались править частью сибирских татар п
видимому какие-то незначительные потом
хана Она. Пользуясь слабостью их, бик Та
буга, сын Чингиса, успел утвердить сво
власть на р. Туре и таким образом сделал
родоначальником сильной династии сибирск
князей, правившей в Сибирской земле боле
столетия.

Только во второй половине XV в. ханско
роду сибирских владетелей удалось возврати
себе давно утраченную власть в государств
Это дело было совершено ханом Ибрагимо
Ибаком, который изгнал из Чинги-туры ил
Тюмени князей Тайбугина рода, завладел эти
городком и отсюда распространил свою влас
на все государство. Несмотря на успех
борьбе, хан Ибак ясно чувствовал всю н
прочность своего положения: видимо сильны
противник его был только побежден, но
уничтожен. Поэтому для укрепления сво
власти в стране, хан завязывает сношения
соседними государями, в надежде опереть
на них в случае неблагоприятного для не
поворота домашних событий. Он вошел в н
посредственные связи с родственными ем

эгайскими мирзами, погубил при помощи их
оследнего хана Золотой Орды Ахмата, из-
естного противника московского государя
вана III, и на некоторое время овладел его
усом. Этим событием хан Ибак воспользо-
лся для того, чтобы завязать сношения с
сковским государем (1481 г.). К такому
агу его побуждало также все возраставшее
огущество Русского государства в Поволжье
Приуралье. Когда же в 1483 г. московские
йска появились в Угрии и, покорив вогу-
ов. а также Югорское, Обдорское и Кодское
няжества, обложили их данью, Ибак выну-
ден был просить у Ивана III дружбы и со-
за (посольства в 1489 и 1493 г. г.), на что
получил его согласие Но было уже поздно.
Изгнанные потомки Тайбугина рода, не-
мотря на видимое торжество Ибака, не оста-
ляли намерения отвоевать у него отцовское
аследие. В 1494 или 1495 г. один из них,
нязь Мухаммед (Махмет, Магмет), напал на
бака и убил его. Однако, опасаясь мщения
ставшихся в Тюмени преемников умерщ-
ленного им хана, он ушел на Иртыш, и
десь на высоком мысу, в 25 вер. выше устья
обола, нашел старое остяцкое городище
скер, на месте которого и основал собствен-
ый городок Сибирь. От имени этого городка
самое государство татарское стало назы-
аться Сибирским.

Князь Мухаммед и его преемники—Касим и
дигер в отношении Московского государства

продолжали политику Ибака: они поддерж
вали дружественные связи с Москвой, т
как по своим северным соседям (вогульски
и кодско-югорским князьям) хорошо зна
силу русского оружия. Когда же в 1550-х г
ханский род сибирских владетелей вновь
явил притязание на Сибирское княжест
дружественные связи князей с московски
государем превратились в даннические отн
шения к нему.

Представителем ханского рода в это вре
является деятельный и предприимчивый вн
Ибака, Кучум. Опасаясь нападений и захв
тов с его стороны, князь Эдигер вынужд
был искать защиты и покровительства у м
гущественного московского царя Ивана I
В 1555 г. в Москву явились послы сибирско
князя и от всей земли Сибирской поздравил
царя со взятием улусов Казанского и Астр
ханского; вместе с тем они просили ца
взять под свою защиту Сибирскую земл
под условием наложения на нее дани Иван
согласился принять в подданство Эдигера
всем его княжеством и наложил на не
дань в 1000 соболей в год. За Урал был о
правлен посол Дмитрий Непейцын, котор
должен был привести к присяге жителей С
бирской земли и произвести в ней перепи
черного населения. По подсчету его оказало
потом 30.700 чел.

Решительные действия царя Ивана IV
приведению в подданство сибирских тата

льно не понравились Эдигеру. Становясь нником московского государя, он расчитывал получить от него помощь против своих агов, а особенно против Кучума. Но на у помощь нельзя было надеяться, ибо осква была слишком удалена от Сибирского яжества, к тому же все силы ее в это емя были заняты на юге упорной борьбою Крымом. Таким образом, Иван IV не имел зможности оказать поддержку своему сирскому даннику. Обманувшись в своих ожиниях, Эдигер решил постепенно освободиться от уплаты московской дани; поэтому гда нужно было отсылать первый взнос ее, н отправил в Москву вместо 1000 только 00 соболей. Это вызвало сильнейшее неудольствие царя Ивана: он потребовал от сирского князя полной дани и присяжной рамоты о подданстве. Поставленный в крайне затруднительное положение и теснимый Кучумом, Эдигер не мог ссориться с Грозным; поэтому, не видя для себя иного выхода, он вынужден был подчиниться. Семь лет подряд н отбивался собственными силами от Кучума но, не поддержанный во-время Москвою, погиб. Кучум жестоко отомстил ему за смерть своего деда Ибака, убитого дедом Эдигера (Муаммедом): в 1563 г. хан беспощадно расправился с ним и его братом. Только племянник сибирского князя Сейдяк да несколько подвластных ему мирз крепко засели в своих городках по Туре и таким образом сохрани-

ли свою независимость Разные вогульские
южные остяцкие князьки на первых по
также оказали сопротивление Кучуму; одни
своими силами они не могли долго борот
с ханом и в конце концов подчинились е

В начале 1570-х г. г. Кучум уже проч
утвердился в Сибири. В состав его ханс
входили тобольско-иртышские и барабинск
татары и южные вогульско-остяцкие волос
Только татары, жившие по Туре, кажется
признавали власти Кучума и подчинял
собственным бикам и мирзам (Миллер, I
§ 77). Чтобы сплотить своих разноплем
ных подданных в один политический со
хан ввел среди них мусульманство, заимст
вав его из Бухары и Ургенджа (Хивы). Но
вера действительно несколько объедини
татар и финно-угров, хотя и не могла ун
чтожить последствий того общественного гн
та, которому татары подвергались со стор
своих биков и мирз. В этой объединительн
деятельности Кучуму немало также содейст
вал его родственник Мухаммед-кули (Махме
кул, Маметкул).

В отношении Московского государства х
Кучум на первых порах продолжал полити
своих предшественников. Он вошел в снош
ния с Москвой и в своей грамоте к цар
Ивану IV от 1570 г. писал между прочи
«Съ нашимъ отцомъ твой отецъ гораздо п
мирился, и гости на обѣ стороны ходили
Съ кѣмъ отецъ чей былъ въ недружбѣ, с

мъ и сыну его въ недружбѣ жъ быти при-
же.. И нынѣ похошъ миру — и мы помирим-
, а похошъ воеватися — и мы воюемся»...
этих словах Кучума проглядывала не толь-
его воинственность, но и чувство собствен-
го достоинства. Такой хан лишь до поры
времени мог терпеть обычное требование
сковской дани. Действительно, Кучума вы-
ждали к этому чисто внешние обстоятель-
ва войны с южными соседями (кыргыз ка-
ками) и независимыми от него биками и
рзами, жившими по р. Туре. В 1571 г. хан
ислал Ивану IV полную дань в 1000 собо-
й, и послы его договорились даже об еже-
дной дани на будущее время.

Однако даннические отношения Кучума к
сковскому государю были непродолжитель-
. Как только войны с соседями окончились
пользу хана и его положение совершенно
рочилось, он сбросил с себя маску покор-
сти и стал действовать вызывающим обра-
м. Уже с 1572 г. он начинает беспокоить
ермскую область, в южной части которой
ходились вотчины Строгановых, а по сосед-
ву с ними жило много татар, башкир и
гулов. Все эти народцы питали к Москве
приязнь за утрату собственной независи-
сти и при первой же возможности готовы
ли к измене и восстаниям. Ими то и ре-
ил воспользоваться Кучум в случае выступ-
ения своего против Московского государства.
днако замыслы сибирского хана были во-

время разгаданы Грозным, который проти
поставил им как военскую силу, так и русс
колонизацию Камского края и Приуралья.

---

2. *Южная Сибирь.*

Великое движение народов, вызванное ос
зованием Чингиз-хановой державы, произв
крупнейшие перемены в средней Азии, от
зилось также и на положении сибирского
селения. Из прежних племен и народов юж
Сибири в XIII—XIV в. в. остались на св
местах только енисейские кыргызы (или к
кызы) да жившие рядом с ними народцы
известного происхождения. Остальные же п
странства южной Сибири (юго западные ст
и Прибайкалье) были заняты в это вре
разными турецкими или же отуреченны
племенами и бурятами.

а) енисейские кыргызы.

Область, расположенная по верхнему те
нию Енисея, издавна была населена хакаса
и подвластными им народцами неизвестно
происхождения. Когда образовалась вели
монгольская держава, хакасы доброволь
подчинились ей (ок. 1200 г.) и стали по
этого более известны под новым имене
кыргызов. Мы видели выше, какой перево
во взаимных отношениях племен и наро
произвели в средней Азии походы Чинги
хана. Монголы, как соплеменники завоевате

его преемников, естественно получили пре-
падание над другими народами, особенно в
еделах нынешней Монголии. Турецкие пле-
на, обитавшие здесь (кераиты, найманы,
алаиры и др.) должны были уступить мон-
дам свои лучшие земли и выселиться на
вер и северо запад. Некоторые из них, от-
упая вниз по течению р. Кема (Енисея),
ились в страну хакасов-кыргызов и осели
есь по северным склонам Саян и в степ-
х местностях нынешнего Минусинского
ая.

Итак, население хакасской области уже в
I—XIV в. в. было довольно разнообразно по
рему составу. Таким же оно оставалось и
оследствии, при завоевании края русскими.
гда в XVII ст. сюда явились томские ка-
ки, они нашли здесь довольно многочис-
нные народности, из которых большинство
ходилось в хозяйственной и политической
висимости от енисейских кыргызов[1] Это
еменное разнообразие в значительной сте-
ни наблюдается в области и по настоящее
емя. Дело в том, что минусинские ино-
дцы, помимо административно обществен-
ых и союзно-родовых делений и имен, со-
анили еще деления по племенному проис
ждению на так называемые *кости* или

[1] „Черные и белые колмаки (калмыки), и киргизские люди, [illegible] и браты (буряты), и саянцы, и тубинцы, и кучегуты, и [illegible], и кызылы, и кузнецкие люди". В других документах [illegible]минаются маторы, алтырцы, ожесары, алтысары, езерцы, бай-[illegible]овцы, точи, мунгаты, сагаи, бахтинцы, иргиты, желтые саяне.

сёоки (татар sök). Прежние исследова
(В. В. Радлов, Н. А. Аристов, М Н. Бо
нов и др.) обычно полагали, что кость —
кровный союз или группа семейств, веду
свое происхождение от единого предк . З
кровный союз, путем внедрения в него
сторонних, со временем мог превратить
союз, объединенный хозяйственными инте
сами и представлениями об общем родс
связи. Однако, более правильным нам п
ставляется мнение Н. Н. Козьмина, кото
считает кость остатком племени или на
ности, утратившей самостоятельность и
денной до значения рода. История ту
представляет многочисленные примеры т
как небольшое племя усиливалось, поглощ
или подчиняло себе другие и превращал
в сильный народ, и наоборот, народ по
перенесенного разгрома низводился до по
жения небольшого племени и входил в
став более сильной народности в качес
рода. Рассматривая с этой точки зрения
временные кости у минусинских инородц
г. Козьмин устанавливает тожество неко
рых из них с теми народами, которые жил
средней Азии и южной Сибири в XIII—XVII
Так, кости найман и кераит у нынешн
кыргызов во времена Чингиз-хана были мо
щественными народами; напротив кость с
кы (саха-якуты) превратилась на севере
большой и сильный народ; кости мадыр
байгода у койбалов являются остатками с

нных народцев маторов и байкотовцев, ти сагай и иргит у аскысских инородцев— аев и иргитов XVII в., кость ызыр у аба- ских инородцев—прежних езерцев и т. д. другой стороны, некоторые вымирающие мена южной Сибири некогда были частями ого большого народа: так, черневые тата- часть аскысских племен (чистар) и сойо-, карагасы и нек. др. признаются г. Козь- ным за остатки народа туба, который вхо- в государство хакасов и одно время за- мал в нем довольно видное место.

Все названные племена и народности, не- гда населявшие хакасскую область, были ного происхождения. Господствующим на- дом среди них были енисейские кыргызы, тонки хакасов. Родственной им исследо- ели считают тубу. Чисто турецкими пле- нами повидимому были качинцы и сагайцы; исхождение остальных племен и народно- й неизвестно.

Экономические отношения в кыргызской ласти отличались преобладанием экстен- вных форм хозяйства. Мы видели, что едки кыргызов, хакасы, вели оседлый образ зни и занимались земледелием и скотовод- вом; подвластные им народцы, жившие в ной тайге (черни), добывали себе средства ществованию звероловством; все население целом принимало участие в торговом об- не страны с ближними и отдаленными на- дами. События, сопровождавшие образование

державы Чингиз хана, сильно подорвали ус
новившийся строй хозяйственных отноше
в стране. Земледелие постепенно падае
уступает место скотоводству, которое за
мало прежде почти одинаковое положени
хлебопашеством. Население понемногу б
неет Происходит усиленная погоня за до
гими мехами и за поставщиками их, чер
выми народцами. Неудивительно, что из кы
гызской земли начинается отлив населен
которое, не находя для себя достаточно выг
ных занятий, в поисках лучшей доли уда
лось на север и северо-восток.

Государственно общественные отношения
кыргызской земле XVI—XVII в.в.[1] отличали
значительной сложностью. Господствующ
положение в области занимали енисейски
кыргызы, но они не представляли чего ли
целого, а делились на самостоятельные ул
сы - княжества, во главе с независимы
друг от друга князьями. В описываемое вр
мя таких княжеств было четыре.

На правой стороне верхнего Енисея, п
течению р. Упсы или Тубы, расположено бо
лб *Тубинское княжество*, в котором обита
ли—родственная кыргызам народность туб
и подчиненные ей племена - кыштымы т
рецкого и неизвестного происхождения (ко
балы, маторы, байкотовцы, кайдынцы и др.).

[1] Для более раннего времени сведений не имеется.

По левому берегу Енисея[1], против Тубин-
го улуса, лежало *княжество Исарское*
и *Езерское*. Племена, входившие в его со-
в (кыргызы и подвластные им кыштымы—
, буга, кайдынцы и др.), нередко называ-
ь „исары" (по кыргызски—средняя часть),
как занимали середину кыргызского края.
дя по некоторым данным, исарцы прежде
дили в состав Тубинского княжества.

К западу от исарцев находилось *Алтыр-
ое княжество*, имевшее своим средоточи-
течение р. Уйбата (левого притока р. Аба-
на). Господствующее положение в княже-
е занимало повидимому кыргызское племя
рют, которому подчинялись турецкие и
реченные народцы-кыштымы (сагаи, бел-
ры, саяны и др.). Алтырское княжество
италось самым значительным из кыргыз-
их улусов и князья его пользовались боль-
м влиянием в области.

К северу от трех названных улусов распо-
жено было *княжество Алтысарское*, за-
мавшее северную часть нынешнего Мину-
нского и южную Ачинского уездов. Средо-
нием его были Божье озеро и оба Июса.
еобладающее значение в княжестве имели
видимому кыргызы, сахалар, качинцы и ар-
нцы, которым подчинялись некоторые охот-
ьи племена кыштымы (ара, камлар, баса-
, бугтин, ястых, ач и др.). В Алтысарском

[1] От нижнего течения р. Абакана приблизительно до ши-
ы нынешнего села Батеней или Батеневского хребта.

улусе господствовал дом князя Номчи, в
которого, Иренак, был самым замечатель
из всех кыргызских князей.

Основой деления кыргызской земли на к
жества - улусы были как племенные раз
чия, так и хозяйственные интересы местн
населения. Мы видели, что кыргызы госп
ствовали лишь в Исарском и Алтырском кн
жествах; тубинцы составляли преобладающ
часть Тубинского улуса, а в Алтысарском кн
жестве происходило мирное сожительство
тырех главных племен данной округи. Кро
того, кыргызские улусы представляли собою
зяйственные средоточия для местного насе
ния: так, во владении тубинских князей нахо
лись богатейшие соболиные ухожаи, а чер
Алтырское княжество проходил торговый пу
из северных стран на Алтай и в Монголи

Главную массу населения кыргызских у
сов составляли свободные люди („улусны
люди“ или „киргизские мужики“ русских и
точников), принадлежавшие к различным пл
менам и занимавшиеся земледелием, скот
водством и охотою. Повидимому не мен
многочисленным был другой общественны
класс—кыштымы, т. е. зависимые народц
данники, занимавшиеся преимущественно ох
тою и звероловством. Положение кыштым
было далеко неодинаково: в то время к
одни из них составляли небольшие владени
во главе со своими князьками, и платил
кыргызам и тубе дань мехами, другие бы

нно зависимыми, кабальными людьми кыр-
зских князей и знати. Кроме того, в кыр-
зской земле проживало немало иноземцев
лцов, торговавших дорогими мехами.

Высшее положение в кыргызском обществе
исываемого времени занимали князья и
ружавшая их знать („лучшие“ или „знат-
е улусные люди“ русских источников).
нязья всех четырех улусов повидимому бы-
в близком родстве между собою. Весьма
можно, что это был один владетельный
д кыргызских князей, отдельные предста-
тели которого управляли енисейскими кня-
ствами (Н. Н. Козьмин). Кыргызские князья
лтались родовитыми владетелями, и сосед-
государи иногда подчеркивали свое род-
во с ними.

Власть князя опиралась на его высокое про-
схождение и хозяйственное положение в
ществе. Он был богатый хозяин-скотовод,
ладавший большим капиталом — стадами.
штымы также доставляли ему значитель-
е средства: одни из них, как подданные,
тили ему дань, другие являлись лично за-
симыми людьми, которые были связаны с
и долговыми обязательствами. Словом, кыр-
зский князь XVI—XVII в.в был государем
тчинником в своем улусе. Каковы были
имные отношения кыргызских князей, в
ности неизвестно. Но в переговорах с рус-
ми обычно принимали участие одни и те же
язья; они же находились и во главе воен-

ных сил у енисейских кыргызов. Во вт
половине XVII в. князь Иренак алтысар
являлся предводителем кыргызских кня
но в чем выражались его преимущества
ними, известий до нас не сохранилось.

Торговые сношения с соседями и усл
скотоводческого хозяйства повели к воз
новению у кыргызов должностных лиц
дебными и полицейскими обязанностями
каждом княжестве был видимо главный с
ожо[1]. Затем русские служилые люди XV
упоминают об яргучи, т. е. членах адм
стративного и судебного учреждения при
зе, возникшего вероятно под влиянием
гольских и калмыцких порядков. Кроме т
в кыргызских княжествах были ясаулы,
ведовавшие продовольствием и перевозо
ми средствами иноземных послов и сборщ
дани с кыштымов (алманные сборщики).

Таким образом, кыргызское государ
дожило до XVII ст. лишь ввиде обломков
тя и удержало во внутреннем строе се
некоторые черты прежней культуры хака
Раздробленность и слабость кыргызов сд
ли из них предмет вожделений со стор
русских, монголов и джунгаров. Весь

[1] Н. Н. Козьмин предполагает, что власть ажо или
древних хакасов развилась из его судебных функций и его
чения, как представителя правосудия. Когда же государств
единство пало и его устои расшатались, то центральная в
в лице ажо постепенно исчезла и сам ажо остался лишь
своих судебных функциях. А затем и в каждом отдельном
жестве появился свой ожо-судья (Туба, Сиб. Заб. 1918 г.,
стр. 39—40).

и начало XVIII-го на верхнем Енисее
упорная борьба за обладание краем. В
гызские княжества неоднократно вторга-
с войсками халхаские ханы, джунгар-
хун-тайджи и русские воеводы и произ-
т здесь сильные опустошения. Кыргызы
ются подданными то одного, то другого
своих южных соседей, пока наконец исклю-
льные обстоятельства не вынуждают их
титься к русским за помощью и покрови-
ством.

то же представляли собою в это время
ые соседи кыргызов—монголы и джунгары?
еликая монгольская держава, как извест-
уже во второй половине XIII в. стала кло-
ся к упадку и постепенно распадаться на
льные национальные государства. Но по
того, как слабела власть преемников
гиз-хана, к северу от Гобийской пустыни
ивались монгольские княжества, распо-
енные в Халхе (сев. Монголия) и по юж-
склонам Алтая и Саянских гор. Хакасы
гызы и другие турецкие и отуреченные
ена южной Сибири, подчинявшиеся г.ре-
великим ханам монгольским, теперь не-
жно должны были попасть в зависимость
анов халхаских, прозванных за свое бо-
тво алтын-ханами (т. е. золотыми ханами).
юго-западу от них, по северным склонам
Шаня и Нань-Шаня в это время коче-
западно-монгольские орды ойратов (или
ыков), делившиеся на четыре племени

— тургут, хошот, дурбот (или хойт) и
гар (или джорос); последнее обитало в
шней Джунгарии и было самым многочи
ным и сильным из ойратских племен, о
нередко и все западно-монгольские орд
зывались джунгарскими.

Джунгары, по сообщению китайских
риков, в XVI в. еще не знали земледе
занимались скотоводством; пищею их
мясо, а напитком служило коровье и ко
молоко. Общественный строй джунгаров
ределялся родовыми отношениями, п
каждый род носил особое название и
вичи не могли вступать в брак межд
бою. Главный правитель их носил кита
имя—хун-тайджи (контайша) и опирал
знать (тайджи, тайши) и дворянство (зай

Ойраты особенно стали известны в А
того времени, как джунгарские хун-та
Талай-Батур (Багатир) и Сенга покори
ойратские племена и, образовав в Зап.
голии сильное *Джунгарское государ*
чали упорную борьбу с монгольскими а
ханами за преобладание в Халхе. Осо
грозным для халхасцев был знаменитый
тайджи Галдан (1671—1698), который
тел распространить над ними свое вла
ство, но эти планы вовлекли его в опа
войну с Китаем, во время которой он
славно погиб.

Таковы были политические обстоятел
к югу от Саян. Взаимная борьба джунга

айджи с монгольскими алтын-ханами в
м была бы вполне благоприятна для
ызов, еслибы с севера на них не надви-
ь русские. Завладев к этому времени
)—1670 г. г.) уже значительной частью
ри, они обратили свои взоры на богатый
твенными произведениями кыргызский
и вызвали кыргызов на продолжительную
ру. Не имея возможности выставить на
южно сибирской окраине достаточные
Московское государство стало искать
союзников и вскоре же нашло их в лице
ских алтын-ханов. Последние уже давно
упорную борьбу с джунгарами и, изне-
в ней, также желали получить помощь
сских. Таким образом одинаковые инте-
Халхи и Московского государства вели
взаимному соглашению. В начале XVII в.
у обоими правительствами завязались
ения, которые, хотя и не привели к фор-
ому соглашению сторон, однако значи-
о повлияли на политическую обстановку
ной Сибири.

ргызские князья вначале искали было у
-ханов помощи против русских, но, когда
и о сношениях их с Москвою, решили
иться к джунгарам. Во второй половине
х г. г. они признали над собою власть
айджи и с тех пор кыргызский край
тся зависимым владением Джунгарского
арства вплоть до половины XVIII в.
ко господство джунгаров не сразу уста-

навливается на Енисее. Хун-тайджи заст
ются правда за кыргызов пред москове
правительством, но так как войны в сре
Азии отвлекали все внимание их от сев
то кыргызские князья были в сущности
доставлены собственным силам. Тесним
юга халхасцами, они в 1640-х г.г. вынужд
были снова платить дань алтын-хану, а
из князей, Бехтеней, признал над со
власть русских (1648 г.).

Несмотря на изменение обстоятельств, а
хасцы попрежнему продолжают нападат
кыргызов, пока деятельная поддержка зн
нитого джунгарского хун-тайджи Галдана
избавила их от вторжений со стороны М
голии. Почти одновременно с этим (16
1680-ые г. г.) среди кыргызских князей
двигается алтысарский князь Иренак (Ере
Ерначко русских источников), человек огр
ной энергии, большого ума и смелого поч
Он поставил своей задачей объединить вок
себя других кыргызских князей и застав
их признать его господство над всем кр
ибо только таким путем и можно было
здать единство в командовании военн
силами, а также в направлении внешне
внутренней политики кыргызской земли.

Из трех политических сил своего врем
—джунгаров, халхасцев и русских — Ире
выбрал первых, так как правители их, у
ченные широкими политическими планам
средней Азии, могли менее всего угрож

:обытности кыргызов и их независимости
·внутренних делах. Правда, выбор его впо-
:дствии при изменившихся условиях при-
1 даже к гибели родной земли, но для
:ного времени предпочтение джунгаров
м другим соседям было вполне це-
:ообразно. Халхасцы, разбитые хун-тай-
: Галданом, теперь были уже неопасны
гызам. Зато против русских, стремив-
:ся к югу, Иренак повел решительное на-
:ление. Он предпринимал частые походы
:русские городки и острожки и сжигал их,
этом неоднократно наносил поражения
:жеским отрядам. Неукротимая деятель-
ть и воинственность Иренака произвели
·московское правительство настолько силь-
1 впечатление, что, не обладая крупными
нскими силами в южной Сибири, оно вы-
:дено было вступить с ним в мирные пере-
оры и до поры-до времени прекратить на-
:пательное движение против енисейских
ргызов
Таковы были внешние отношения кыргыз-
ой земли при кн. Иренаке. Что касается
нутреннего порядка, то владычество алты-
:ского князя и подчинение кыргызов джун-
:ам немало способствовали объединению
:ырех енисейских княжеств. В кыргызской
:ле появляется посланник или представи-
ь хун-тайджи, который живет обычно в
:вке алтырского князя, совместно с кыр-
:скими князьями ведет переговоры с рус-

скими и участвует в устройстве военных с
Новые условия вызывают к жизни и нов
учреждение—собрание или съезд кыргызск
князей и представителей знати, под пред
дательством джунгарского посланника. Э
съезд решал повидимому все важнейшие де
на нем иногда выслушивались русские пос
причем переговоры с ними велись от ли
собрания одним из кыргызских князей. Вооб
владычество джунгаров на Енисее принес
с собою кыргызам порядок и тишину. Х
тайджи пытались также поднять хозяйств
ную дятельность кыргызского населения: о
всячески способствовали развитию торгов
пробовали строить каменные города и вып
сывать от соседей земледельцев и ремесле
ников.

Однако, джунгары, так много сделавш
для ограждения самостоятельности кыргыз
во внутренних делах и упрочения у н
внешнего порядка, сами же и погубили кы
гызское государство. Кыргызская земля бы
как мы видели, источником постоянных сто
кновений между крупнейшими политически
силами Сибири и средней Азии. А меж
тем джунгарские правители, увлеченные ш
рокими политическими планами в Монголи
и Туркестане, более всего нуждались в ми
с русскими, так как не желали быть связа
ными в своей борьбе с Китаем. Такова бы
основа „события 1703 г.“ В этом году ху
тайджи Цаган-Араптан явился с войсками н

исей и увел к себе в Джунгарию до $2^1/_2$ сяч семейств кыргызской знати и князей. явление джунгаров было столь неожидан- что рядовые кыргызы и кыштымы не гли оказать им сопротивления и разбежа- лись с семьями по горным местностям.

Увод кыргызской знати и князей в Джун- рию произвел на местное население силь- йшее впечатление. Исчезли представители асти и охранители личности, труда и иму- ства; вместе с ними исчезла и кыргызская ударственность. Лишившись безопасности, селение кыргызского края вынуждено было атиться к русским и просить их „построить рогъ для обережи отъ иныхъ землицъ". ким образом, кыргызскую государственность енила русская; она должна была принести собою прочный порядок и восстановить в ласти нормальные условия жизни.

г) кыргыз-казаки.

К западу и юго-западу от енисейских кыр- зов, в аральско-иртышских степях кочева- многочисленные турецкие племена, боль- инство которых было вытеснено сюда из онголии во времена Чингиз-хана и вошло состав Джагатайского и Кипчакского улу- з. К югу от них, в горных местностях за- дного Тян-Шаня с давних пор обитали ка- -кыргызы, которые некогда отделились от исейских кыргызов и, удалившись в сред- ю Монголию, смешались здесь с местными

турецкими поколениями. За монгольскую эпо-
ху о кара-кыргызах почти не имеется исто-
рических данных, и только в XV в., во вре-
мя падения Джагатайского государства, это
племя становится более известным. В первой
половине этого столетия кара-кыргызы для
защиты внешней безопасности соединяются с
тремя турецкими племенами юго-западной
Сибири—канглами, кипчаками и дулатами-і
и образуют *Кыргыз-казачий союз*.

Новое государство занимало степные про-
странства между Алтаем и Сыр-Дарьей и в
начале XVI в. насчитывало уже более 1 мил.
населения, которое почти все занималось ско-
товодством. Кыргыз-казачий союз состоял из
родов и племен, внутреннее управление ко-
торыми принадлежало их родоначальникам
было основано на родовых обычаях. Во гла-
ве союза находился хан, который ведал глав-
ным образом внешними сношениями государ-
ства. Власть хана была сильно ограничена
влиянием родоначальников, без разрешения
которых он не мог собирать ни народного
ополчения, ни средств на его содержание.
Если хан обнаруживал стремление действо-
вать самостоятельно или пробовал принудить
роды к повиновению, родоначальники остав-
ляли его и, найдя другого хана, объявляли
его государем на всей своей воле. Такая за-
висимость от родов была невыносима для
наиболее деятельных из кыргыз-казацких ха-
нов. Неудивительно, что они стремились ов-

здеть Туркестаном, чтобы иметь здесь опо-
своей власти вне родовых отношений. В
онце XVI в. один из них, Тевеккель-хан,
ривлек к себе кочевников богатою добычею
успел утвердиться в Ташкенте и Туркеста-
е. Здесь же оставались и его преемники,
отя власть их над кыргыз-казаками, как и
режде, была слабой и неустойчивой.

Во второй половине XVI в. восточные ро-
ы кыргыз-казаков начали испытывать на се-
е сильнейшее давление со стороны ойрат-
ких племен и особенно джунгаров. Не по-
учая поддержки от западных родов и от ха-
ов, занятых своими делами в Туркестане,
ни не могли оказать ойратам успешного со-
ротивления и отодвинулись на северо-запад.
В том же направлении, под натиском джун-
аров, в XVII в. отошли и западные кыргыз-
азацкие роды. Таким образом, все кыргыз-
азаки собрались в степях по средним и верх-
им течениям Иртыша и Ишима.

Передвижение на северо-запад и устрой-
тво на новых кочевьях вызвали новую груп-
ировку кыргыз-казацких родов. Юго-восточ-
ые древнейшие роды дулатов и канглов ста-
и именоваться Старшею или Большою ор-
ою; кипчаки и позднее присоединившиеся
ним роды других турецких племен (аргы-
ов, найманов и кераитов) составили Сред-
юю орду, а отделившиеся от нее роды, в
оединении с родами племени алчин, образо-

вали Младшую или Малую орду. Две последние орды, под давлением джунгаров, в начале XVIII в. близко подошли к русским границам на Ишиме, Тоболе и Урале[1] и в 30-е г. г. этого столетия вынуждены были вступить в русское подданство. Четверть века спустя, когда китайцы разрушили Джунгарское государство (1756—1758 г.г.) и овладели его восточными землями, происходит окончательное разложение Кыргыз-казачьего союза. Роды Большой орды удаляются на юг, в горную страну западного Тян-Шаня, а некоторые роды Средней орды (найманские и кераитские) возвращаются на свои прежние места по верхнему течению Иртыша. С занятием русскими северного Туркестана и прииртышской области (вторая половина XVIII—первая XIX в.), те и другие утрачивают свою независимость и принимают русское подданство.

д) буряты.

К востоку от енисейских кыргызов в XII—XIII вв. появляются новые соседи, монголо-буряты (по-русски—браты). Некогда жители Забайкалья, они были затронуты во времена Чингиз-хана переселением монгольских и турецких племен и сами двинулись в юго-западном направлении. Часть бурят при этом

---

[1] Малая орда кочевала тогда к востоку от р. Урала-Яика на пространстве теперешней Уральской области и западной половины Тургайской; Средняя орда занимала восточную половину Тургайской и часть Акмолинской, а Большая орда кочевала к югу от двух первых, в северном Туркестане.

сталась на своих прежних местах, другая же, ройдя по южному берегу озера, явилась в Прибайкалье и после некоторой борьбы вы-еснила отсюда на север обитавших здесь анее саха-якутов.[1]

С древнейшим бытом бурят мы знакомимся о переживаниям в обычаях и приемах ныне же исчезнувшей артельной охоты „зэгэтэ-аба" ли „аба-хайдак", по некоторым шаманским зывaниям и обрядам и отрывочным преда-иям бурят. Изучением всех этих невеще-твенных остатков старины много занимался свое время М. Н. Хангалов, который по-ытался восстановить по ним древнейший ыт бурятского племени.

Древние буряты находились в полной за-исимости от окружавшей их природы. Они, ко изображению г. Хангалова, вели бродячий браз жизни и меняли свои занятия по вре-енам года: летом, живя по берегам рек и зер, занимались рыболовством, зимою ухо-или в леса и добывали себе средства к про-итанию артельной охотой. Первоначально охотой занимались небольшие артели охотни-ов, но впоследствии она сделалась заботой елого общества или племени, превратилась зэгэтэ-абу и легла в основу жизненных от-ошений древних бурят, определив многие ормы их быта. Артельная охота соединяла в дно по нескольку сот и даже тысяч муж-ин и женщин и происходила под руковод-

[1] Об этом см. выше стр. 143, 182—183.

ством вождя, который сначала выбирался
шаманов (галша), а потом из представите
отдельных родов (хюнци-ноён). Вождю бе
прекословно подчинялись все участники охот
Когда в той или иной местности зверь ос
девал, буряты в поисках добычи далеко у
дили от своих жилищ и обычно уже не во
вращались на старые места.

Необходимость постоянно вести бродяч
образ жизни, т. е. делать большие перехо
на дальние расстояния и останавливаться
глухих лесистых местностях, богатых добыче
не позволяла древним бурятам заниматься
скотоводством, ни земледелием. Естествен
поэтому, что пищею им служили—мясо ж
вотных и птиц, рыба, корни некоторых раст
ний, иногда растертые в муку, ягоды и гриб
напитками же были вода и древесный со
Мясо и рыбу варили в деревянных и берест
ных сосудах, причем чтобы вскипятить вод
в нее бросали раскаленные камни; иногда ж
сосуд с жидкостью ставили прямо на огон
У очень немногих бурят употреблялась и ме
таллическая посуда, доставлявшаяся вероятн
из Монголии и Китая в обмен на шкуры
меха. Одежда изготовлялась из звериных
шкур. Жилища древних бурят были вполн
приспособлены к их бродячему образу жизни
это были конусообразные палатки, сделанны
из жердей и покрытые шкурами или сосно
выми ветвями, с отверстием вверху для вы
хода дыма. Зимою палатку забрасывали сне

.м. Внутри нее разводился огонь и храни-
:сь утварь, оружие и рыболовные снасти.
ружие для войны и охоты частью пригото-
:лялось самими бурятами, частью же вы-
:зилось из Монголии. Главным оружием были
к и стрелы. Многие имели повидимому
:чи и копья и почти у всех бурят были
:жи, необходимые в повседневной жизни, и
:поры. Рыболовные принадлежности отли-
:лись также большою простотой: это были
:трога, волосяной невод и морда из таль-
:жка. Лодки у древних бурят либо выдалбли-
:лись из куска дерева, либо сшивались из
:резовой коры.

:Общественный строй древних бурят всецело
:оникнут военно-охотничьим духом и пред-
:авлял в сущности порядки большой артели
:эгэтэ-аба). Власть руководителя охотничьей
:тели обычно соединялась с властью воена-
:льника, правителя и судьи. Во главе бу-
:тского общества-артели первоначально на-
:дился шаман-галша, а впоследствии—глав-
:ий родоначальник хюнша-ноён. Вождь галша
:л не только светским начальником, но и
:ховным главою. Должность его была сна-
:ла избирательной и только потом сделалась
:следственной. Помощником галши был
:бши, который повидимому также избирался.
:евне-бурятская артель-община распадалась
. несколько племенных или родовых групп,
:ждая с предводителем-засулом во главе;

группа в свою очередь делилась на меньш
группы, по 20 чел. в каждой.

Сообразно такому устройству власти древне
бурятское общество имело еще второе деле
ние—на разряды или классы. Высший кла
составляли семейство и родственники галщ
его помощник тобши, другие начальник
богачи, породнившиеся с представителя
власти, и кузнецы, занимавшие у бурят об
бое положение, в силу своего ремесла.
средний класс входили засулы и все те, к
имел коня и мог выезжать верхом на обла
или на войну. Низшее положение в буря
ском обществе занимали все пешие чле
его. Лица первых двух классов нередко н
нимали себе работников (холхонши), приче
если последние приобретали состояние и к
ня, они переходили в средний класс общ
ства. У древних бурят были еще рабы (ху
ханши), набиравшиеся повидимому из пле
ных и крайних бедняков, служивших из-
пропитания. Из них обычно назначались жер
вы и убивались в случае смерти галши ил
других высших лиц, для услужения им в за
гробной жизни; из них же повидимому выб
рали людей и для жертвоприношения злы
духам,—поэтому рабов кормили на обществен
ный счет.

Религиозные верования древних бурят, ка
и вся их материальная жизнь, отличалис
простотой и несложностью. По их предста
лениям, человек умирает, а душа его живе

загробной жизни, как и люди на этом свете. ши людей, по их смерти становятся боже- вами-духами, которые разделяются на три зряда. Души галши, его родственников и мощников, богатых и кузнецов являются сшими духами, тэнгриями, которые жи- т на небе, управляют всем и всячески за- тятся о людях и защищают их от всего рного. За ними следуют души простых лю- й, это — духи-бохолдои, которые живут на мле и странствуют по разным местам в чное время. Еще ниже их находятся духи- рьмяханы, состоящие в полном подчинении высших божеств, так как при жизни они ли душами рабов и рабынь. Все божества, обенно же тэнгрии, входят в близкие от- шения к человеку, но зато и требуют от го исполнения некоторых обрядов. Послед- е первоначально выполнялись частью все- бурятами, частью их вождями, которые единяли в своих руках власть светскую духовную. Однако постепенно совершение лигиозных обрядов перешло к особым ду- зным лицам, шаманам (бугэ) и сделалось преимуществом. Пользуясь этим, шаманы хватили власть в бурятском обществе и стали долгое время господами положения. С па- нием шаманов, власть над бурятами пере- а в руки представителей родов под на- ством главного родоначальника хюнши- на, который и заменил собою прежнего мана-галшу.

Торжество родового управления, по изобра-
жению г. Хангалова, совпало у древних бу-
рят с переходом их к новым хозяйственным
формам общежития, разведению скота. Пер-
вое знакомство их со скотоводством началось
путем военной добычи и обмена скота на
звериные шкуры. Переход к новым занятиям
облегчался тем, что по соседству с бурятами
находились монгольские и минусинские степи
с их многовековым кочевым хозяйством. Сна-
чала количество скота у бурят было незна-
чительно и им очень дорожили. На это ука-
зывает обычай хонаха, существовавший толь
ко у древних бурят. Он состоял в том, что
животное (напр., корову или барана) не ре-
зали, а только надрезали ему жилу и выпу-
скали из нее крови настолько, чтобы живот-
ное могло еще жить. Обзаведясь рогатым
скотом, буряты скоро заметили, каким под-
спорьем в их жизни он может служить и
насколько разведение его выгоднее и удоб-
нее постоянной охоты на зверя; поэтому они
стали заботиться о разведении домашнего
скота и об уходе за ним. Животным требо-
вался корм, отсюда буряты в летнее время
стали заготовлять сено, а зимой жить на тех
местах, где оно собрано. Бродячая жизнь по
лесам для лова диких зверей сделалась уже
невозможной, так как скот не мог пробираться
по чаще и требовал лишних людей для охра-
ны. Буряты вынуждены были селиться в от-
крытых и удобных местах для скотоводства,

по мере развития его старинная зэгэтэ-аба
постоянной стала превращаться во вре-
нную, пока наконец совсем не утратила
коего прежнего значения.

С изменением условий хозяйственной жиз-
и бурят, изменился и строй их обществен-
их отношений. Падение артельной охоты
эгэтэ-абы), объединявшей прежде бурят, по-
ло к окончательному распадению племени
многочисленные роды. В первое время они
ападали друг на друга, угоняли скот и по-
щали женщин; вследствие этого между ни-
и возгоралась вражда и дело нередко дохо-
ило до вооруженных столкновений. Иногда
ебольшие роды терпели обиды и притеснение
о стороны значительных, — тогда первые ста-
и соединяться в родовые союзы и общими
илами защищаться от больших и сильных
одов. Убедившись в значении родовых сою-
в, в них начали входить и некоторые боль-
ие роды. Для установления внутреннего по
ядка, в союзах постепенно образовались
удобные суды, на которые собирались пред-
ставители от каждого рода и где разбирались
авшиеся споры и дела. После суда родовой
ъезд заканчивался увеселениями и праздни-
ом: устраивали стрельбу в цель, борьбу,
скачки и бега.

В таких чертах представляется теперь ста-
инная жизнь бурят со времен господства у
их золотой абы и сменившего ее первобыт-
ого скотоводства.

Военно охотничий быт бурятского племени М. Н. Хангалов приурочивает приблизительно к XV—XVI вв., тогда как М. Н. Богданов более основательно отодвигает „эпоху зэгэтэабы“ к тому времени, когда складывалось военно-кочевое государство монголов, объединившихся позднее под властью Чингиз хана. Действительно, общественный строй и хозяйственные отношения бурят ко времени прихода русских уже настолько отличались от описанного выше уклада жизни, что на развитие их должно было потребоваться гораздо более продолжительное время, чем указанные г. Хангаловым 1—2 столетия. Поэтому, мнение г. Богданова, как более правдоподобное представляется нам совершенно приемлемым.

Главным источником для изображения бурятской жизни пред временем русского владычества являются отписки енисейских и якутских казаков своим воеводам и московскому правительству. Судя по ним, буряты в начале XVII в. делились на три племени — булагаты, ихириты и хоринцы. Резкого территориального разделения между ними не существовало; однако булагаты обитали преимущественно по Ангаре и ее притокам, ихириты — по верхнему течению Лены вперемешку с тунгусами, а хоринцы жили главным образом в Забайкалье, где они соседили с тунгусами (на севере) и монголами (по р. Селенге). Каждое племя делилось на роды и иные низходящие подразделения. Во главе прибайкаль-

ских бурят в начале 1640-х г.г. стоял князь Чекодей (из племени булагатов), а позднее его князь Булуй (из ихиритов) объединил под своею властью повидимому все три бурятские племени (Богданов).

Общение между бурятскими племенами в то время было довольно тесное, хотя в области хозяйственных отношений они заметно различались между собою. В то время как булагаты, ихириты и жившие к юго востоку от них селенгинские монголы разводили преимущественно рогатый скот, хоринцы имели табуны коней. Кроме того, прибайкальские буряты были знакомы с земледелием и сеяли просо в долинах Ангары и Лены и на острове Ольхоне. В соляных озерах и источниках буряты добывали соль и вываривали ее в котлах. В долине Ангары и повидимому в других местах они находили железную руду и разрабатывали ее; у бурят были также мастера-серебренники которые довольно искусно украшали седла, ножны и пояса.

Отношения бурят к тунгусам и монголам в общем были мирными: с первыми они находились в постоянных торговых сношениях — те сбывали им пушнину и в обмен на нее получали скот и просо. Излишек дорогих мехов буряты продавали в Монголию на серебро. Только с енисейскими кыргызами и подчиненными им племенами (тубой, карагасами и т. д.) с русскими буряты вели постоянную борьбу. Одолев карагасов и обложив их данью,

буряты сделали несколько нападений на тубу
и попытались пробраться к Енисею. Однако
появление русских с севера в 1620 х г. г.
отвлекло бурят от движения на запад и за-
ставило их сосредоточить все свои силы для
борьбы с этим спасным и сильным врагом.

3. Восточная Сибирь.

В XIII—XIV вв. закончились крупнейшие
передвижения сибирских племен и народов.
Большая часть Вост. Сибири оказалась за-
нятой тунгусами, которые на Амуре были
перемешаны с маньчжурскими племенами; в
центре поселений тунгусов осело якутское
племя, а к северо-востоку от тех и других
находились остатки древнеазийцев.

а) маньчжуро-тунгуские племена.

Мы оставали тунгусов в то время, когда
большая часть их выселилась с Амура в При-
ленский край, а среди племен, оставшихся
в Приамурье, происходили разные передви-
жения, вызванные удалением отсюда на юг
китаев (X в.), маньчжуров (XII в.) и отчасти
монголов (XII—XIII в.в.)[1]. Известий об амур-
ских племенах и народцах за XIV—XVI в. в.
не сохранилось, и только от первой полови-
ны XVII в. до нас дошли сообщения русских
людей (Пояркова, Хабарова и др.) как о на-
селении области, так и об образе жизни его.

По верхнему и среднему течению Амура в
указанное время жили родственные маньчжу-

[1] См. выше стр. 180—182.

фам племена—дауры, гогули и дучеры (или дю-
черы); восточнее их, в низовьях Амура, один
за другим располагались рыболовческие и охот-
ничьи тунгусские народцы нгзны (ольчи) и нат-
ки (гольды) и древнеазийцы гиляки. К северу
от названных племен и народцев, по Станово-
вому хребту и его южным склонам и отро-
гам, кочевали тунгусы-оленеводы — о́ирары, ма-
негры (манегирцы) и орочи (орочоны).

Наиболее подробные сведения дошли до нас лишь о даурах и дучерах. Они занимали в то время обширное пространство, обнимав-шее верхний и средний Амур с его притока-ми: с севера и запада их окружали кочую-щие тунгусы, на юге они соседили с мон-гольскими племенами. Дауры и дучеры вели вполне оседлый образ жизни и занимались земледелием, огородничеством и отчасти охо-той и скотоводством. В долинах Амура и Зеи они возделывали шесть сортов хлебных ра-стений (овес, ячмень, просо, гречиху, горох и коноплю), причем запасное зерно хранили в больших земляных ямах, а из овса в боль-шом количестве выделывали крупу. Немало разводили они овощей и плодовых деревьев (огурцы, мак, бобы, чеснок, яблони, груши, грецкие и лесные орехи); охотились главным образом на соболя, а из домашних живот-ных у них водились лишь лошади и коровы. Естественные произведения своего края дауры и дучеры выменивали у кочевых тунгусов на меха, у китайцев же — на различные товары

(шелковые ткани, металические изделия и проч.).

Сообразно таким занятиям оба народа и близкие им гогули имели прочную оседлость, находившуюся повидимому под сильным китайским влиянием. Дучеры жили в значительных селениях, состоявших из 60—80 домов, а гогули наоборот — в небольших, средним числом от 6 до 10 жилищ. У дауров и дучеров имелись, кроме того, укрепленные городки разной величины, расположенные главным образом по Амуру. Хабаров и другие русские люди, бывшие здесь в 1650-х г.г., упоминают об одиннадцати городках, из которых наиболее важными были Албазин, Гугударов и Толзин.[1] Некоторые из них (напр., Албазин) были хорошо укреплены. Крепостные стены делались из дерева, с башнями и глубокими рвами; под башнями устроены были небольшие ворота для вылазок и потайные проходы к реке. Внутри города находились большие деревянные здания с окнами, затянутыми бумагой; они состояли из одного покоя и могли вмещать в себе до 60 человек. Население некоторых даурских городков было довольно значительное (от 500 до 1000 чел.): при нападении же неприятеля в них собирались еще жители соседних местностей и оставались здесь до минования опасности.

---

[1] Первый находился на Амуре к востоку от Тунгирского волока, второй — на той же реке ниже, а третий — на расстоянии одного дня пути ниже устья р. Зеи.

Об общественном строе и политических отношениях у дауров и дучеров мы знаем сравнительно мало. Главную массу населения составляло простонародье, жившее по селам и отчасти городам и занимавшееся возделыванием хлеба, овощей и плодов. Высшее положение в обществе занимала многочисленная знать и князья. Каждый городок или несколько городков, с прилегающими к ним деревенскими поселениями, представляли собою независимые владения, с одним или несколькими князьями во главе. Так, на верхнем Амуре, пред временем прихода в край русских находилось значительное княжество Павкая владевшего Албазином и еще четырмя городками. Там же лежало небольшое владение кн. Тоенчи, имевшего у себя до ста подданных. Вниз по реке расположено было довольно сильное княжество, имевшее своим средоточием три рядом стоявшие городка; в каждом из них было по князю, но главным из них был повидимому кн. Гугудар. Еще ниже по Амуру, недалеко от устья р Зеи, находилось четвертое владение, которым управляли три князя (Турунча, Толга и Омутей), жившие в хорошо укрепленном городке Толгине; у них было до 1000 подданных.

Все названные дауро дучерские владения по приходе русских подчинялись Китаю и платили ему дань. Ежегодно за нею приезжало на Амур маньчжурское посольство, которое привозило с собою также разные то-

вары; до 50-ти человек из этого посольства оставалось на Амуре до тех пор, пока через год на смену им не приходили из Китая другие. Подчиняясь Китаю, сами дауры взимали дань со своих северных соседей—тунгусов (бираров, манегров и орочей).

Что касается иных амурских племен и народцев (напр., натков гиляков), то они в своих внутренних и внешних отношениях были совершенно независимы от соседей.

Тунгусы Вост. Сибири некогда вышли из Амурского края и первоначально занимали своими кочевьями верхнее и среднее течение Лены, с ее притоками—Витимом и Олекмой. Отсюда уже они начали расселяться по всем направлениям. и нашествие якутов (XIII или XIV вв.) только ускорило это распространение племени по территории Сибири. Одна часть тунгусов вероятно еще в XIV в. дошла до Енисея. другая удалилась к берегам Студеного моря. некоторые из них заняли область правых притоков Лены. расселившись при этом вдоль Станового хребта и по северо западным берегам Охотского моря (ламуты), иные же удалились снова к югу и прочно осели по верхнему течению Ангары и в Забайкалье. Почти в центре этой огромной площади, по среднему течению Лены и Алданско-Анги-ского плоскогорью. жило якутское племя.

Таковы были повидимому границы расселения тунгусского племени в XIV — XV в. в.; такими же они остались и в первую половину XVII стол.

В описываемое время тунгусы вели бродячий образ жизни. Страна их населена была тогда еще слабее, чем теперь и изобиловала дичью и пушным зверем; поэтому главным занятием их были охота и звероловство. Многие из них, особенно жившие по Енисею, Лене, Витиму и Олекме и др. местам, имели стада оленей, а некоторые напр., по Охотскому морю промышляли еще рыболовством. Все эти занятия вполне обеспечивали тунгусам безбедное существование и доставляли даже средства для приобретения необходимых предметов путем обмена их на пушные товары. По мере заселения края и уменьшения животных, служивших предметом охоты, часть тунгусов принуждена была перейти к скотоводству и к кочевой жизни. Это в широких размерах имело место в южном Забайкалье, где значительное тунгусское население, стесненное соседними кочевниками (бурятами и монголами), еще в первой половине XVII в. взялись за более выгодное разведение коней и рогатого скота, хотя и продолжало прибегать к охоте как к добавочному источнику пропитания.

В поисках дичи и пушного зверя тунгусы постоянно переходили из одних местностей Сибири в другие, причем обнаруживали не-

обычайную подвижность. Иногда они предпринимали весьма отдаленные перекочевки, хотя и не вызывались к тому действительной необходимостью. Достаточно было, чтобы лишь один год оказался неблагоприятным для промысла зверя, как они собирались в какую-нибудь отдаленную местность, где по слухам в данном году зверь добывался в изобилии. Снимались с места не только одинокие тунгусы, но и целые семьи, а иногда и значительная часть целого рода трогалась в путь, чтобы покинуть родные места на несколько лет. Если обстоятельства благоприятствовали им на новых местах, они оставались там неопределенно продолжительное время, пока опять что-либо не заставляло их передвигаться дальше или возвращаться назад. Раз тронувшись в путь, тунгусы обыкновенно не скоро останавливались, и нередко движение, начатое отдельными лицами или семьями, продолжалось целые годы и даже десятки лет, охватывая все большую и большую часть тунгусов известной местности (С. К. Патканов). Таковы особенности кочевой жизни тунгусов в настоящее время; неизменной эта жизнь, по сообщению путешественников, оставалась в XVIII в. такой же образ жизни тунгусы, судя по некоторым данным, вели и в первой половине XVII в.

Необычайная подвижность тунгусского племени весьма мало способствовала созданию у них устойчивых общественных отношений.

Тунгусы издавна делились на роды, происшед-
шие в большинстве случаев из разросшейся
семьи. Роды назывались или по имени родо-
начальника, или по названию урочищ, рек и
местностей, где первоначально жили родови-
чи, либо прозвищ по названию частей других
племен, которые слившись вошли в состав
тунгусского племени. Каждый род управлялся
старейшиной или князем (даруга), звание ко-
торого было наследственно. У некоторых тун-
гусских родов в Забайкалье кроме князьков
(тайши, тоями), имелось еще несколько
зайсанов или низших начальников, которые
избирались из семейств благородного звания.
Таким образом, среди родовичей уже существо-
вало деление на простых и благородных; по-
следние, помимо происхождения, обладали
еще состоятельностью или богатством и по-
видимому находились в близких отношениях
к старейшине-князю.

Тунгусский род имел собственные земли,
селиться на которых не позволялось посто-
ронним и чужеродцам. Так как рыбы, дичи и
зверя в ту отдаленную пору было еще много,
то все родовичи пользовались одною собствен-
ной землею. С течением времени местность,
заселенная каким-либо родом, постепенно
превратилась как бы в особое владение, ко-
торое первые русские люди в крае обозначали
привычным для себя словом „волость". Так,
напр., в начале XVII в по Ниж. Тунгуске
была расположена Кипанская волость, с кня-

зем Илтиком во главе. По В Тунгуске или Ангаре тогда же находились владения князей Ялира, Иркинея и Тассея. Но самым видным из тунгусских князей на Енисее в начале XVII в. был воинственный и предприимчивый Данул, под предводительством которого енисейские тунгусы предпринимали постоянные набеги на русские острожки, пока наконец не были разбиты на голову московскими войсками (1615 г.). Кн Данул являлся как бы вождем западно тунгусских родов и командовал отрядом войска, который обращал на себя невольное внимание русских казаков. 300 человек тунгусов, были одеты в одинаковую одежду из оленьих шкур и вооружены пальмами (длинный нож на палке), луками и стрелами. У некоторых из них, повидимому князей, имелись даже шлемы и железные чешуйчатые щиты, вероятно иноземного происхождения. Что касается тунгусов других местностей Сибири, то у них, судя по сохранившимся данным, совсем не было такого воинского устройства, не замечалось и стремления защитить свою независимость.

б) якуты.

Покинув, под давлением бурят, южное Прибайкалье, саха-якуты спустились по Лене до Ленско-алданского плоскогорья, где и встретились с многочисленными тунгусскими племенами Последние оказали пришельцам упорное сопротивление, но, подавленные сплочен-

ностью якутов, должны были уступить им свою землю и расселиться по обширным пространствам Вост. Сибири. Якуты пришли на север целою ордою, с кибитками и скотом, и, одержав верх над тунгусами, надолго остановились на Ленско-алданском плоскогорье. Воспользовавшись местами, удобными для скотоводства, рыбной ловли и звериного промысла, они хорошо приспособились к новому краю и выросли в многочисленный и сильный народ. Их скот также привык к новым условиям и со временем доставил своим хозяевам прочную основу существования.

Каким же образом развивалась жизнь якутского племени на вновь занятых им местах?

Источниками для изучения данного вопроса являются главным образом остатки старины в современном общественном строе якутов, их устные предания и данные якутского языка. На основании изучения этих источников современные исследователи —Э. К. Пекарский и В. Л. Серошевский попытались восстановить старинную жизнь якутов до времени русского господства в крае.

Якуты жили в старину отдельно разбросанными дворами юртами (нал), которые находились один от другого на значительном расстоянии и были населены якутскими семьями. В состав старинной якутской семьи входили не только лица, связанные между собою кровным родством, но иногда и совершенно посторонние люди, чужеродцы —зятья,

воспитанники, работники и рабы. Во главе семьи стоял ага, т. е. отец или старший по возрасту. Он пользовался неограниченной властью над своими домочадцами и безотчетно распоряжался не только их трудом, но и самою жизнью. Все они считались его детьми и находились в отношении к нему в полнейшем подчинении. В случае смерти главы семьи, его власть переходила к его старшему сыну, если только он оказывался способен взять на себя бразды правления. Взаимные отношения членов семьи покоились на том же начале старшинства: младшие стояли ниже старших, а жены находились в беспредельном повиновении у своих мужей. Браки у прежних якутов заключались путем умыкания и договора; в последнем случае жених иногда брал приданое, иногда давал калым, а иногда не было ни того, ни другого.

Такова была якутская кровная семья. Но кроме кровных родственников, в нее входили иногда также свойственники, воспитанники, работники и рабы. Такая семья бывала только у людей богатых и сильных в своей округе. причем члены ее уже не могли разместиться под одною кровлей, а распределялись по нескольким дворам. Власть главы в этом случае была ничуть не меньше подобной же власти в кровной семье, хотя отношение главы к чужеродцам было уже несколько иное. Положение в семье зятя и приемышей по-видимому ничем не отличалось от положения

других членов семьи: зять был зависим от главы даже в имущественном отношении, а приемыши считались за родных детей. В худшем положении были работники и рабы, находившиеся в подчинении у всех остальных членов семьи. Глава семьи для них был не только отцом (ага), но и господином (тойон). Количество слуг у богатых господ было настолько значительно, что для помещения их требовались особые юрты; разделение труда между ними доведено было до крайности. Так, в произведениях якутской народной словесности упоминаются рабочие, работники, посыльные, прислужники и комнатные слуги; у каждого из них было свое дело: одни отворяли и затворяли дверь, другие ухаживали за скотом, третьи кололи животных, были также особые слуги, занятые приготовлением пищи и прислуживанием за столом. Большинство слуг набиралось из рабов. Происхождение последних неизвестно, хотя можно предполагать, что они добывались при военных столкновениях, в качестве пленных. Рабы считались как бы собственностью господина: их отдавали в приданое за дочерьми, любимые же из них должны были сопровождать своего господина в загробную жизнь, т. е. по его смерти убивались.

Когда члены большой семьи не могли поместиться в одной юрте, они делились на несколько более мелких семей. Последние, хотя и продолжали оставаться под главенством

одного лица, аги, но уже превращались в семейный союз или род (ага-уса—отчий род); вместе с тем и сам глава становился тойоном. Первоначально якутский род состоял из такого количества родичей и чужеродцев, какое могло существовать на один общий табун лошадей (до 500 голов), при пособии охоты и рыболовства. По своему внутреннему строю и по отношениям членов рода к своему главе и между собою род сначала представлял собою не что иное, как ту же первобытную семью. В иных случаях, говорит г. Пекарский, чрезвычайно трудно понять, где кончается семья в нашем смысле и начинается род,— до такой степени они близки между собою и построены по одному и тому же типу.

Взаимные отношения между семьями, составлявшими якутский род, определялись обычаем, при нарушении которого потерпевшая сторона обращалась за защитой к своему тойону, единственному судье и правителю в пределах рода. Условия жизни рода и его тойона были совершенно различны. В то время как члены рода проводили время в снискании себе пропитания охотой, рыбной ловлей и скотоводством и поставляли воинов своему тойону,—последний вел жизнь богатую и праздную, занимался охотой лишь для забавы и воевал с тойонами соседних родов. В его лице сосредоточивалась вся власть, поэтому у прежних якутов не было никаких народных собраний или советов. Они соби-

рались лишь на общественные празднества, куда сходились и соседи-чужеродцы, и иноплеменники, да изредка на военные совещания, и то в последних участвовали только лучшие люди.

По мере того как численность членов рода превышала имевшиеся у него средства к существованию (скот и промышленные места), род дробился на части, из которых с течением времени образовывалось несколько родов, связанных между собою и единством происхождения, и хозяйственными интересами. Если же еще при этом тойоны их состояли в родственных или дружественных отношениях между собою, то несколько близких родов соединялось в родовой союз. Такие союзы имели иногда весьма значительные пастбища и промышленные места, так что русские завоеватели назвали потом владения родовых союзов волостями или улусами.

Однако не все якутские роды и родовые союзы жили мирно. Многие из них постепенно утратили чувство взаимного родства, и тойоны их стали вести постоянные войны между собою. Поводов к столкновениям было достаточно: то тойоны желали добыть себе жен, то один род занял в ущерб другому хорошие пастбища и промышленные места, то между родами вспыхивала кровная месть, то один наносил оскорбление другому... При взаимных столкновениях враждовавшие стороны пользовались всякими средствами, лишь бы обес-

печить себе успех в борьбе. „Воюющий убивает - закон", говорили якуты в старину, и истребление ими побежденных применялось в самых широких размерах. Не даром теперешние якуты, вспоминая о своем далеком прошлом, говорят: „если бы мы не подпали под власть русских, то непременно в конце концов перерезали бы друг друга"...

Ничем не отличалось отношение прежних якутов и к соседним племенам, тунгусам и ламутам. Будучи сильнее их, якуты постоянно одерживали над ними верх, причем лучших из них истребляли, забирая себе их имущество, а простых людей облагали данью. Причины столкновений якутов с соседями были те же, что и в междуродовых отношениях; такой же жестокостью отличалось и обращение их с побежденными.

Постоянная вражда и войны между обособленными и независимыми родами привели в конце концов к подчинению слабейших из них сильнейшему. Действительно, ко времени прихода русских отдельные якутские роды уже утратили свою самостоятельность и вошли в состав нескольких объединений, причем каждое из них находилось под властью сильного тойона. Предание сохранило нам известие только о двух таких объединениях: во главе одного стоял богатый и властный Тыгын-тойон, а во главе другого — враждебный ему борогонский властитель Лёгёй-тойон.

При таком общественном состоянии якутов, к ним в 1620-х г. г. явились русские и положили конец их прежней независимости.

в) древнеазийцы.

Тунгусские племена, некогда вторгшиеся в Сибирь, разорвали здесь цепь древнеазийских народов и племен, которая тянулась повидимому от Урала до Великого океана. После расселения тунгусов, на Енисее осталась лишь незначительная группа древнеазийцев (арины, котты, ассаны и енис. остяки), большинство же их оттеснено было на крайний северо-восток, где их впоследствии встретили русские завоеватели. Мы не знаем, как расселялись здесь древнеазийцы до XVII в., в середине же этого столетия они судя по сообщению русских людей (Дежнева, Атласова и др.), размещались по северо-восточной Сибири следующим образом.

По среднему и нижнему течению р. Яны и на восток от нее, до р. Колымы, обитали юкагиры; бассейн Колымы, вперемешку с юкагирскими поколениями, занимали чуванцы; обширная область к востоку от Станового хребта населена была -на севере чукчами и эскимосами, а в центральной и южной частях коряками и родственными им олюторами; что же касается полуострова Камчатки, то здесь жили вперемешку три племени—юкагиры, коряки и самое сильное из них ительмены -камчадалы.

Все эти племена некогда добывали себе пропитание охотой, рыбной ловлей, а также тюленьим и китовым промыслом. Такие занятия заставляли их иметь постоянное местожительство и проводить здесь большую часть года; так, ительмены жили по р. Камчатке огромными селениями („посады“ русских источников), по 300—500 жилищ в каждом. Зимние жилища древнеазийцев представляли собою хижины-землянки, покрытые сверху досками или древесными ветвями, иногда корьем, на которые еще набрасывалась земля. Летом они жили в подвижных юртах-палатках, сделанных (на подпорках) из жердей и покрытых оленьими шкурами или древесной корою. У более культурных ительменов в их городках строились огромные зимние юрты, причем в двух таких юртах помещалось до 150—200 чел.

Единственным домашним животным у древнеазийцев долгое время была собака. И только во второй половине XVII и начале XVIII ст. некоторые из них (коряки, ительмены и чукчи) перешли к оленеводству, с которым они, по мнению г. Патканова, могли познакомиться через тунгусов. Новое занятие имело для них огромное значение, так как оно увеличило их подвижность и придало им большую силу в борьбе за существование. Особенно полезен был олень, как перевозочное животное: в конце XVII в. на Камчатке его употребляли для езды и летом, и зимою; только в

летнюю пору на нем ездили верхом в деревянных седлах, а зимою его впрягали в легкие нарты.

До завоевания русскими северо-восточной Сибири древнеазийцы не знали употребления металлов, а все свои орудия и оружие изготовляли из камня, кости и дерева. Обычным оружием их были—лук из дерева или китового уса (у ительменов), а также стрелы и копья с костяными и каменными наконечниками; на войне у них употреблялись еще пращи, заостренные колья и дубинки. Свои лодки они сшивали из тюленьей (нерпичной) кожи, причем в середине их устраивали деревянные распорки и решетки; у коряков такие лодки делались 6 саж. длиною и $1^1/_2$ шириною и могли вмещать в себе от 30 до 40 чел. каждая, у ительменов же—от 10 до 20 чел. Домашнюю посуду древнеазийцы делали из глины, дерева, коры и кожи. Огонь добывали путем трения двух кусков дерева. Приготовляя жидкую пищу, они наливали ее в деревянные блюда или корыта и бросали в них раскаленные камни.

Об общественном строе древнеазийцев в XVII в. мы знаем сравнительно мало. Когда русские явились в северо-восточную Сибирь, они не нашли у юкагиров, чукчей и коряков ни наследственных или выборных вождей, ни какой-либо общественной организации. Эти племена, по словам г. Патканова, представляли собою собрание семей, которые жили в

пределах известной области, иногда делая общее дело, напр., во время охоты на оленя или войны с своими соседями. Но раз охота или война кончалась, все они расходились и каждая семья жила собственной жизнью, нимало не заботясь о других (Essai, p. 63).

Более развитый строй общественных отношений имели ительмены и камчатские коряки. Русские завоеватели говорят о существовании у них родовой организации. Во главе родов стояли старейшины князьки, обладавшие сравнительно большей состоятельностью, а потому и влиянием среди сородичей. Роды коряков и ительменов находились в постоянной борьбе между собою. Зимою ительмены вступали в битву на лыжах, а коряки — подвое на нартах: один правил оленями, а другой стрелял из лука; летом в бой выходили пешком, приэтом иногда сражались в одежде, иногда нагие. Для достижения успеха в этой борьбе ительмены и камчатские коряки к концу XVII в. начали строить острожки, которых в 1701 г. по одному только нижнему течению р Камчатки (от р. Еловки до моря) насчитывалось до 160; а у коряков кроме того был еще городок Кохоч. Камчатские острожки строились деревянные и земляные; они были небольшие по своим размерам и заключали в себе от 150 до 200 жителей; около них нередко располагались значительные селения (до 400 юрт). До прихода русских острожков на Камчатке было не особенно много; после

первого же посещения ими полуострова (1697—1699 г. г.) туземцы, из опасения пришельцев, стали больше строить острожков и лучше укреплять их.

В таких чертах представляется теперь жизнь древнеазийцев до завоевания русскими северо-восточной Сибири.

4. Заключение.

Мы изучили в настоящей главе старинное население Сибири и те перемены, какие происходили в его положении в течение нескольких столетий, от времени Чингиз-хана и до установления в стране русского господства. Мы постарались рассмотреть за это время хозяйственный уклад жизни, материальный быт и общественно-государственные отношения у различных племен и народов Сибири. Какие же выводы вытекают из данного обзора?

Финно-угры Зап. Сибири (остяки, югра и вогулы) в XIV—XVI вв. занимались охотой, рыбной ловлей и оленеводством и обладали невысокой материальной культурой, так как находились в состоянии перехода от каменного века к металлическому. Общественные связи у них отличались непрочностью, несмотря на соединение их волостных княжеств в более крупные политические союзы. Поэтому когда русские люди в XIV и XV вв. впервые столкнулись с финно-уграми, последние не могли бороться с более культурными пришельцами и вынуждены были подчиниться им.—Еще

на более низком культурном уровне стояли их северо-восточные соседи, самоеды.

К югу от названных племен в описываемое время обитали турецко-татарские племена. Одни из них (туралинцы и тобольско-иртышские татары) обладали довольно развитой земледельческо-городской культурой, тогда как другие (барабинцы) вели полукочевой и звероловный образ жизни. В общественном отношении западно-сибирские татары делились на немногочисленную знать и подвластное ей простое население. Обе силы находились в состоянии борьбы, которая обусловливала крайнюю непрочность общественного строя татар и являлась постоянной угрозой их государственному порядку. Последний осложнялся еще вековою борьбой представителей ханского рода и местных князей за политическое преобладание в Сибирской земле. Такое положение вещей рано или поздно должно было привести к гибели татарское государство, и оно действительно, несмотря на выдающуюся личность Кучума, пало под ударами русских завоевателей.

Южная Сибирь в XIII — XVII вв. была населена многочисленными племенами разного происхождения и неодинаковой степени культурного развития.

На верхнем Енисее были расположены кыргызские княжества, представлявшие собою обломки некогда значительного хакасского государства. Господствующее положение в крае

занимали кыргызы, которым подчинялось множество мелких племен турецкого и неизвестного происхождения. Экономические отношения здесь отличались преобладанием экстенсивных форм хозяйства: прежнее земледелие постепенно сократилось за счет развития скотоводства и охоты на пушного зверя. Разноплеменность края препятствовала образованию в нем прочных общественных связей, а закрепощение значительной части населения (кыштымы) вело к взаимной разобщенности классов. Енисейские кыргызы не составляли единого политически целого: они делились на самостоятельные улусы-княжества, во главе которых находились независимые друг от друга князья-вотчинники. Государственно-общественные отношения в кыргызской земле в XVI—XVII в. в. осложнялись тем, что кыргызов окружали сильные соседи—монголы, джунгары и русские, которые вели между собою упорную борьбу за обладание краем. Кыргызы склонились сначала на сторону монголов, затем признали над собою власть джунгаров, когда же убедились в вероломстве политики последних, то обратились к русским за помощью и покровительством.

Западными соседями енисейских кыргызов были кыргыз-казаки, а восточными —буряты. Первые представляли собою крайне непрочный союз различных кочевых племен и родов турецко-кыргызского происхождения; вторые же, хотя и обладали более высокой земле-

дельческо-скотоводческой культурой, но, разделенные на три племени и множество родов, они неспособны были оказать действительное сопротивление русским и защитить свою независимость.

Еще в худшем положении находились тунгусы. Разбросанные по огромным пространствам Вост. Сибири, они в большинстве своем были охотниками и оленеводами и отличались крайней подвижностью, которая нимало не способствовала укреплению у них междуродовых связей и отношений. Только родственные им дауры и дучеры (на Амуре) переживали сравнительно высокую земледельческо-городскую культуру, находившуюся повидимому под сильным китайским влиянием. Раздробленные политически, они находились в даннической зависимости от Китая, без помощи которого едва-ли долго могли отстаивать независимость своих владений.

Наиболее сильным из восточно-сибирских племен были якуты. Явившись на север со скотом, основой своего материального существования, они сумели приспособиться к новым условиям жизни. Став приполярными кочевниками, они постепенно выросли в значительное племя, способное одерживать верх в столкновении с более слабыми соседями, тунгусами. Однако внутренние отношения у якутов, с их ожесточенною междуродовой борьбой, значительно ослабили это племя и приели его к подчинению русским завоевателям.

На крайнем северо-востоке Сибири расположились некогда оттесненные сюда немногочисленные остатки древнеазийских племен. Низкая материальная культура и неразвитые общественные отношения делали из большей части древнеазийцев сравнительно легкую добычу для таких предприимчивых людей, как русские казаки и промышленники.

Таким образом, обозрение всех сибирских племен и народов XIII—XVII в. в. обнаружило у большинства их невысокую материальную культуру, слабые общественные связи и почти полное отсутствие у значительной части их определенного государственного устройства. Разбросанные по необъятным пространствам Сибири, они были разрознены и враждовали друг с другом. При таком положении вещей какому-либо культурному и сильному народу было нетрудно привести их в подчинение и, прочно связав с собою, собрать их в едином государственном союзе. Эта великая задача в Сибири и выпала на долю русскому народу.

Источники: Акты Историческіе, изд. Археограф. Ком., т. т. II и IV, Спб. 1841 и 1842. — Историческіе акты XVII столѣтія. Матеріалы для исторіи Сибири, собр. и изд. Инн. П. Кузнецовымъ-Красноярскимъ, вып. I и II, Томск 1890—1897.—Русская Историческая Библіотека, т. т. II и VIII, Спб. 1875 и 1884. — Дополненія къ Актамъ Историческимъ, т. т. II—XII, Спб

1846 — 1872. — Книга, глаголемая Большой Чертежъ, изд. по поруч. И. Общ. ист. и др. рос. Г. И. Спасскимъ, М. 1846.—Архангелогородскій лѣтописецъ, М. 1819.—Краткая Сибирская (Кунгурская) лѣтопись, Спб. 1880. — Матеріялы для исторіи Сибири, собр. Г. Н. Потанинымъ и изд. Общ-вомъ ист. и др. рос. въ 1867.—Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными (съ Крымскою и Нагайскою ордами и съ Турціей) (Сборникъ И. Рус. Истор. Общ., т. XLI), Спб. 1884. — Памятники Сибирской исторіи XVIII вѣка, кн. I и II, Спб. 1882 и 1885. — Двѣ „скаски" Вл. Атласова объ открытіи Камчатки, изд. Н. Оглоблинымъ (Чтенія въ Общ. ист. и др. рос.), М. 1891. — Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, т. т. II (М. 1819) и V (Спб. 1841 и М. 1894). — Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, т. т. I (Лаврентьевская), II (Ипатская), III—V (Новгородские и псковские), VIII (Воскресенская), IX—XIV (Никоновская), Спб. 1846—1851 и 1859—1910.—О человѣцѣхъ незнаемыхъ на восточной странѣ и о языцѣхъ розныхъ (А. Титовъ, Сибирь въ XVII вѣкѣ. Сборникъ старинныхъ русскихъ статей о Сибири и прилежащихъ къ ней земляхъ. Изд. Г. Юдина, М. 1890).

Пособия: *Н. А. Абрамов*, Описаніе Березовскаго края, Спб. 1857.—*Д. Н. Анучин*. Къ исторіи ознакомленія съ Сибирью до Ермака, М. 1890. —*Н. А. Аристов*, Замѣтки объ этническомъ составѣ тюркскихъ племенъ и народностей, Спб. 1897.—*Он же*, Опытъ выясненія этническаго состава киргизъ-казаковъ большой орды и каракиргизовъ... (Живая Старина, 1894 г., вып. III и IV).—*М. Н. Богданов*. Изъ исторіи бурятъ. (Историко-этнографическій очеркъ). (Записки Зап.-Сиб. Отд. И. Р. Г. Общ., т. XXXVIII, Омск 1916). — *П. Н. Буцинский*, Крещеніе остяковъ и вогу-

ловъ при Петрѣ Великомъ, Харьков 1893. — *А Бунге*, Опытъ изслѣдованія о древней Югрѣ (Вѣстникъ Имп. Рус. Геогр. Общ. 1855 г., ч. XIV). —*П. Вамбоцыренов*, Аба-хайдакъ, облава у хоринскихъ бурятъ (Извѣстія В.-Сиб. Отд. И. Р Г. Общ. 1890 г., т. XXI, № 2).—*В. В. Вельяминов-Зернов*, Изслѣдованіе о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ, ч II, Спб. 1863.—*А. А. Дмитриев*, Пермская Старина. Сборникъ историческихъ статей и матеріаловъ преимущественно о Пермскомъ краѣ. Вып. V — Покореніе угорскихъ земель и Сибири. Пермь 1894.—*Н. М. Карамзин*. Исторія Государства Россійскаго, т. VI.—A. Castrén, Ethnologische Vorlesungen etc.—*Н. Ф. Катанов*, Преданія тобольскихъ татаръ о прибытіи въ 1572 г. мухаммеданскихъ проповѣдниковъ въ г. Искеръ (Ежегодникъ Тоб. Губ. Музея, вып. VII, Тобольск 1897) —*Д. А. Клеменц* и *М. Н. Хангалов*, Общественныя охоты у сѣверныхъ бурятъ (Матеріалы по этнографіи Россіи, изд. Этногр. Отд. Рус. Музея Имп. Александра III, т. I, Спб. 1910).—*Н. Н. Козьмин*, Д. А. Клеменцъ и историко-этнографическія изслѣдованія въ Минусинскомъ краѣ (Извѣстія Вост.-Сиб. Отд. И. Рус. Геогр. Общ., т. XLV, Ирк. 1917). — *Он же*, Туба (Историко-этнографическій очеркъ) (Сиб. Записки, 1918 г., № 4). —A. Lehrberg, Untersuchungen zur Erläuterung der älteren Geschichte Russlands, St.-Ptb. 1816. —*Г. Ф. Миллер*, Описаніе Сибирскаго Царства.—*А. В. Оксенов*, Сношенія Новгорода Великаго съ Югорской землей. Историко-географическій очеркъ по древнейшей исторіи Сибири (Литерат. Сборникъ, изд. ред. «Вост. Обозр.», Спб. 1885).—*Он же*, О древнѣйшей торговлѣ Югорской земли съ Волжскими Булгарами (Том. Губ. Вѣд. 1889 г., №№ 16 и 17).—*Он же*, Торговыя сношенія русскихъ съ обитателями сѣверо-западной Азіи до эпохи Ермака (Том. Губ, Вѣд. 1888 г., №№ 10 и

11).—*Он же*, Старые пути изъ предѣловъ Московскаго государства въ Сибирскую землю (Том. Губ. Вѣд., 1888 г., № 12).—*Он же*, Политическія отношенія Московскаго государства къ Югорской землѣ (1455—1499). (Ж. М. Н. Пр. 1891 г., ч. CCLXXIII, февр., отд. 2).—*Он же*, Сибирское царство до эпохи Ермака (Князья и ханы сибирскихъ татаръ. Этнографическій составъ и политическій строй позднейшаго Сибирскаго ханства) (Том. Губ. Вѣд. 1888, №№ 14—16 и 18 и отд.), Томск 1888.—*С. К. Патканов*, Стародавняя жизнь Остяковъ и ихъ богатыри, по былинамъ и сказаніямъ (Живая Старина 1891 г., вып. III и IV, а также отдельно под заглавием—Типъ остяцкаго богатыря по остяцкимъ былинамъ и героическимъ сказаніямъ, Спб. 1891).—*Он же*, Essai d'une statistitique et d'une géographie des peuples palaeasiatiques de la Siberie, St. Pétersb. 1903.—(*Э. К. Пекарскій*), Якутскій родъ до и послѣ прихода русскихъ (Памятная книжка Якутской области на 1896 г., вып. I, изд. Якут. Статист. Комит., Як. 1895).—*В. Н. Пигнатти*, Искеръ (Кучумово городище) (Ежегодникъ Тоб. Губ. Музея, вып. XXV, Тоб. 1915).—*Н. И. Попов*, О памятникахъ тангутскаго и монгольскаго письма въ Минусинскомъ краѣ (Извѣстія Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. 1874 г., т. V, № 3 и 4).—W. Radlow, Aus Sibirien, I—II Bd., 2-te Ausg. Leipzig 1893.—*А. Сгибнев*, Историческій очеркъ главнѣйшихъ событій въ Камчаткѣ съ 1650 по 1856 г., Спб. 1869.—*В. Л. Серошевский*, Якуты, опытъ этнографическаго изслѣдованія, т. I, Спб. 1896.—*П. А. Словцов*, Историческое обозрѣніе Сибири, изд. И. М. Сибирякова, Спб. 1886.—*С. М. Соловьев*, Исторія Россіи, т. VI.—*И. Э. Фишер*, Сибирская исторія.—*М. Н. Хангалов*, Зэгэтэ-аба, облава на звѣрей у древнихъ бурятъ (Изв. В.-Сиб. Отд. И. Р. Г. Общ. 1888 г., т. XIX, № 3).—*Он же*, Юриди-

ческіе обычаи у бурятъ (Этногр. Обозр. 1894 г. № 2).—*А. Харузин*, Къ вопросу о происхожденіи киргизскаго народа (Этногр. Обозр. 1895 г., № 3).—*Н. Харузин*, Исторія развитія жилища у кочевыхъ и полукочевыхъ тюркскихъ и монгольскихъ народностей Россіи, гл. I (Этногр. Обозр. 1896 г., № 1).—*Л. Шренк*, Объ инородцахъ Амурскаго края, т. т. I—III, Спб. 1883—1903.—*Н. М. Ядринцев*, Сибирскіе инородцы, ихъ бытъ и современное положеніе, Спб. 1891.

Конец I части.

КАРТА СИБИРИ
ЛЕДОВИТЫЙ ОКЕАН
Карское море
Обская губа
Уральский хребет
Тобольская губерния
Томская губерния
Енисейская губерния
Иркутская губерния
Якутская область
Забайкальская область
Амурская область
Приморская область
Охотское море
Берингово море
Японское море
Курильские острова
Ново-Сибирские острова
Таймыр
Камчатка
Архангельск
Пермь
Екатеринбург
Тобольск
Омск
Томск
Семипалатинск
Красноярск
Иркутск
Якутск
Чита
Благовещенск
Хабаровск
Николаевск
Владивосток
Байкал
Лена
Енисей
Амур
Балхаш
Иссык-Куль
Халха
Масштаб
в английском дюйме 500 верст.
0
500
1000 верст

480 ~

165332010
Гос. библиотека Югры

1103/14
3.00